

**ИЗВЕСТИЯ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ**

**Северо-Кавказский
регион**

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
2025**

1

Журнал основан в 1972 г. Ю.А. Ждановым

Главная редакция:

М.А. Боровская (главный редактор),
Е.Н. Макаренко (заместитель главного редактора, председатель редколлегии),
Е.А. Шинкаренко (ответственный секретарь)

Редакционная коллегия:

М.А. Боровская – главный редактор, академик РАО, доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.Н. Макаренко – председатель редколлегии, доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
И.М. Узародов – заместитель председателя, доктор исторических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Х. Акаев – доктор философских наук, профессор, Академия наук Чеченской Республики, Россия
О.А. Алимуратов – доктор филологических наук, профессор, Пятигорский государственный университет, Россия
А.У. Альбеков – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
С.Н. Астапов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.Д. Бакулов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Б.Б. Булатов – доктор исторических наук, профессор, Дагестанский государственный университет, Россия
Ю.Г. Волков – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.В. Драч – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Н.Н. Евченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
А.Г. Иванов – доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный университет, Россия
Н.В. Изотова – доктор филологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Ю.С. Колесников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
С.И. Лукьяшко – доктор исторических наук, профессор, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, Россия
А.А. Магомедов – доктор исторических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия
А.В. Матецкая – доктор философских наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
Н.А. Мининков – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.М. Ниворожкин – доктор экономических наук, PhD (доктор экономики), UCL School of Slavonic and East European Studies, Лондон, Англия
Л.И. Ниворожкина – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Н. Овчинников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.А. Паламарчук – доктор исторических наук, профессор, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, Россия
И.А. Полякова – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.И. Пржиленский – доктор философских наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Россия
М.Д. Розин – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Д.В. Сень – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Р.Д. Хунагов – доктор социологических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
И.К. Шевченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Э.А. Шеуджен – доктор исторических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
Е.А. Шинкаренко – ответственный секретарь журнала, Южный федеральный университет, Россия
О.М. Штомпель – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия

Учредители:

Дагестанский государственный технический университет,
Дагестанский государственный университет,
Донской государственный технический университет,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Кубанский государственный технологический университет,
Ростовский государственный университет путей сообщения,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова,
Южный федеральный университет

Journal was founded in 1972 by Yu.A. Zhdanov

Main Edition:

M.A. Borovskaya (Editor-in-Chief),
E.N. Makarenko (Deputy Editor-in-Chief, Chairman of the Editorial Board),
E.A. Shinkarenko (Assistant Editor)

Editorial Committee:

M.A. Borovskaya - Editor-in-Chief, Academician, Russian Academy of Education, Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.N. Makarenko - Chairman of the Editorial Board, Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
I.M. Uznarodov - Deputy Chairman, Doctor of History, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.H. Akayev - Doctor of Philosophy, Professor, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Russia
O.A. Alimuradov - Doctor of Philology, Professor, Pyatigorsk State University, Russia
A.U. Al'bekov - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
S.N. Astapov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.D. Bakulov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
B.B. Bulatov - Doctor of History, Professor, Dagestan State University, Russia
Yu.G. Volkov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
G.V. Drach - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
N.N. Evchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
A.G. Ivanov - Doctor of History, Professor, Kuban State University, Russia
N.V. Izotova - Doctor of Philology, Professor, Southern Federal University, Russia
Yu.S. Kolesnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
S.I. Lukyashko - Doctor of History, Professor, Federal Research Centre The Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russia
A.A. Magometov - Doctor of History, Professor, Khetagurov North Ossetian State University, Russia
A.V. Matetskaya - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
N.A. Mininkov - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
E.M. Nivorozhkin - Doctor of Economics, PhD, UCL School of Slavonic and East European Studies, London, England
L.I. Nivorozhkina - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.N. Ovchinnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Palamarchuk - Doctor of History, Professor, Rostov Institute (Branch), All-Russian State University of Justice, Russia
I.A. Polyakova - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.I. Przhilensky - Doctor of Philosophy, Professor, Kutafin Moscow State University of Law, Russia
M.D. Rosin - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
D.V. Sen' - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
R.D. Hunagov - Doctor of Social Sciences, Professor, Adyghe State University, Russia
I.K. Shevchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Sheudzhen - Doctor of History, Professor, Adyghe State University, Russia
E.A. Shinkarenko - Executive Secretary of the Journal, Southern Federal University, Russia
O.M. Shtompel' - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia

The Founders:

Dagestan State Technical University,
Dagestan State University,
Don State Technical University,
Berkbekov Kabardino-Balkarian State University,
Kuban State Technological University,
Rostov State Transport University,
Rostov State University of Economics,
Platov South Russian State Polytechnic University,
Southern Federal University

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН

BULLETIN OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS. NORTH CAUCASUS REGION

<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1>

*Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77 – 76978 от 28.10.2019,
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
Научный журнал
Издается с 1973 г.
Периодичность серии 4 номера в год
№ 1 (225) 2025 г.*

*Registration certificate
PI No. FS 77 - 76978 dated 10/28/2019,
issued Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media
Science magazine
Published since 1973.
4 issues per a year
No. 1 (225) 2025*

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

SOCIAL SCIENCE

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL SCIENCE

Цзин Цзинхуа, Линь Лэй. Философско-антропологические аспекты формирования гражданской идентичности в многонациональном обществе (на примере тибетского населения Китая) 4

Jing Jinghua, Lin Lei. Philosophical-Anthropological Aspects of the Formation of Civic Identity in a Multinational Society (on the Example of the Tibetan Population of China) 4

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCE

Аганов А.А. Ликвидация донской организации меньшевиков (по архивным материалам) 12
Антонова Л.А. Военное образование в России в конце XIX – начале XX века (по воспоминаниям генералов А.И. Деникина и А.С. Лукомского) 17
Венков А.В. Становление донской казачьей верхушки: легализация статуса 24
Данилов Д.В. Кубанская народная республика (1918–1920) в воспоминаниях участников Белого движения 33
Козлов С.С., Щукина Т.В. К вопросу о развитии дорог и транспорта в городе Нахичевани-на-Дону во второй половине XIX – начале XX века 39
Лобова В.В. Хроника Варшавского императорского университета 1917 года по материалам газет 45
Мартыненко В.Ю. Программная установка анархо-коммунистов Екатеринодара: становление и трансформация 52
Минникова Л.В., Бендер Д.Г. Герой и «зелье» от «Малютиной дочи Скурлатовой»: гибель князя М.В. Скопина-Шуйского в народной памяти 58

Aganov A.A. Liquidation of the Don Menshevik Organization (Based on Archival Materials) 12
Antonova L. A. Military Education in Russia in the Late 19th - Early 20th Century (Based on the Memoirs of Generals A.I. Denikin and A.S. Lukomsky) 17
Venkov A.V. Formation of the Don Cossack Elite: Legalization of Status 24
Danilov D.V. The Kuban People's Republic (1918-1920) in the Memoirs of the Participants of the White Movement 33
Kozlov S.S., Shchukina T.V. On the Development of Roads and Transport in Nakhichevan-on-Don in the Second Half of the 19th - Early 20th Century 39
Lobova V.V. Chronicle of the Warsaw Imperial University 1917 Based on Newspaper Materials 45
Martynenko V.Yu. The Programmatic Installation of the Anarcho-Communists of Yekaterinodar: Formation and Transformation 52
Mininkova L.V., Bender D.G. The Hero and the “Potion” from “Malyuta Skuratov's Daughter”: the Death of Prince M.V. Skopin-Shuisky in Peoples Memory 58

Сароглиди А.В. Агитационно-пропагандистская деятельность Красной армии в периодической печати 1920-х годов (на примере Кубано-Черноморской области)	65
Сидорова Т.А. Англичане «за морями». Британская империя в большом нарративе историков Англии XIX века: имперская модель интеллектуальной рефлексии	71

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Полякова И.А., Павленко Г.В. Большие данные в современном мире: технологии обработки, анализа, моделирования, управления	79
---	----

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Кислицын С.А. Роль политической, интеллектуальной и духовной элиты в становлении советской субцивилизации как закономерного этапа развития российской евразийской цивилизации ...	86
Кузина С.И., Паламарчук Е.А., Семенцова И.А. Российская политика ядерного сдерживания: история и перспективы	98

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Мининков Н.А. – Славный град Черкасск: собрание сочинений протоиерея Григория Левитского / сост. А.В. Шадрина, Л.А. Штавдакер; под общ. ред. Г.Г. Матишова; вступ. ст. и коммент. А.В. Шадринной. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2024. 240 с.	105
---	-----

Saroglidi A. V. Agitation and Propaganda Activities of the Red Army in the Periodical Press in the 1920s (Based on the Example of the Kuban-Black Sea Region)	65
Sidorova T.A. The English “Beyond the Seas”. British Empire in the Great Narrative of Historians of England in the 19th Century: Imperial Model of Intellectual Reflection	71

ECONOMIC SCIENCE

Polyakova I.A., Pavlenko G.V. Big Data in the Modern World: Technologies of Processing, Analysis, Modeling, Management	79
---	----

CURRENT PROBLEMS OF OUR TIME

Kislitsyn S.A. The Role of the Political, Intellectual and Spiritual Elite in the Formation of the Soviet Subcivilization as a Natural Stage in the Development of the Russian Eurasian Civilization ...	86
Kuzina S.I., Palamarchuk E.A., Sementsova I.A. Russian Nuclear Deterrence Policy: History and Prospects	98

BOOKS REVIEW

Mininkov N.A. – The glorious city of Cherkassk. The collected works of Archpriest Gregory Levitsky. A.V. Shadrina, L.A. Shtavdaker (comp.); G.G. Matishov (ed.); introductory article and comments by A.V. Shadrina. Rostov-on-Don: Publishing House of SSC RAS, 2024. 240 p.	105
---	-----

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ PHILOSOPHICAL SCIENCE

Научная статья

УДК 155.39

<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-4-11>

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ТИБЕТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КИТАЯ)

Цзин Цзинхуа^{1✉}, Линь Лэй²

^{1,2} Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

¹ 1021969275@qq.com[✉]

² linlei227@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются философские основы гражданской идентичности с акцентом на её формировании и укреплении в многонациональных государствах. Анализируется её роль в обеспечении социальной стабильности, национального единства и гармоничного межэтнического взаимодействия. Исследование основывается на междисциплинарных методах, включающих анализ правовых рамок, социологических данных и экспертных интервью. Особое внимание уделяется трёхмерному философскому подходу к усилению гражданской идентичности среди тибетцев в Китае, охватывающему политические, эмоциональные и культурные аспекты. Приводятся результаты эмпирического исследования и формулируются практические рекомендации, направленные на развитие межэтнического понимания, устойчивое экономическое развитие и патриотическое воспитание. Утверждается, что эффективная государственная политика, социальная интеграция и сохранение культурного разнообразия необходимы для формирования гражданской идентичности в условиях многонационального общества. Делается вывод, что укрепление гражданской идентичности требует комплексного системного подхода, учитывающего исторические, социокультурные и экономические особенности каждого региона. В фокусе внимания – образовательные инициативы, направленные на выстраивание общей гражданской культуры и осознание национального единства, а также на взаимодействие между государственными учреждениями, гражданским обществом и этническими общинами для создания благоприятных условий развития сильной и устойчивой гражданской идентичности.

Ключевые слова: философская антропология, гражданская идентичность, тибетская культура, политико-культурная интеграция, межэтнический диалог, устойчивое развитие, национальное единство

Для цитирования: Цзин Цзинхуа, Линь Лэй. Философско-антропологические аспекты формирования гражданской идентичности в многонациональном обществе (на примере тибетского населения Китая) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 1. С. 4–11. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-4-11>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

PHILOSOPHICAL-ANTHROPOLOGICAL ASPECTS OF THE FORMATION OF CIVIC IDENTITY IN A MULTINATIONAL SOCIETY (ON THE EXAMPLE OF THE TIBETAN POPULATION OF CHINA)

Jing Jinghua^{1✉}, Lin Lei²

^{1,2} Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

¹ 1021969275@qq.com[✉]

² linlei227@gmail.com

© Цзин Цзинхуа, Линь Лэй, 2025

Abstract. The article examines the philosophical foundations of civic identity, with an emphasis on its formation and strengthening in multinational states. It analyzes the role of civic identity in ensuring social stability, national unity, and harmonious interethnic interaction. The study is based on an interdisciplinary approach, including the analysis of legal frameworks, sociological data, and expert interviews. Special attention is given to a three-dimensional philosophical approach to enhancing civic identity among Tibetans in China, covering political, emotional, and cultural aspects. The results of empirical research are presented, and practical recommendations are formulated aimed at fostering interethnic understanding, sustainable economic development, and patriotic education. The article asserts that effective state policy, social integration, and the preservation of cultural diversity are essential for the formation of civic identity in a multinational society. It concludes that strengthening civic identity requires a comprehensive, systemic approach that takes into account the historical, sociocultural, and economic characteristics of each region. Special emphasis is placed on educational initiatives aimed at forming a shared civic culture and a sense of national unity, as well as on the importance of interaction between government institutions, civil society, and ethnic communities in creating favorable conditions for the development of a strong and sustainable civic identity.

Keywords: philosophical anthropology, civic identity, Tibetan culture, political-cultural integration, interethnic dialogue, sustainable development, national unity

For citation: Jing Jinghua, Lin Lei. Philosophical-Anthropological Aspects of the Formation of Civic Identity in a Multinational Society (on the Example of the Tibetan Population of China). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2025;(1):4-11. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-4-11>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Важность формирования гражданской идентичности в многонациональном государстве

Гражданская общность представляет собой большую группу, объединяющую население страны, которая, как правило, обладает традициями, общностью исторической судьбы, языка и культурного контекста, своеобразными эмоциональными связями [1, с. 141]. Гражданская идентичность основывается на осознании политических, экономических, исторических и культурных аспектов государства, сформированных в процессе длительной совместной жизни и деятельности. По своей сути это государственное сознание, политические убеждения и национальные чувства, выражающиеся в ощущении принадлежности гражданскому обществу и гордости за свою страну.

С.Н. Голикова, ссылаясь на труды В.С. Агеева, А.Г. Асмолова и других учёных, пишет, что гражданская идентичность выступает как осознание принадлежности к сообществу граждан того или иного государства, основанное на признаке гражданской общности, характеризующем её как коллективного субъекта. Являясь важнейшим конституирующим элементом гражданской общности, она служит основой интеграции группового самосознания и залогом стабильности государства [2, с. 98].

В современном многонациональном государстве важно сохранять мир и стабильность в межэтнических отношениях. В связи с этим представляется актуальным рассмотреть вопрос идентичности людей, проживающих на территории страны и являющихся её гражданами [3, с. 38].

Укрепление гражданской идентичности национальных меньшинств в многонациональном государстве требует совершенствования институциональных механизмов в национальных регионах и развития их политической идентичности. Необходимо исходить из общих экономических интересов, формируя единое экономическое сообщество, не поддающееся разделению, при этом важнейшее значение имеет политическая основа, закреплённая в факте существования государства.

Гражданская идентичность объединяет историю, традиции и убеждения различных народов, акцентируя признание всеми этническими группами территориальной целостности государства, его основополагающей политической системы и ключевых ценностных ориентиров [4, с. 39].

Кроме того, на основе общих культурных ценностей следует выработать единые нормы и принципы поведения для всех народов, что будет способствовать усилению внутренней сплочённости и интеграции государства [5]. Чем выше уровень гражданской идентичности, тем бо-

лее заметно её воздействие на государственный суверенитет, территориальную целостность, социально-политическую стабильность и институциональную безопасность, тем сильнее поддержка и приверженность национальным интересам.

Исторический опыт показывает, что в процессе взаимодействия различных национальных цивилизаций необходимо не только преодолевать природные барьеры и преграды, но и выходить за рамки идеологических ограничений, а также устранять всевозможные предубеждения и недоразумения. Этническое многообразие, а также различия в цивилизациях и культурах не должны становиться источником раскола и конфликтов, а, напротив, должны служить движущей силой для межнационального взаимодействия и сотрудничества [6, с. 48].

Трёхмерное измерение гражданской идентичности в многонациональных государствах

В трёх измерениях гражданской идентичности политическая принадлежность и политическая идентичность – основополагающие предпосылки, эмоциональная идентичность – психологическое основание, а культурная идентичность – наиболее глубокий уровень самоидентификации.

Единое многонациональное государство объединяет множество различных культурных традиций и образов жизни в общем пространстве. Для достижения согласованности, синхронности и интеграции в общественной жизни необходимо формирование коллективного сознания, основанного на политической, эмоциональной и культурной идентичности. Только таким образом можно удовлетворить многоуровневые интересы и эмоциональные потребности различных групп, обеспечивая тем самым мощный стимул для совместного развития и процветания [4, с. 38].

Базовым идентифицирующим механизмом является патриотизм как чувство приверженности гражданской общности, признание её значимой ценностью. Особое место среди них занимают духовные скрепы гражданской идентичности, в качестве которых выступают общие история, культура, язык, гордость за прошлое и осознание своего единства перед лицом угроз и вызовов в настоящем, эмоционально окрашенное восприятие образа родины. Всё это отражается в общественном сознании в виде характерной особенности гражданской идентичности и проявляется, как правило, в патриотических ценностях [7, с. 200].

В Китае гражданская идентичность представляет собой высшую форму осознания и признания китайской нации и её культуры. Её наиболее наглядное проявление – «непрерывное и осознанное единство знания и действия в патриотизме» [8, с. 15].

Уровень гражданской идентичности жителей Тибетского автономного района

Тибетский автономный район расположен на юго-западной границе Китая, являясь основным местом проживания тибетцев. Благодаря уникальному географическому положению, особой экологической среде, богатым природным ресурсам и живописным ландшафтам он играет значимую и стратегически важную роль как ключевой элемент национальной безопасности, стратегический регион и туристическое направление. В то же время глубокое историческое наследие, самобытная и блистательная национальная культура, а также непрерывные межэтнические взаимодействия придают этому приграничному региону особую значимость, динамичность и яркость.

Если оглянуться на историю Тибета, то его связь с материковым Китаем никогда не прерывалась, особенно после основания нового Китая, когда центральное правительство активно поддерживало Тибет и всесторонне развивало социальную, экономическую, культурную, образовательную и медицинскую сферы.

Тибет, опираясь на культурное единство с остальной частью Китая, создал общую культурную память, сформировал единое духовное пространство и культурную идентичность, способствуя укреплению осознания единства китайской нации. Формирование и защита общего духовного дома всех народов является ключевым звеном в исторически обусловленном процессе укрепления национального единства. Это имеет огромное практическое значение для самого Тибета и всей страны, а также несёт в себе глубокий исторический смысл [9, с. 166].

Под воздействием глубокого призыва к чувству принадлежности к китайской нации, благодаря многолетнему взаимопониманию, поддержке и совместным усилиям, жители Тибета смогли преодолеть духовные барьеры, возникшие из-за культурного разнообразия и различий

между народами, эффективно сдерживая возникновение и распространение примитивного мещковского национализма.

Анкетирование, проведённое китайскими учёными среди жителей Тибета, показало следующее: положительную оценку отношения к родине (Китаю) высказали 84,31 % тибетцев [10, с. 66–86]. Это свидетельствует о том, что жители Тибета имеют высокий уровень гражданской идентичности с Китаем. Возможно, это связано как с базовыми чувствами привязанности к родной земле, так и с удовлетворенностью нынешним состоянием государства, что отражает высокий уровень идентичности.

Исследование проводилось по трём измерениям: культурное восприятие; чувства к государству; патриотическое поведение, выраженное в фактических действиях, направленных на пользу и укрепление государства. Полученные результаты показали, что наивысший балл был при измерении чувств, а наименьший – при измерении поведения. Это зависит от профессии (рис. 1), возраста респондентов (рис. 2) и уровня образования (рис. 3). У сельских жителей и других городских жителей уровень гражданской идентичности ниже, чем у госслужащих и студентов. Группы с более низким уровнем образования имеют более высокую этническую идентичность, чем гражданскую.

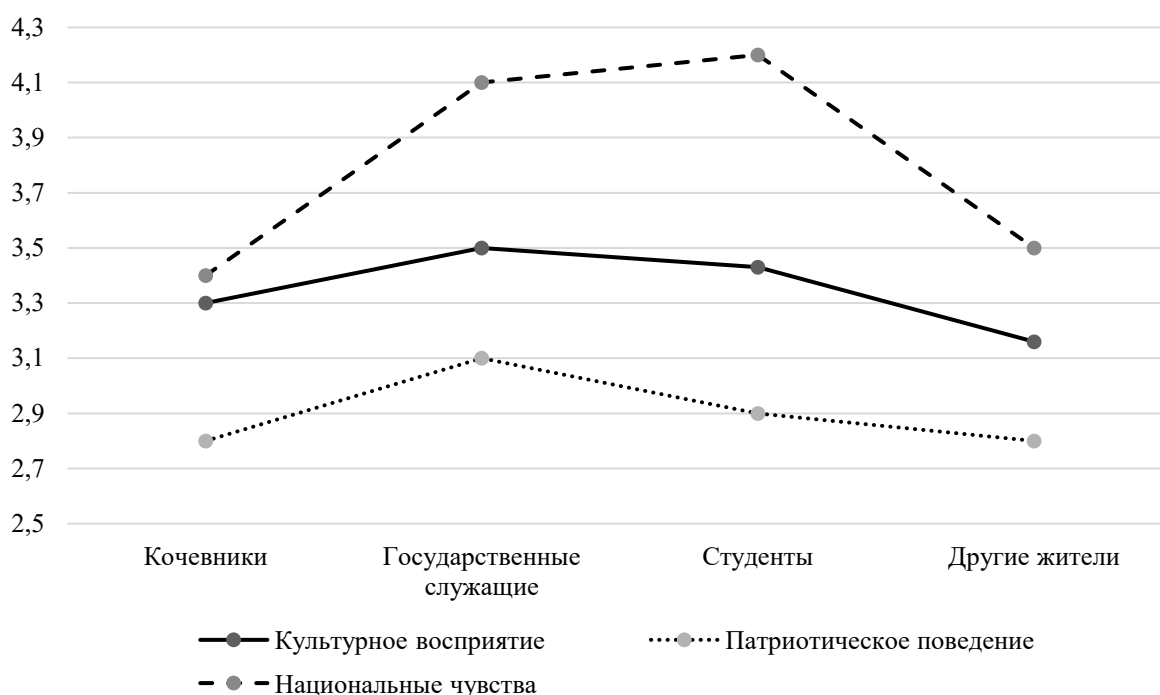

Рис. 1. Различия в гражданской идентичности по профессиям среди жителей Тибета / Fig. 1. Differences in civic identity by profession among residents of the Tibet

Результаты анкеты по таким вопросам, как государственная политика, значимые события и социальная стабильность, показывают, что уровень осведомлённости, понимания и принятия трех основных национальных политик – равенства и единства народов, автономии национальных районов и свободы вероисповедания – достаточно высок. Уровень одобрения среди жителей Тибета программы «Богатство и процветание для приграничных районов», которая была реализована в XXI в., также очень высок (рис. 4). Это отражает признание тибетским населением основных национальных политик государства. Видно, что все этнические группы придают большое значение национальному единству и политике в отношении национальных и религиозных вопросов, стремясь к стабильной и развивающейся социальной среде.

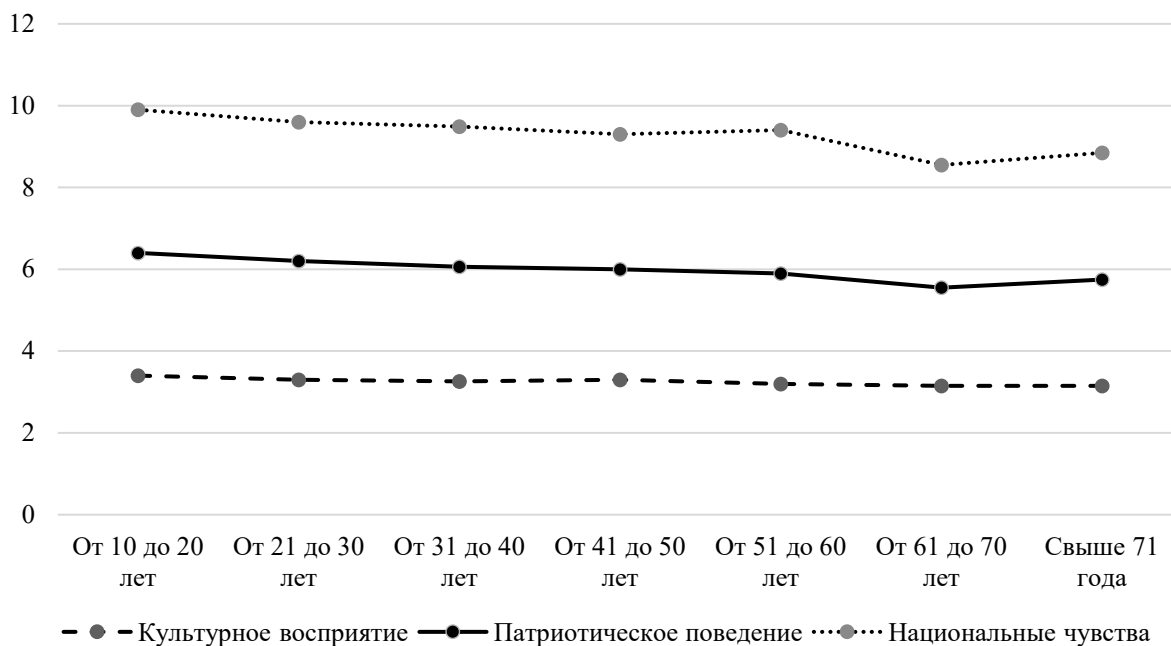

Рис. 2. Различия в гражданской идентичности по возрасту среди жителей Тибета / Fig. 2. Differences in civic identity by age among residents of the Tibet

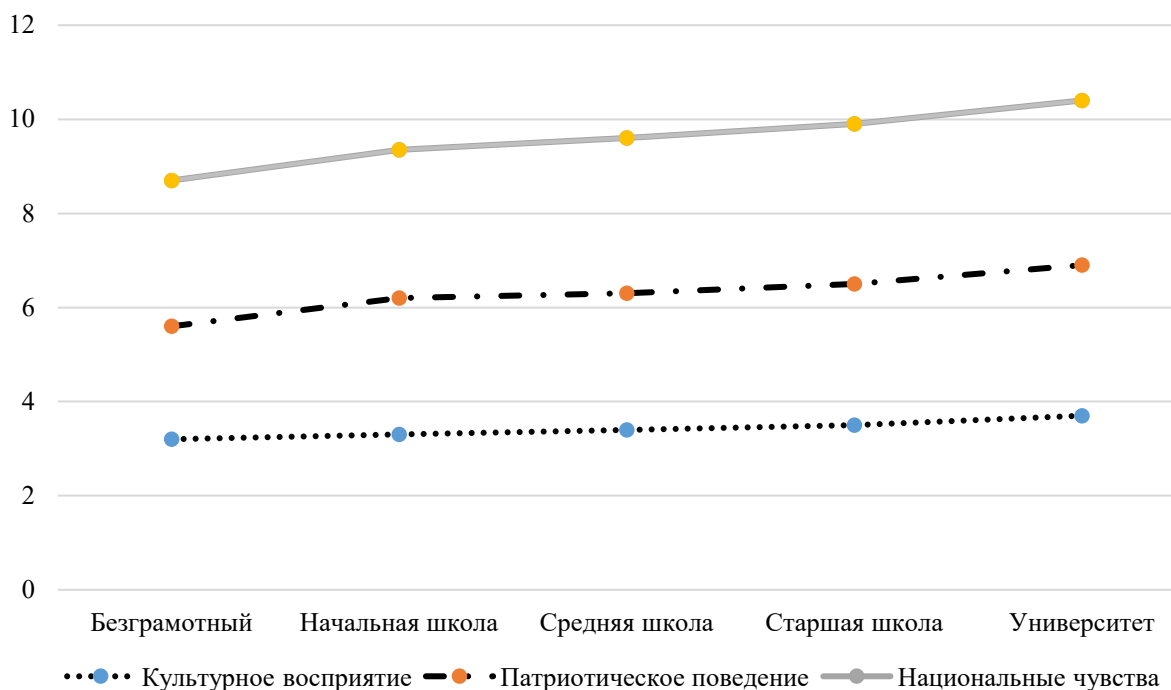

Рис. 3. Различия в гражданской идентичности по уровню образования среди жителей Тибета / Fig. 3. Differences in civic identity by education level among residents of the Tibet

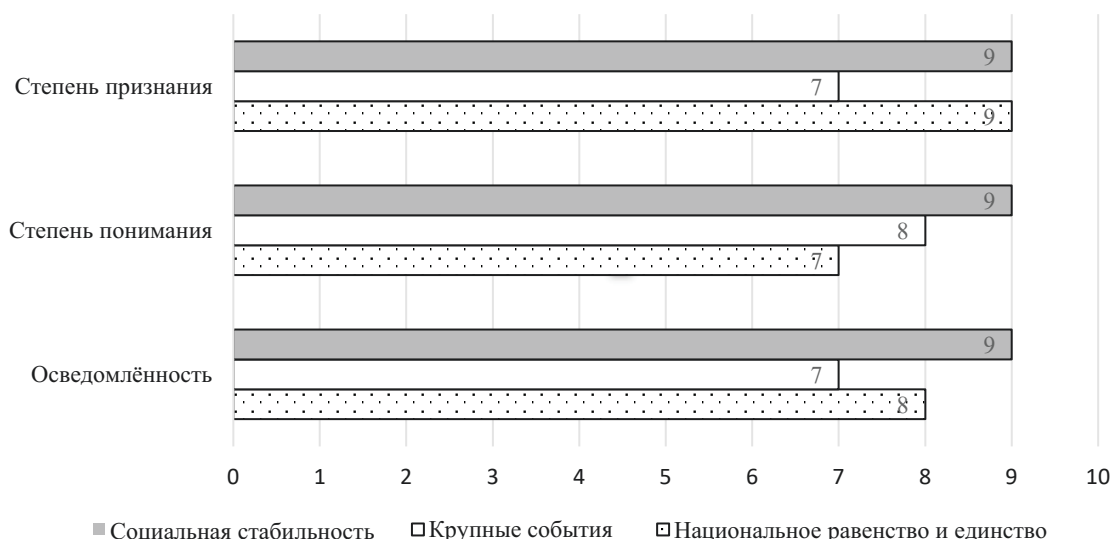

Рис. 4. Оценка поддержки ключевых национальных политик жителями Тибета: осведомлённость, понимание и признание / Fig. 4. Evaluation of support for key national policies by residents of the Tibet: awareness, understanding, and recognition

Исследование показало, что с возрастом и понижением образованности уровень гражданской идентичности у групп с более низким образованием также снижается. Пожилые люди характеризуются низким уровнем образованности и узким кругозором. Жители отдалённых районов из-за трудностей с транспортом и ограниченного доступа к информации имеют более узкую и ограниченную структуру восприятия. Односторонние каналы информации и отсутствие среди них разнообразия могут привести к тому, что при столкновении с различными культурами человек будет опираться на наиболее знакомые и понятные для него концепции, что повлечёт за собой заострение критериев суждений и формирование социальной культуры, лишённой гибкости и инклюзивности.

Меры по укреплению гражданской идентичности

Политическое измерение. Повышение политической активности национальных меньшинств, поощрение граждан к активному предложению идей и решений с учётом местных особенностей, создаёт почву для успешной интеграции этнических меньшинств в общегосударственный политический процесс. Это способствует укреплению гражданской идентичности среди этнических групп и оказывает положительное влияние на стабильность и гармонию в стране, а также на развитие экономики регионов.

Религиозно-культурное измерение. Здесь отметим управление религиозными делами в Тибете в соответствии с законом, развитие буддизма с учётом китайских культурных особенностей, укрепление основ для воспитания гражданской идентичности на базе выдающихся традиций китайской культуры.

Укрепление обмена и демонстрации этнической культуры и культуры тибетского буддизма между регионами Хань и Тибет не только удовлетворяет потребности народа в культурном многообразии, но и позволяет через материальные и нематериальные культурные достижения, характерные для Тибета, продемонстрировать защиту и развитие тибетской культуры и искусства тибетского буддизма со стороны государства. Что более важно, культурная идентичность способствует укреплению национального единства и религиозной гармонии, усиливая этническую сплочённость и пробуждая патриотизм. Это важный шаг в формировании осознания единства китайской нации и действенный инструмент для содействия интеграции тибетского буддизма в китайскую культуру. Всё это имеет огромное значение для процветания, стабильности и скачкообразного экономического развития тибетских регионов [6, с. 49].

Необходимо стимулировать среди жителей Тибета чувство принадлежности к великой родине, осознание того, что развитие нации и благосостояние личности неразрывно связаны с нею, а также признание себя существенной частью китайской нации. Важно усилить их идентичность с китайской нацией и культурой, способствуя вкладу тибетского народа в её создание и развитие.

Кроме того, следует использовать преимущества культурных ресурсов региона: проведение мероприятий, направленных на дальнейшее изучение и развитие культурного наследия национальных меньшинств, сохранение и защиту исчезающих культурных практик, а также раскрытие, сохранение и совершенствование традиционных культур, ремесел и кулинарных обычаев. Всё это способствует укреплению притягательной силы этнической культуры отдаленных мест, а также развитию отраслей с уникальной этнической специализацией.

Экономическое измерение. Тибетский регион обладает богатейшими природными ресурсами, которые необходимо эффективно применять. Например, можно развивать программу «Традиционная китайская медицина +», используя местные лекарственные травы, создавая целую индустрию вокруг таких направлений, как сбор цветущих лекарственных растений, чаепитие, приготовление лекарственных блюд и посещение аптечных рынков, что способствует развитию культурного туризма и туризма в области оздоровления. Кроме того, необходимо развивать такие индустрии, как традиционная промышленность и смешанное сельское хозяйство.

В целом большинство жителей Тибетского региона признают, что уровень жизни значительно улучшился с момента начала реформ и открытости, однако они недовольны относительной бедностью и ощущением лишения, возникающим в процессе рыночной конкуренции и урбанизации. Поэтому необходимо своевременно корректировать национальную политику, сосредоточив её на помощи бедным и уязвимым группам населения, а также на улучшении их способности адаптироваться к рыночной экономике. Следует подход, ориентированный исключительно на экономическое развитие, сменить на научный и гармоничный.

В прошлом центральное правительство просто рассматривало развитие как экономический рост, постоянно увеличивая государственные и внешние инвестиции, что усугубило противоречия в нескольких аспектах, таких как развитие городов и сельских районов, доходы работников и фермеров, экономический прогресс и состояние экологической среды. Научный вектор не только подходит для культурных традиций мира и гармонии, присущих западным регионам, но и соответствует исторической роли этих регионов как стратегического тыла и ресурсообеспечивающих территорий, особенно учитывая способность местных меньшинств адаптироваться к рыночной экономике и изменениям.

Заключение

В контексте глобализации и развития мультикультурализма гражданская идентичность, с одной стороны, должна осознавать ценность и значимость построения многосторонних идентичностей, с другой – обеспечивать условия и поддержку для свободы выбора этническими субъектами своей идентичности. Это процесс постоянных конфликтов, согласований, интеграций и развития между культурным принятием и отличием. Необходимо, чтобы социальная культура обладала достаточной «упругостью», способной интегрировать и столкнуть различные субкультуры, создавая пространство для их взаимодействия. При построении гражданской идентичности в многонациональных государствах необходимо пропагандировать уважение и инклюзивность в отношении культурного сосуществования.

В заключение приходим к выводу, что политическое строительство является основой обеспечения единого государства, экономическое развитие – важной базой, культурная идентичность – духовной связью, социальное восприятие – ключевым фактором, а образовательная среда – средством воспитания гражданской идентичности. Только в совокупности все вышеперечисленные элементы будут способствовать преодолению различных неблагоприятных факторов, стимулируя укрепление китайской гражданской идентичности среди тибетцев.

Список источников

1. *Водолажская Т.* Идентичность гражданская // Образовательная политика. 2010. № 5–6 (43). С. 140–142. EDN: VZZOQD.

2. Голикова С. Н. Особенности гражданской идентичности педагогов // Омский науч. вестн. 2011. № 1 (95). С. 97–99.
3. Сушко В.А. Гражданская идентичность и межэтнические отношения // Обозреватель – Observer. 2014. № 8 (295). С. 37–45. EDN: SJZYAD.
4. Ши Цифэн. Исследование механизмов идентификации в укреплении сознания общей идентичности китайской нации // Форум развития Тибета. 2023. № 5. С. 37–42. (На кит. яз.).
5. Тянь Хунье. Пути укрепления государственной идентичности национальных меньшинств в новую эпоху : магистр. дис. Хэйлунцзян, 2023. (На кит. яз.).
6. Сун Сяоцин. Позитивное значение культурного обмена между ханьцами и тибетцами для укрепления национальной идентичности // Китайские религии. 2024. № 7. С. 48–49. (На кит. яз.).
7. Корнеева Н. Ю. Патриотизм в аксиосфере гражданской идентичности // Филол. науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 3 (57). С. 199–202.
8. Янь Цинь. Размышления об укреплении сознания общей идентичности китайской нации с точки зрения политической идентичности // Журн. Северного нац. ун-та. 2020. № 1. С. 14–21. (На кит. яз.).
9. Цуй Сяоюань. Культурная основа, исторические истоки и политическая база укрепления сознания общей идентичности китайской нации в Тибете // Журн. Тибетского ун-та. 2022. Т. 49, № 2. С. 165–171. (На кит. яз.).
10. Чжан Яньян. Исследование национальной, гражданской и культурной идентичности в Тибете и Синьцзяне : дис. ... д-ра наук. Лхаса, 2013. (На кит. яз.).

References

1. Vodolazhskaya T. Civil identity. *Educational Policy*. 2010;(5-6):140-142. (In Russ.). EDN: VZZOQD.
2. Golikova S.N. Features of civic identity among educators. *Omsk Scientific Bulletin*. 2011;(1):97-99. (In Russ.).
3. Sushko V.A. Civic identity and interethnic relations. *Observer*. 2014;(8):37-45. (In Russ.). EDN: SJZYAD.
4. Shi Cifen. Study of the mechanisms of identification in strengthening the awareness of the common identity of the Chinese nation. *Forum of Tibet Development*. 2023;(5):37-42. (In Chin.)
5. Tian Hongye. *Ways to strengthen the state identity of national minorities in the new era*. Dissertation Abstract. Heilongjiang, 2023. (In Chin.)
6. Sun Xiaoping. The positive significance of cultural exchange between Han Chinese and Tibetans for strengthening national identity. *Chinese Religions*. 2024;(7):48-49. (In Chin.)
7. Korneeva N.Yu. Patriotism in the axiosphere of civic identity. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2016;(3):199-202. (In Russ.).
8. Yan Qin. Reflections on strengthening the awareness of the common identity of the Chinese nation from the perspective of political identity. *J. of Northern National University*. 2020;(1):14-21. (In Chin.)
9. Cui Xiaoyuan. Cultural foundation, historical roots, and political basis for strengthening the awareness of the common identity of the Chinese nation in Tibet. *J. of Tibet University*. 2022;49(2):165-171. (In Chin.)
10. Zhang Yangyang. *Study of national, civic, and cultural identity in Tibet and Xinjiang*. Dissertation Abstract. Lhasa, 2013. (In Chin.).

Информация об авторах

Цзин Цзинхуа – Ph.D. (филологические науки), доцент кафедры иностранных языков.
Линь Лэй – аспирант кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения.

Information about the authors

Jing Jinghua – Ph.D. (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages.
Lin Lei – Postgraduate Student, Department of International Relations and Foreign Regional Studies.

Статья поступила в редакцию 26.02.2025; одобрена после рецензирования 03.03.2025; принята к публикации 04.03.2025.
The article was submitted 26.02.2025; approved after reviewing 03.03.2025; accepted for publication 04.03.2025.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORICAL SCIENCE

Научная статья
УДК 94(47).084
<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-12-16>

ЛИКВИДАЦИЯ ДОНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МЕНЬШЕВИКОВ (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

Андрей Анатольевич Аганов

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия
aganoff.a@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается процесс ликвидации Ростово-Нахичеванской организации Российской социал-демократической партии меньшевиков в 1923–1924 гг. на основе неопубликованных архивных материалов, которые хранятся в Центре документации новейшей истории Ростовской области. Данные источники впервые вводятся в научный оборот. Проблема ликвидации региональной организации партии меньшевиков на Дону до сих пор не привлекала внимания исследователей. Создание группы для закрытия регионального отделения этой партии было частью начавшегося в СССР процесса ликвидации движения, инициаторами которого являлись советские власти. Показано, что на Дону организаторами этой деятельности стали бывшие члены партии, вступившие в нее до начала Февральской революции. Для придания своим действиям легитимности они пытались привлечь голоса других партийцев. Инициативная группа сумела создать организационную структуру, вовлечь в процесс членов партии, а также заручиться поддержкой украинских меньшевиков для проведения всероссийского съезда, на котором должны были ликвидировать партию на территории страны. Показано, что данная группа не смогла полностью выполнить свою задачу, т.е. организовать созыв всесоюзного съезда, на котором бы окончательно и официально ликвидировали партию меньшевиков, из-за отсутствия поддержки сверху.

Ключевые слова: бюро, Дон, инициативная группа, коммунистическая партия, меньшевики, организация, РСДРП, ростово-нахичеванская группа

Для цитирования: Аганов А.А. Ликвидация донской организации меньшевиков (по архивным материалам) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 1. С. 12–16. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-12-16>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

LIQUIDATION OF THE DON MENSHEVIK ORGANIZATION (BASED ON ARCHIVAL MATERIALS)

Andrey A. Aganov

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia
aganoff.a@yandex.ru

Abstract. Based on unpublished archival materials stored in the Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region, the article examines the process of liquidation of the Rostov-Nakhichevan organization of the Russian Social Democratic Menshevik Party in 1923-1924. These sources are introduced into scientific circulation for the first time. The problem of liquidation of the regional organization of the Menshevik Party in the Don has not attracted the attention of researchers until now. The creation of a group to close the regional branch of the Menshevik Party was part of the process of liquidation of the movement that

began in the USSR, initiated by the Soviet authorities. It is shown that in the Don, the organizers of this activity were former party members who joined it before the February Revolution. To give their actions legitimacy, they tried to attract the votes of other party members. The initiative group managed to create an organizational structure, involve party members in the process, and enlist the support of Ukrainian Mensheviks to hold an all-Russian congress, at which the party was to be liquidated on the territory of the country. It has been proven that this group was unable to fully accomplish its task, i.e. to organize the All-Union congress, at which the Menshevik party would be finally and officially liquidated, due to the lack of support from above.

Keywords: bureau, Don, initiative group, communist party, Mensheviks, organization, RSDLP, Rostov-Nakhichevan group

For citation: Aganov A.A. Liquidation of the Don Menshevik Organization (Based on Archival Materials). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2025;(1):12-16. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-12-16>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Поднимаемая нами проблема помогает восполнить пробел в изучении ликвидации действовавших на Дону в первой трети XX в. региональных отделений революционных политических партий. Их частью является и Ростово-Нахичеванская организация меньшевиков. Изучение ее деятельности на завершающем этапе существования позволяет понять, насколько действия руководства донского отделения партии соответствовали тенденции, сложившейся в СССР в начале 1920-х гг.

Функционирование донской организации меньшевиков с момента ее создания до начала Первой мировой войны рассматривалось многими учеными, в частности М.А. Васьковым, который пришел к выводу, что донские меньшевики пользовались доверием у местных рабочих и сумели добиться усиления их революционных настроений [1]. Т.В. Щукина изучила деятельность донских меньшевиков на территории Области Войска Донского в период Первой мировой войны [2]. По ее мнению, на Дону партия меньшевиков пользовалась большей популярностью, чем в центральных регионах России. Кроме того, вместе с С.Г. Воскобойниковым она проанализировала партийную тактику меньшевиков на Дону в период Первой мировой войны [3]. В некоторых донских городах большевики и меньшевики при подготовке выступлений рабочих действовали в отдельных ситуациях сообща.

Цель настоящего исследования – рассмотрение процесса ликвидации Ростово-Нахичеванской организации Российской социал-демократической рабочей партии (меньшевиков) (далее – РСДРП), инициаторами которого выступили бывшие члены партии. В работе использовались неопубликованные архивные документы, хранящиеся в Центре документации новейшей истории Ростовской области. Методология нашего исследования базируется на принципах историзма и объективности.

После завершения Гражданской войны Российская коммунистическая партия (большевиков) (далее – РКП(б)) приступила к ликвидации оппозиционных политических организаций. В рамках данного процесса были усилены репрессии и по отношению к меньшевикам. После эмиграции одних лидеров партии за рубеж и арестов других РСДРП практически перестала существовать как общероссийская организация. При этом советские власти стали готовить всероссийский съезд партии меньшевиков, на котором бы официально объявили о роспуске политической партии на территории всего Советского Союза. С этой целью в различных регионах СССР проходили съезды местных организаций партии меньшевиков. На местах региональные отделения даже избирали делегатов на данный съезд. Но он так и не был созван, а инициативные группы по ликвидации партии, действовавшие на местах, завершили свою работу без каких-либо результатов.

Одна из таких инициативных групп – по ликвидации Ростово-Нахичеванской организации меньшевиков – функционировала на территории Ростова-на-Дону и Нахичевани-на-Дону в 1923–1924 гг. Она была создана в начале ноября 1923 г. при полной поддержке региональных партийных структур. Это позволило провести 16 ноября 1923 г. в Ростове-на-Дону собрание, на котором присутствовало 11 чел. [4, л. 100]. Из них лишь двое вступили в ряды партии в 1917 г.,

остальные попали в неё еще до Февральской революции. Отметим, что все участники заседания были бывшими членами партии меньшевиков, которые по разным причинам вышли из ее состава в период с 1908 по 1922 г. К моменту проведения собрания все они безоговорочно поддерживали РКП(б). Его председателем выступил член партии Семен Моисеевич Касьяневский [5, л. 1]. На собрании заслушали доклад членов инициативной группы С.М. Касьяневского и С.В. Сусллова. Они сообщили, что в последнее время начался выход людей из партии меньшевиков и их последующее вступление в РКП(б), а оставшиеся партийцы не принимают никакого участия в её работе. В связи с этим инициативная группа предложила придать «движению организационную форму» [4, л. 11] и высказаться остальным участникам собрания по данному вопросу. Так, П.В. Охлонин заявил, что главной задачей в настоящий момент является «ликвидация Донской организации» [4, л. 11]. При этом он выступил за то, чтобы каждый меньшевик сам решал вопрос о вступлении в РКП(б). Другой член партии по фамилии Голищев отметил, что организация имеет много «ценных заслуг» в прошлом, но после Февральской революции она пошла по неправильному пути, в связи с этим он также за скорейшую ликвидацию Ростово-Нахичеванской организации меньшевиков. Фактически участники собрания разделяли идею, что руководство партии меньшевиков, находящееся в Европе, стремится к реставрации капитализма в России. При этом Сусллов (секретарь собрания) заявил, что он не исключает коллективного вступления бывших меньшевиков в ряды РКП(б). Остальные поддержали позицию инициативной группы о ликвидации донской организации меньшевиков. В результате присутствующие приняли решение придать «организационную форму» [4, л. 11] данному движению через созыв городской конференции бывших членов РСДРП, на которой должны были утвердить необходимую декларацию. Её разработку поручили избранному на заседании организационному бюро, состоящему из пяти человек. Таким образом, инициативная группа смогла создать руководящий орган и разработать план действий для ликвидации регионального отделения.

На совещании 18 ноября 1923 г. была одобрена декларация, подготовленная бюро инициативной группы. После ее опубликования в номере газеты «Трудовой Дон» от 20 ноября 1923 г. бывшие члены партии стали присылать письма [4, л. 18–43], что полностью «разделяют декларацию инициативной группы» [4, л. 18] и подписываются под ней. В условиях усиления однопартийной диктатуры бывшие члены меньшевистской партии пытались доказать советским властям, что отошли от участия в политической деятельности. Таким образом они пытались избежать репрессий.

О предварительных итогах работы бюро инициативной группы сообщил его секретарь Сусллов на собрании, состоявшемся 9 декабря 1923 г. [4, л. 7]. Бюро удалось вступить в контакт со многими бывшими членами партии меньшевиков на Дону, которые поддержали идею о его создании и после этого стали подавать заявления о подписи декларации. Сусллов отмечал, что многие бывшие члены партии к этому моменту «отрицательно относятся» [4, л. 7] к выступлениям лидеров меньшевиков, находящихся за границей. Они отправляли письма в бюро, которые затем публиковались в газете «Трудовой Дон». В результате присутствующие признали работу бюро «удовлетворительной» и при этом высказались за увеличение его численности с 5 до 9 чел. Бюро также поручили опубликовать в краевой местной печати статьи, которые бы раскрывали цели и задачи инициативной группы, а также организовать ряд собраний на местных предприятиях, где трудились бывшие меньшевики. Фактически донские бывшие меньшевики действовали в русле описанной выше общесоюзной тенденции, в рамках которой бывшие члены партии при поддержке советских властей занимались ликвидацией ее ячеек на местах.

После этого члены бюро инициативной группы для будущего созыва общегородской конференции устроили 11 декабря 1923 г. в клубе металлистов собрание бывших членов партии меньшевиков, которые подписали декларацию [4, л. 229]. Участники собрания должны были определить дату и порядок проведения общегородской конференции бывших членов РСДРП. Эта информация подтверждает, что инициативная группа пыталась придать своим действиям легитимность, включая в работу по ликвидации движения на Дону бывших членов партии.

В дальнейшем бюро инициативной группы по ликвидации Ростово-Нахичеванской организации меньшевиков удалось установить связь с аналогичными организациями, действовавшими на территории соседней УССР [4, л. 12]. В частности, представитель бюро участвовал в заседа-

нии Донецкой губернской конференции бывших социал-демократов 12 января 1924 г. в Бахмуте, в ходе которой было принято решение о ликвидации партии меньшевиков на территории не только УССР, но и СССР, а также о привлечении представителя донской организации меньшевиков к работе по созыву всесоюзного съезда бывших членов партии [4, л. 129]. Донские меньшевики пытались найти сторонников в рамках подготовки этого съезда. В связи с данным решением бюро инициативной группы по ликвидации Ростово-Нахичеванской организации меньшевиков постановило организовать в отдельных городах Юго-Востока РСФСР ликвидаторские ячейки, а завершить данную работу – конференцией, где планировалось избрать представителей для работы во Всесоюзном бюро. Бюро ростово-нахичеванской инициативной группы составило обращение «Ко всем социал-демократам на Юго-Востоке», в котором предлагалось всем местным меньшевистским организациям на Юго-Востоке вступить в диалог для созыва конференции [4, л. 16]. Таким образом, местная организация пыталась взять на себя лидерство на этой территории, подготавливая съезд региональных организаций меньшевиков.

Члены инициативной группы по ликвидации партии меньшевиков Касьяневский и Суслов представляли её интересы на заседаниях Всеукраинского съезда бывших членов РСДРП, проходившего в начале февраля 1924 г. Так, 1 февраля 1924 г. на первом заседании съезда Касьяневский заявил, что ростово-нахичеванские меньшевики давно искали выход из «тупика» [4, л. 100], т. е. стремятся официально ликвидировать движение на Дону. Он сообщил, что группа вела свою работу лишь среди рабочих и служащих. Касьяневский особо отметил, что в ростово-нахичеванской группе по ликвидации партии меньшевиков состоит 90 бывших членов этой партии. 3 февраля 1924 г. Суслов предложил съезду взять на себя инициативу по официальному роспуску партии меньшевиков во всесоюзном масштабе, так как участники Всеукраинского съезда бывших меньшевиков проделали большую организационную работу для ликвидации движения на Украине [4, л. 138]. В результате избрали бюро из 3 чел. для организации всесоюзного съезда. На Всеукраинском съезде решили дать Юго-Востоку РСФСР представительство из двух человек для участия в готовящемся съезде. Этим представителям должны были избрать на юго-восточной краевой конференции бывших социал-демократов, которую еще предстояло созвать. Но пока, до ее проведения, предоставили эти два места ростовской инициативной группе.

Данные решения полностью одобрили на одном из собраний инициативной группы по ликвидации Ростово-Нахичеванской организации партии меньшевиков [4, л. 15]. Еще предстояло созвать краевую конференцию для ликвидации движения на территории Юга-Востока РСФСР. На собрании утвердили членов бюро Касьяневского, Охлонина и Сулова в качестве представителей, которые должны были участвовать в подготовке созыва всесоюзного съезда по ликвидации РСДРП. Таким образом, инициативная группа по ликвидации Ростово-Нахичеванского отделения партии меньшевиков попыталась выступить одним из организаторов всесоюзного съезда, на котором бы официально ликвидировали партию.

При проведении планируемых мероприятий руководство инициативной группы по ликвидации Ростово-Нахичеванской организации меньшевиков обращалось за рекомендациями к Юго-Восточному бюро РКП(б). После Всеукраинского съезда бывших меньшевиков руководители инициативной группы отправили письмо в Юго-Восточное бюро РКП(б), запросив информацию о наличии других инициативных групп по ликвидации партии меньшевиков на территории Юга-Востока РСФСР [4, л. 10]. Помимо этого, они обратились за разрешением о проведении краевой конференции бывших социал-демократов для выборов представителей в бюро по созыву всесоюзного съезда для ликвидации партии меньшевиков на всей территории СССР. В письме инициативная группа заявляла о своей готовности провести переговоры с Юго-Восточным бюро РКП(б) о «формах и дальнейшей работе в краевом масштабе», т. е. фактически выражала готовность подчиниться любому его решению, так как не могла вести свою деятельность самостоятельно в тех политических условиях.

Но Юго-Восточное бюро РКП(б) дало отрицательный ответ [5, л. 12]. В связи с этим на заседании бюро 10 марта 1924 г. приняли решение о признании работы «по Ростову законченной» [5, л. 12] и проведении ликвидационного собрания 18 мая 1924 г. На нем собравшиеся осудили действия руководства меньшевистской партии, которое «отступило от идей международной солидарности пролетариата» [6, л. 48] и тем самым внесло раскол в партию. В результа-

те Октябрьской революции многие члены РСДРП перешли в РКП(б). И на собрании постановили ликвидировать партию меньшевиков, лишить руководство партии права выступать от имени отделения, а бывшим партийцам рекомендовалось вступить в РКП(б). Кроме того, Касьяневский, Охлонин, Суслов, Фигатнер, Ефимченко были выбраны делегатами на всесоюзный съезд по ликвидации партии меньшевиков. Таким образом, инициаторы собрания старались придать своим действиям законный характер через проведение официальных процедур, но при этом требовалось согласовывать свои действия с региональными советскими органами власти.

К сожалению, о дальнейшей работе инициативной группы по ликвидации Ростово-Нахичеванской организации партии меньшевиков мы ничего не знаем, но известно, что в сентябре 1924 г. ЦК РКП(б) сообщил региональным структурам партии об отказе созывать всероссийский съезд для ликвидации партии и о рекомендации распустить все инициативные группы.

Таким образом, подводя итог изучению деятельности инициативной группы по ликвидации Ростово-Нахичеванского отделения РСДРП, можно сделать вывод, что она находилась в полной зависимости от региональных партийных структур и для придания своим действиям законности стремилась заручиться поддержкой членов партии, а также отделений партии на Украине. Но при этом инициативная группа не смогла полностью выполнить стоящие перед ней задачи из-за противодействия советских властей и коммунистической партии.

Список источников

1. Васьков М.А. Меньшевики на Дону: 1903–1914 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2005. 211 с.
2. Щукина Т.В. Меньшевистские организации Области Войска Донского: 1914 – декабрь 1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2005. 233 с.
3. Щукина Т.В., Воскобойников С.Г. Характеристика партийной тактики донских меньшевиков в условиях Первой мировой войны: по материалам центральных и региональных архивов // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. URL: <https://science-education.ru/121-18758> (дата обращения: 01.01.2025).
4. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф.Р-12. Оп. 1. Д. 310.
5. ЦДНИРО. Ф.Р-12. Оп. 1. Д. 307.
6. ЦДНИРО. Ф.Р-12. Оп. 1. Д. 309.

References

1. Vaskov M.A. *Mensheviks on the Don: 1903-1914*. Dissertation. Rostov-on-Don, 2005. 211 p. (In Russ.).
2. Shchukina T.V. *Menshevik organizations of the Don Army Region: 1914 - December 1917*. Dissertation. Rostov-on-Don, 2005. 233 p. (In Russ.).
3. Shchukina T.V., Voskoboinikov S.G. Characteristics of the party tactics of the Don Mensheviks in the conditions of the First World War: based on materials from central and regional archives. *Modern Problems of Science and Education*. 2015;(1). Available from: <https://science-education.ru/121-18758> [Accessed 1st January 2025]. (In Russ.).
4. *Center for Documentation of the Recent History of the Rostov Region (CDRHRR)*. Fund 12. In. 1. File 310. (In Russ.).
5. *CDRHRR*. Fund 12. In. 1. File 307. (In Russ.).
6. *CDRHRR*. Fund 12. In. 1. File 309. (In Russ.).

Информация об авторе

А.А. Аганов – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры документоведения и языковой коммуникации.

Information about the author

A.A. Aganov – Candidate of Science (History), Lecturer of the Department of Documentation and Language Communication.

Статья поступила в редакцию 15.01.2025; одобрена после рецензирования 25.01.2025; принята к публикации 04.03.2025.
The article was submitted 15.01.2025; approved after reviewing 25.01.2025; accepted for publication 04.03.2025.

Научная статья

УДК 93

<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-17-23>

ВОЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ГЕНЕРАЛОВ А.И. ДЕНИКИНА И А.С. ЛУКОМСКОГО)

Людмила Анатольевна Антонова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

lantonova@sfedu.ru

Аннотация. В конце XIX – начале XX в. особое внимание уделялось образованию военных всех рангов и чинов. В этот период существовали специальные правила приема в военные учебные заведения, ступенчатая преемственность в процессе образования и особая система обучения и воспитания будущих офицеров. На основе воспоминаний генералов белой армии А.И. Деникина и А.С. Лукомского нами рассматривается процесс обучения будущих офицеров царской России, многие из которых в дальнейшем доказали верность Родине, оказавшись в непростых обстоятельствах, и стали примером высоконравственного поведения. В целом выпускники военных училищ и гимназий являлись носителями истинной русской этики, чести, благородства и нравственной красоты, именно они хранили и передавали традиции военной среды.

Ключевые слова: военная гимназия, патриотизм, юнкерские училища, Академия Генштаба, военные традиции, дисциплина, нравственное воспитание, А. И. Деникин, А. С. Лукомский

Для цитирования: Антонова Л.А. Военное образование в России в конце XIX – начале XX века (по воспоминаниям генералов А.И. Деникина и А.С. Лукомского) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 1. С. 17–23. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-17-23>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

MILITARY EDUCATION IN RUSSIA IN THE LATE 19th - EARLY 20th CENTURY (BASED ON THE MEMOIRS OF GENERALS A.I. DENIKIN AND A.S. LUKOMSKY)

Lyudmila A. Antonova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

lantonova@sfedu.ru

Abstract. In the late 19th – early 20th century, special attention was paid to the education of military personnel of all ranks and grades. During this period, there were special rules for admission to military educational institutions, a step-by-step succession in the education process, and a special system of training and education of future officers. Based on the memoirs of the White Army generals A.I. Denikin and A.S. Lukomsky, we examine the process of training future officers of Tsarist Russia, many of whom later proved their loyalty to the Motherland, finding themselves in difficult circumstances, and became an example of highly moral behavior. In general, graduates of military schools and gymnasiums were bearers of true Russian ethics, honor, nobility, and moral beauty; they were the ones who preserved and passed on the traditions of the military environment.

Keywords: military gymnasium, patriotism, cadet schools, General Staff Academy, military traditions, discipline, moral education, A.I. Denikin, A.S. Lukomsky

For citation: Antonova L. A. Military Education in Russia in the Late 19th - Early 20th Century (Based on the Memoirs of Generals A.I. Denikin and A.S. Lukomsky). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2025;(1):17-23. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-17-23>

© Антонова Л.А., 2025

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Патриотизм в любые времена выступает актуальным и социально востребованным понятием. И в наши дни мы видим действенное проявление любви к Родине, своей стране, соотечественникам. Верность и патриотизм были и всегда должны оставаться неотъемлемой и значимой частью воспитательного и образовательного процессов в нашей стране, особенно в военных учебных заведениях, которые выпускали и продолжают выпускать надежных защитников народа и Отечества.

В связи с этим нам представляется важным выяснить, как происходил процесс обучения будущих офицеров царской России, многие из которых доказали верность Родине, оказавшись в непростых обстоятельствах XX в., и стали примером высоконравственного поведения.

Также выпускники военных учебных заведений являлись носителями истинной русской этики, чести, благородства и нравственной красоты, именно они хранили и передавали традиции военной среды. Высший офицерский состав царской России составлял элиту российского общества, часть облика той «прежней, милой старой России». Чтобы она не была забыта, мы из воспоминаний двух современников извлекли информацию, как и каким дисциплинам обучали в военных учебных заведениях того периода, какая атмосфера царила внутри военных учреждений – гимназий, училищ, Академии Генштаба, а также какие традиции, обычаи и устои формировались в этой среде.

Ценный материал по исследуемой теме содержат изданные воспоминания и мемуары современников конца XIX – начала XX в. Так, значимыми источниками для нас стали работы двух генералов – А.И. Деникина и А.С. Лукомского. Изучение автобиографии Деникина [1], сборника рассказов [2], публицистических статей, опубликованных им под псевдонимом Иван Ночин, позволяет понять, как представитель крестьянского сословия мог получить военное образование и дослужиться до генерала, достаточно подробно описан сам путь и его содержательная сторона, предметы, дисциплина, организация воспитательного процесса в военных учебных заведениях, в которых проходили годы учебы Антона Ивановича. Не менее значимы воспоминания генерала А.С. Лукомского [3]. Автор подробно описывает время учебы в четырех военных заведениях – от гимназии до академии, что позволяет нам познакомиться с их образовательными программами, а также с нравами и отношениями внутри военной среды, традициями, многие из которых постепенно уходили в область предания.

Таким образом, взяв за основу воспоминания генералов белой армии А.С. Лукомского и А.И. Деникина, воспроизведем процесс обучения в России будущих офицеров царской армии, которые после выпуска становились для всех представителей общества «яркими светильниками» с жадной подвига для счастья Родины [4].

В конце XIX в. тем, кто избрал военную карьеру, предлагались два варианта: военное училище (в него поступали молодые люди после кадетского корпуса/гимназии) и юнкерское (туда принимались представители различных сословий, зачисляли даже тех, кто не получил среднего образования).

Первый путь отражен в биографии потомственного военного А.С. Лукомского. В возрасте 10–11 лет он поступил в военную гимназию. Время обучения в Симбирской военной гимназии Александр Сергеевич вспоминает как лучшее время юности и отмечает достаточно качественный подбор преподавателей, умелое руководство директора и хорошую работу инспекторов класса – все это в совокупности приводило к тому, что ученье давалось легко и вызывало здоровую соревновательную атмосферу среди мальчишек.

Впечатления Лукомского в дальнейшем подтвердили одноклассники, оценивая учебное дело в Симбирской гимназии на высшем уровне: по их словам, большинство окончивших Симбирскую гимназию хорошо знали русский язык, математику и историю [3, с. 21].

Известный русский философ Н.А. Бердяев, который учился в Киевском кадетском корпусе, пишет, что в то время в России единственным местом, где так активно было развито физическое воспитание и спорт, являлся кадетский корпус. Обязательными предметами также тут были гимнастика и танцы. Еще ему запомнилась коллективная атмосфера военного учебного заведения, что, кстати, противоречило его индивидуалистским наклонностям характера. Бердяев

хорошо отзывается о преподавании: лекции читали даже приват-доценты университета, директором же был представитель военной среды – генерал [5].

Что касается коллективной атмосферы, А.С. Лукомский подробно описывает одну из традиций, которая, по его мнению, очень помогала сплотиться и подружиться учащимся, а также отвлекала молодежь от дурных поступков, – это так называемые воскресные чаи, проходившие по воскресеньям, с 8 до 10 ч вечера. Их посещали все гимназисты независимо от возраста, учителя, воспитатели, инспекторы и даже директор. Сопровождались такие встречи интересными рассказами, спектаклями и иногда танцами. Гимназисты очень любили эти вечера, даже отпусковые всегда спешили вернуться в гимназию к началу чаепитий, к 8 ч вечера [3, с. 21–22].

Но данная традиция не была характерна для всех военных гимназий. Например, Полтавская военная гимназия такие встречи не проводила, да и в целом воспитатели занимались меньше своими воспитанниками, и нравы гимназистов оказались поэтому грубее [3, с. 25]. Также в качестве наказания за серьезные провинности здесь разрешалась порка.

Директор гимназии Семашко подбирал хороших математиков, а вот русский язык был слабоизучен, преподаватель Боровский заставлял учить наизусть отрывки из произведений отечественных авторов и душил сочинениями громоздкими, но по содержанию пустыми. Уроки были в основном сухими и неинтересными.

Сравнивая Симбирский корпус и Полтавскую гимназию, генерал Лукомский пишет, что в первом преподавание было поставлено лучше, а во второй им были утеряны охота и любовь к учению. Делалось только необходимое, перед экзаменами усиленно учились предметы – и так переходил из класса в класс [3, с. 33].

После гимназического курса обычно поступали в училище, поэтому А.С. Лукомский далее успешно обучается в Павловском военном училище. Благодаря его воспоминаниям делаем вывод, что дисциплина тут строже, но грубости не ощущалось, требования к учебе вполне разумные, учащихся приучали к порядку, долгу, сумели внушить уважение к царю и Родине. Хорошо поставлена военная практическая подготовка, училище выпускало знающих и дисциплинированных офицеров, науками особо не изнурили, возможно, это был единственный недостаток – «не было задачи сделать нас грамотными, хотя в этом была потребность» [3, с. 37].

Что же касается обучения в Николаевском инженерном училище, то тут дисциплина менее строгая, что вредило юнкерам. Александр Сергеевич отмечает, имея уже достаточно богатый опыт, что лучше, когда есть строгая определенность порядка. Также внешняя свобода и панибратство с профессорами и офицерами приводили к произволу, причем со стороны офицеров.

В своих воспоминаниях генерал Лукомский запечатлел еще одну интересную традицию, которая заключалась в необычной церемонии приветствия военными представителей дома Романовых. Во время визита великого князя Николая Николаевича в училище старики-генералы приветствовали его особым способом – поцелуем в плечо. Александр Сергеевич, став свидетелем этого, пишет в дальнейшем, что учащиеся жалели об утрате такого приветствия и о том, что данный обычай был отменен, в нем прослеживалась невидимая прочная связь с представителями императорского дома [3, с. 40, 43].

Второй вид военных учебных заведений конца XIX – начала XX в. – юнкерские училища – отражен в воспоминаниях А.И. Деникина. Являясь представителем крестьянского сословия, он окончил реальное училище и был зачислен в Киевское пехотное юнкерское училище.

В данных учебных заведениях атмосфера достаточно жесткая и замкнутая, точно по часам и минутам расписан повседневный обиход [1, с. 43]. Относительная замкнутость формировала у будущих военных умение сосредоточиться на учебе, чтении необходимой литературы и в то же время вырабатывала режимность образа жизни – необходимое качество военного человека. Суровая простота бытовых условий и скромность подготавливали к реальной жизни, в последующем офицер мог менять места службы и адаптироваться к различным житейским обстоятельствам.

Юнкерские правила и традиции включали обязательное следование воинской дисциплине, т. е. исполнение прямого приказа и чинопочитание; товарищество, в частности оно проявлялось в невыдаче друга, даже если он оступился, например принял участие в драке [1, с. 45].

Преподавали в таких училищах военные и гражданские предметы, обязательным был Закон Божий, как правило, изучали два иностранных языка (чаще всего французский и немецкий), а также механику, аналитику и русскую литературу. На уроках всегда тишина и порядок, так приучались к дисциплине.

Антон Иванович в качестве отрицательного момента образования в училище указывает на отсутствие возможности у юнкеров получать ответы на духовные, социально-политические вопросы, возникающие в те времена. Общество бурлило, а юнкера находились в информационной изоляции, это, по мнению генерала Деникина, привело к тому, что, не разбираясь в политической ситуации, некоторые офицеры оказались беспомощными и безоружными перед революционной пропагандой и поддались большевистской агитации.

Подпольная литература, в свою очередь, способствовала отрыву студенчества от национальной почвы, тем самым ожесточая их сердца [1, с. 48]. Таким образом, пытаясь уберечь своих воспитанников от политиканства, военная школа информационно изолировала своих подопечных, но в итоге некоторые не смогли разобраться в современных политических тенденциях и увлеклись революционными идеями.

Большая же часть офицеров все же выстояла под натиском революции. Сыграли свою роль и самообразование, и стойкая психология военного, которая формировалась благодаря специфической атмосфере училища, где, казалось, сам воздух пропитан безгласным напоминанием о долге, верности, чести. Здесь, можно так сказать, сработал «иммунитет» военной школы [1, с. 50].

Международная обстановка офицеров, само собой, волновала, но «мировые вопросы» решались, как правило, везде одинаково, в чем также просматривается влияние военной школы, исход такого рода вопросов должен был всегда направлен на защиту истинных интересов [6] страны и сохранение незыблемости государства. Государственный строй для русских офицеров был фактом, не вызывающим сомнений и каких-либо вопросов, – «за веру, царя и Отечество» [1, с. 58].

Зачастую кадеты приходили из своих семей, уже имея такие воззрения, а в юнкерских и военных училищах патриотические чувства, мысли о долге и верности Отечеству, царю еще глубже оседали в сердцах будущих офицеров, в условиях военного уклада они становились более устойчивыми и с годами принимали более крепкие и сознательные формы [7].

Военное образование уже тогда было многоступенчатым, после завершения обучения в училище выпускники могли пойти дальше – в Академию Генерального штаба, но попасть в нее было достаточно сложно. Поступление включало два этапа: вначале при окружном штабе проводились проверочные экзамены, успешно справлявшиеся с ними допускались ко второму этапу – вступительным экзаменам в Академию Генштаба.

В самой академии обучение составляло три года. В первые два года достаточно активно читывали лекционный материал, в конце каждого года сдавались проверочные экзамены, те, кто успешно справлялся с ними, переходили на следующий год. Наиболее сложный – третий год обучения: слушатели должны были в это время самостоятельно изучать военное дело, написать и защитить три самостоятельные работы – разработки военно-исторического примера из русской и мировой истории и задачу по разработке самостоятельного действия корпуса [3, с. 79].

По мнению генерала Деникина, первые два года были слишком переполнены предметами, хотя в большинстве своем – это военные дисциплины, необходимые при обучении военнослужащих, но также много и общеобразовательных предметов, например музыка, история, основы международного права, славистика, государственное право, геология, геодезия, астрономия, сферическая геометрия [1, с. 65].

Вспоминая годы учебы в академии, Лукомский пишет, что в общеобразовательном отношении она дала немало знаний, но теории было слишком много, а практической подготовки для службы очень мало [3, с. 69, 80].

Возможно, именно перенасыщенностью учебного курса дисциплинами объясняется тот факт, что у многих учащихся не получалось освоить программу за два года. Из 150 академистов после сдачи экзаменов переходили на третий курс только 100, а выпускалась в итоге половина. Лукомский вспоминает, что государь потом поручил разобраться в вопросе перехода со стар-

ших курсов на дополнительные, устранить недостатки и исключить фактор случайности при оценивании баллами на экзаменах [3, с. 82].

В Академии Генштаба преподавали опытные военные. Так, курс военной администрации читали генералы А.Ф. Редигер и А.И. Макшеев, курс тактики – генерал П.С. Кублицкий, курс стратегии – начальник академии Г.А. Леер. Преподавали ситуацию А.А. Зейфарт и А.А. Даниловский, настаивая, что офицер должен уметь красиво ситуировать (изображать на карте рельеф местности, расположение части) [3, с. 72].

Деникин пишет, что в академии они достаточно подробно штудировали военную историю с древнейших времен, но при этом не разбирали тематику Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., тактический ход данной войны и ее последствия. Ему вторит и генерал Лукомский, что курсы военной истории проходили подробно, но в основном период Наполеоновских войн и древности, а Русско-турецкую войну рассматривали более поверхностно.

Рассуждая над причинами этого факта, генерал Деникин отмечает, что, скорее всего, ввиду того что многие участники той войны еще живы, нетактично разбирать их решения и действия, и это говорит о нравах военных верхов того времени [1, с. 66] – всегда уважительно относиться к участникам военных действий. Многие из них к тому же занимали крупные посты в армии, это могло подорвать их авторитет [3, с. 74].

Считая отрицательной стороной академии то, что ее учебные курсы были загромождены несущественными предметами, на его взгляд, и иногда давали знания, не соответствующие современным реалиям в прикладном военном искусстве, Антон Иванович не умаляет заслуги данного учебного заведения как важной школы жизни, в которой расширялся кругозор академистов. Самое главное – они получали метод последующего самостоятельного изучения и исследования военного дела. Поэтому те, кто хотел дальше работать и учиться, были серьезно вооружены методами и инструментами для этого [1, с. 67].

Нужно сказать, что в стенах академии, как и в военных училищах и непосредственно в самой армейской среде, особого внимания и интереса к политике не наблюдалось. Жизни политической и настроений общественности академисты совсем не знали [3, с. 78]. Не создавались политические кружки, хотя академистам не воспрещалось интересоваться вопросами политики, они могли иметь собственные политические убеждения и мнения. Но что касается последующей военной службы, тут четко было обозначено – либо мундир, либо участие в политической партии (с того периода, когда деятельность партий была официально разрешена в России, нужно было выбирать). Нельзя было служить одновременно «своему царю и его врагам» [1, с. 70].

Такое специфическое отношение к политике, несомненно, ограждало будущих офицеров, генералов от участия в политической деятельности любой направленности. Офицер служит царю, дает присягу в верности. Царь – помазанник Божий, он определяет развитие страны. Армия – опора царя, ему доверяют беспрекословно в деле управления государством. После одной из встреч с императором А.С. Лукомский вспоминал: у него возникало чувство и уверенность, что он сделает все, что будет приказано царем. Выпускники академии, таким образом, прониклись чувством глубокого уважения к императору [3, с. 716].

Данная позиция на долгие годы стала традиционной в восприятии политической действительности академистами. Поэтому армия служила гарантией стабильности и основой государственно-охранительного начала, мужественно стоял солдат на страже русской государственности, защищая родную землю и государево дело [8]. Армия должна была быть вне политики [9, л. 64]. Такого мнения придерживалось в основном почти все белое офицерство. Лукомский, говоря о принципе невмешательства армии в политику, замечал, что в противном случае будет подорвана дисциплина в армии [3, с. 734].

Исключением стало время Гражданской войны, когда офицеры белой армии стремились помочь навести порядок в государстве и вынуждены были вникать в политические распри, но с оговоркой вновь отступить от политических вопросов после победы над большевиками.

Таким образом, мы видим, что дисциплина присутствовала в каждом военном учебном заведении, но в разной степени. Сами же воспитанники отмечали, что распорядок и строгая дисциплина более полезны в деле обучения будущих военных. Учащиеся начальных ступеней военных учреждений получали качественное образование, они хорошо знали базовые предметы,

были физически подготовлены. В стенах училищ и кадетских корпусов формировались чувства коллективизма и товарищества, учащихся приучали к порядку, специфическая атмосфера способствовала патриотическим настроениям – верности и долгу православной «вере, царю и Отечеству».

В воспоминаниях А.И. Деникина и А.С. Лукомского сохранились сведения о некоторых традициях того времени: о воскресных чаепитиях, которые собирали воспитанников, педагогов, воспитателей и даже руководство, создавая дружественную атмосферу; о товариществе, необходимом для защиты и поддержки друг друга; о необычной церемонии приветствия военными представителей дома Романовых – поцелуем в плечо.

Что касается Академии Генерального штаба, несмотря на некоторые недочеты (перебор теоретических занятий в ущерб практическим), в целом строгая дисциплина, насыщенная учебная программа, включающая знание военного искусства, истории и тактики военного дела, структурированность мышления, закреплённая при написании различных работ выпускниками академии, способствовали формированию особого облика будущего военного командования русской армии. Образованный, разбирающийся в вопросах военного дела, умеющий принимать решения и несущий ответственность за каждый приказ, верный своему Отечеству – вот основные характеристики офицеров и генералов царской России.

Список источников

1. Деникин А.И. Путь русского офицера. М.: Современник, 1991. 300 с.
2. Деникин А.И. Старая армия. Офицеры. М.: Айрис-пресс, 2005. 512 с.
3. Лукомский А.С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М.: Айрис-пресс, 2012. 752 с.
4. Мартынов А. Духа не угасивший (Рец. на кн.: Деникин А.И. На страже русской государственности: избранные статьи, речи, письма. М.: Русский путь, 2014. 472 с.) // Посев. 2015. № 6. С. 39–40.
5. Бердяев Н.А. Самопознание. Учение Бердяева с комментариями М.: АСТ, 2022. 480 с. URL: <https://www.litres.ru/book/nikolay-berdyayev/samopoznanie-uchenie-berdyayeva-s-kommentariyami-28322500/chitat-onlayn/?page=2> (дата обращения: 09.08.2024).
6. Деникин А.И. Русско-китайский вопрос: воен.-полит. очерк. Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1908. 56 с.
7. Спиридович А.И. При царском режиме // Архив русской революции : в 22 т. / изд. Г.В. Гессен. М.: Терра, 1993. Т. 15. 344 с.
8. Ночин И. (Деникин А.И.) Армейские записки // Разведчик. 1909. № 975. С. 391.
9. Государственный архив Ростовской области. Ф. 861. Оп. 1. Д. 100.

References

1. Denikin A.I. *The path of the Russian officer*. Moscow: Contemporary; 1991. 300 p. (In Russ.).
2. Denikin A.I. *Old army. Officers*. Moscow: Iris-press; 2005. 512 p. (In Russ.).
3. Lukomsky A.S. *Essays from my life. Memories*. Moscow: Iris-press; 2012. 752 p. (In Russ.).
4. Martynov A. The Spirit that has not been quenched (Review of the book: Denikin A.I. On guard of Russian statehood: selected articles, speeches, letters. Moscow: Russian Way; 2014. 472 p.). *Sowing*. 2015;(6):39-40. (In Russ.).
5. Berdyayev N.A. *Self-knowledge. Berdyayev's teachings with comments*. Moscow: AST; 2022. 480 p. Available from: <https://www.litres.ru/book/nikolay-berdyayev/samopoznanie-uchenie-berdyayeva-s-kommentariyami-28322500/chitat-onlayn/?page=2> [Accessed 9th August 2024]. (In Russ.).
6. Denikin A.I. *The Russian-Chinese question: military-political essay*. Warsaw: Printing House of the Warsaw Educational District; 1908. 56 p. (In Russ.).
7. Spiridovich A.I. Under the tsarist regime. *Archive of the Russian revolution*: in 22 vols. Hesse I.V., ed. Moscow: Terra; 1993, vol. 15. 344 p. (In Russ.).
8. Nochin I. (Denikin A.I.). Army notes. *Scout*. 1909;(975):391. (In Russ.).
9. *State Archive of the Rostov region*. Fund 861. In. 1. File 100. (In Russ.).

Информация об авторе

Л.А. Антонова – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Института истории и международных отношений.

Information about the author

L.A. Antonova – Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of History of Russia, Institute of History and International Relations.

Статья поступила в редакцию 30.09.2024; одобрена после рецензирования 23.12.2024; принята к публикации 04.03.2025.
The article was submitted 30.09.2024; approved after reviewing 23.12.2024; accepted for publication 04.03.2025.

Научная статья
УДК 94(47)
<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-24-32>

СТАНОВЛЕНИЕ ДОНСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ ВЕРХУШКИ: ЛЕГАЛИЗАЦИЯ СТАТУСА

Андрей Вадимович Венков

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия
Andrey_venk@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4455-2822>

Аннотация. Рассматривается тема становления донской казачьей верхушки. В исследованиях по истории донского казачества вопрос о казачьей верхушке – старшине – неизбежно вставал. Оценка ее появления менялась в зависимости от политической конъюнктуры. Ученые спорили о времени ее возникновения и оформления. Для сравнения привлекался опыт мужских объединений – от рыцарского ордена до уголовной системы. Показывается, что неформальные лидеры в казачьих сообществах были с момента их формирования. По мере увеличения количества казаков и усложнения структуры их организации неформальные лидеры объединились в самостоятельный обычно-правовой институт. Ставится под сомнение постоянное «промосковское» настроение казачьей верхушки. Показано, как она легализовала свой властный статус, но дальнейшее развитие имущественного неравенства среди казаков неизбежно вело к противостоянию казачьей верхушки с центральной российской властью, казачьими атаманами и основной массой казачества.

Ключевые слова: казачья верхушка, власть, неформальное лидерство, легализация, Войсковая канцелярия

Благодарности: публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН на 2025 г., № гр. проекта 124012200178-4.

Для цитирования: Венков А.В. Становление донской казачьей верхушки: легализация статуса // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 1. С. 24–32. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-24-32>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

FORMATION OF THE DON COSSACK ELITE: LEGALIZATION OF STATUS

Andrey V. Venkov

Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russia

Andrey_venk@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4455-2822>

Abstract. The topic of the formation of the Don Cossack elite is considered in the article. In studies of the history of the Don Cossacks, the question of the Cossack elite - the elder - inevitably arose. The assessment of its appearance changed depending on the political situation. Researchers argued about the time of its emergence and formation. For comparison, the experience of male associations was used - from the knightly order to the criminal system. The article shows that informal leaders in Cossack communities existed from the moment of their formation. As the number of Cossacks increased and the structure of their organization became more complex, informal leaders united into an independent customary legal institution. We question the constant “pro-Moscow” mood of the Cossack elite. It is shown how it legalized its status of power, but the further development of property inequality among the Cossacks inevitably led to a confrontation between the Cossack elite and the central Russian government, with the Cossack atamans and with the bulk of the Cossacks.

Keywords: казачья верхушка, власть, неформальное лидерство, легализация, Войсковая канцелярия Cossack elite, power, informal leadership, legalization, Military Chancellery

Acknowledgements: the publication was prepared as part of the state assignment of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences for 2025, project No. 124012200178-4.

For citation: Venkov A.V. Formation of the Don Cossack Elite: Legalization of Status. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2025;(1):24-32. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-24-32>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Проблема формирования и существования донской казачьей верхушки тесно связана с вопросом возникновения самого казачества. Так, Н. А. Мининковым проанализирована эволюция представлений о казаках в русских документах и трудах историков, показано, как изменялось содержание понятия «казак» на протяжении XVI–XX вв. – от «наших холопей» Ивана Грозного, «татей и разбойников» из «Летописи о многих мятежах» до «храброго и сильного народа», как писал о них В. Н. Татищев, и искателей «дикой вольности и добыч» не весьма благородного происхождения, по оценке Н. М. Карамзина [1, с. 7–37].

Безусловно, в исследованиях по истории казачества неизбежно вставал вопрос об их верхушке – старшине. Один из первых донских историков, В. Д. Сухоруков, считал процесс выделения старшины из общей массы казаков естественным: «Атаманы и старшины, как первенствующий класс народа, естественно, имели перевес над прочими казаками, отличаясь от него умом и богатством, и потому не было никакого препятствия им присвоить себе навсегда преимущества, сопряженные с их званием» [2, с. 421]. В преддверии революции 1917 г. и во время Гражданской войны Е.П. Савельев, сторонник теории автохтонного происхождения донского казачества, объявлял старшину кучкой «корыстных себялюбцев, испорченных растлевающим началом и политикой рабовладельческой России» [3, с. 436]. В 1960-е гг. известный донской ученый А.П. Пронштейн пришел к выводу, что в XVIII в. на Дону вообще было «олигархическое правление старшин» [4, с. 228].

Важным считался и считается вопрос взаимодействия центральной российской власти и донских старшин. Из современных отечественных исследователей наиболее фундаментально, с опорой на труды предшественников, эти взаимоотношения в XVI – начале XVIII в. исследованы Н.А. Мининковым [5] и С.И. Рябовым [6]. Н.А. Мининков отмечает, что донская казачья верхушка больше, чем какая-либо другая часть казачества, была связана с царской властью [5, с. 468]. Обращает на себя внимание вывод С.И. Рябова, что к 70-м гг. XVII в. успела сформироваться промосковски настроенная прослойка домовитых казаков [6, с. 38], а уже в первой четверти XVIII в., при Петре I, атаманско-старшинская верхушка «сосредоточила в своих руках значительные богатства и имела огромное влияние на основную массу казачества» [6, с. 82].

Цель данной работы – выявить не только временной и материальной, но и пространственный фактор формирования донской казачьей верхушки, действительный уровень ее «промосковских настроений», ее легализацию и превращение в узаконенный на уровне войскового права орган власти. Источником для нашего исследования послужили опубликованные сборники документов и статей, а также материалы, хранящиеся в фондах Государственного архива Ростовской области.

Изыскания предшественников показывают, что реального равенства среди казаков никогда не было. Исходя из первичного контингента и этнической составляющей сообщества, мы вправе предположить, что изначально структура войска несла в себе элементы рыцарского ордена. Еще в дореволюционный период ранние казачьи сообщества запорожских и донских казаков некоторые исследователи соотносили со средневековыми рыцарскими орденами [7–9]. Причем у запорожцев это проявлялось более явно. Себя они зачастую называли «лыцарством», а своих «молодииков» сравнивали с пажамми [9, с. 8, 185–186]. Из современных авторов эту связь находит А.В. Кондрико [10]. Конечно же, это не было точной копией рыцарского ордена, скорее напоминало сборище «рыцарских копий» (подразделения ордена). Главное было в другом:

«Эти люди видели в себе рыцарей и обладали некоторыми рыцарскими чертами характера, типичными для вольных военных слуг – вассалов своего сюзерена-государя и нетипичными для русских служилых людей, закрепощенных службой государству» [5, с. 468].

При изучении источников создается впечатление, что в XVI в. единого войска на Дону не было. Власть в руках держали атаманы отдельных шаек. Михаил Черкашенин стал первым атаманом Низового войска примерно с 1570 г. Отряды казаков были малочисленны. Д.М. Володихин, описывая участие казаков в обороне Пскова в 1581–1582 гг., когда погиб Черкашенин, считает, что «вольных донских казаков, прибывших во Псков во главе с Михаилом Черкашениным и Степаном Суконкиным, было всего 224 человека, считая командиров» [11, с. 47].

В 80–90-х гг. XVI в. все известные фигуранты на Дону – атаманы Низового войска. Мы видим там по 2–3 атамана. В 1592 г. названы Семен Воейков, Василий Жигулин, Иван Нос, Иван Федоров, Иван Федорович Трубецких, Василий Кабан, Прокофий Трубчанин и с ними «многие атаманы и казаки».

Подобное устройство сообщества вызывает у исследователей ассоциации иного рода. А.В. Малов и Н.И. Никитин задались вопросом, «насколько допустимо ставить на одну доску уголовные и казачьи сообщества России XVI – XVII вв.», и пришли к выводу: «До определенного момента – вполне допустимо» [12, с. 150]. И А.Л. Станиславский считал, что «в организации разбойничьих и казачьих отрядов было много общего» [13, с. 26–27]; «в этой связи интересно проведенное Л. Самойловым сближение первобытного общества и современного уголовного мира в исправительно-трудовой колонии (например, общей для них трехкастовой структуры)...» [13, с. 244].

Эта «трехкастовая структура» просматривается среди казаков. Но она присуща и «рыцарским копьям». С момента возникновения казачества на Дону отмечалось своеобразное ученичество. А оно предполагает подчинение. Существовали группы «молодых товарищей», которых также называли «чурами» (от тюркского «джура» – слуга). Они выполняли функции оруженосцев при казаках (как пажи при рыцарях), а в мирное время занимались черной работой. Обучение проходило на практике. Научившись по-настоящему воевать, уцелевшие чуры со временем становились полноправными казаками. Мы видим прохождение ступеней от чур (слуг) к статусу казака, а затем – «старого казака» (как в Европе – от пажа к рыцарю).

По мере того как общество становилось замкнутым и все больше пополнялось за счет казачьих детей, функции военных слуг (пажей, оруженосцев) в определенной степени на бытовом уровне передавались казачатам.

При количественном увеличении сообщества проявляются две тенденции. Первая – концентрация власти. В начале XVII в. от имени войска выступают один или два атамана. Главным атаманом какое-то время считается Смага Чертенский. Атаман Игнат Бедрищев говорил в Москве «от Смаги Чертенского с товарищи снизу доверху» [5, с. 247]. В 1615 г. главными атаманами войска называются Смага и Епиха Радиллов, в 1617–1618 гг. – Е. Радиллов и И. Мартемьянов. С 1621 г. упоминается имя одного атамана [5, с. 248].

Вторая тенденция – стремление к равенству. Так, в 1592 г. во время приема жалования казаки заявили, «что у них больших нет никого, все равны» [5, с. 182]. И эта тенденция абсолютно естественна.

Учитывая пополнение сообщества представителями разных этносов, конфессий и социальных слоев, войско, в поисках понятной всем системы общежития, должно было упростить свою социальную структуру, «понизить» ее до банальной военной демократии. Возник круг, где носители оружия становились лицом к лицу и принимали решения, избирался атаман, наделенный полномочиями воплотить их. Ему в помощники выбирался есаул (или два). Голос атамана считался равным голосу простого казака. При этом продолжала существовать система ученичества, оказывали влияние на жизнь всего войска неформальные лидеры – «господа старые казаки».

По мнению А.В. Малова и Н.И. Никитина, «главную роль в жизни казачьих общин, в том числе в принятии решений на кругу, играли “старые казаки” (старожилы, противопоставляемые в московских документах казакам “новым”), из числа которых обычно избирали атаманов. Сами атаманы, по некоторым данным (1630-х гг.), могли иметь подобие личной дружины – “атаманскую станицу”, а у многих казаков в подчинении находились молодые “товарищи”, или

“чуры” (от тюркского “джура”), т.е. ученики, которые не только обучались ратному мастерству, но и выполняли обязанности прислуги при своих хозяевах-“учителях”...» [12, с. 125]. То есть при симбиозе рыцарского ордена и военной демократии получилось некое верховенство неформальных лидеров.

Естественно, встает вопрос, как и под каким названием эти неформальные лидеры реализовали свой авторитет, узаконили свое «олигархическое правление».

С.Г. Сватиков связывает этот достаточно длительный процесс с появлением термина «старшина»: «...С самого начала существования казачества его вожди – атаманы – отделялись и в жизни, и в актах эпохи от “рядового” казачества. По истечении полномочий атаманы возвращались в ряды товарищей, но сохраняли и вес, и влияние. В половине XVII в. этих “знатных”, т. е. всем в войске известных казаков, стали называть “старшинами”» [14, с. 44]. К еще более раннему времени он относил объединение этих «знатных» людей в некое неофициальное совещание.

О.Ю. Куц отмечает, что, по Сватикову, влияние этого совещания на атамана и войсковой круг «было громадно» и что «совет старшин существовал на Дону уже с начала XVII века» [15, с. 26]. Однако он сам, проанализировав ряд источников, считает: «Как видим, понятие “старшина” в качестве обозначения казачьей элиты в целом в рассматриваемый период еще не было устоявшимся и пока только формировалось, прежде чем стать тем устойчивым обозначением для узкого круга наиболее влиятельных в войске лиц (причем не атаманов на данный момент), которое видим с конца XVII в. Уверенно говоря о появлении на Дону этой группы в 1640-е гг., С.Г. Сватиков, на наш взгляд, модернизирует ситуацию» [15, с. 229].

Учитывая наличие «трехкастовой структуры» в рассмотренных здесь мужских сообществах, мы придерживаемся мнения, что неформальные лидеры – «господа старые казаки» – существовали с момента возникновения сообщества, а спор скорее касается времени возникновения термина.

В.Д. Сухоруков проследил становление термина «старшина»: «Название старшины в первый раз упоминается в 1649 году в донесении дворянина Андрея Лазарева в Посольский приказ, где слово старшины употреблено вместо атаманы. Потом в показании станищного атамана Козьмы Дмитриева, приехавшего с Дона в Москву в 1655 году: в Посольском приказе он, между прочим, сказал, что начальник у них в морском походе был старшина Павел Чесночихин. После сего весьма часто встречается в актах название старшина, которое означало одно и то же, что и атаман» [2, с. 420–421]. «С 1680 года название атаманов весьма редко встречается в актах...» [2, с. 421]. Чиновники, бывавшие на Дону, называли их старшинами.

После 1695 г. произошел некий перелом. Петр I в своей грамоте потребовал, чтобы на Дону его встречали «из старшины войсковой знатные люди» – «после сего название старшина сделалось столь общим, что и Войско Донское в донесениях своих государю именовало знатных людей своих старшинами...» [2, с. 421].

Вряд ли термин прижился быстро. В 1708 г. Козловский воевода князь Волконский писал о планах булавинцев взять Черкасск и перебить казачью верхушку: *«итить им до Черкасского, чтобы побить старых казаков. А как де старых казаков побьют, то де пойдут до Москвы»* [16, с. 71].

Не заикливаясь на терминах, мы лишний раз констатируем, что под тем или иным названием (или даже без него) казачья верхушка существовала со времен становления казачества. На наш взгляд, требует серьезного рассмотрения вопрос о «промосковских» настроениях донских старшин.

В первой трети XVII в. стало проявляться двуличие донской казачьей верхушки. В 1627 г. при войсковом атамане Елифане Радилове прошел круг. «Под явным московским давлением этот круг принимал решение о запрете “воровских” походов на Волгу, о смертной казни за такие походы и за помощь в организации волжского “воровства” ссудами в разной форме. Это решение стало частью войскового права. Однако оно не дало результатов и “воровские” походы продолжались, поскольку в них было материально заинтересовано все донское казачество» [17, с. 130]. Домовитые казаки сами в «воровских» походах старались не участвовать, но с «воровскими» казаками «не только знали, но и давали им ссуды на “воровские” походы, в т. ч. порохом, свинцом, иногда даже лодками» [17, с. 130], а потом получали часть добычи.

И далее мы увидим несанкционированный Москвой захват Азова, двуличное поведение атаманов в отношении С. Разина [18, с. 338] и верхушки во время Булавинского восстания, по достоинству (через топоры и плахи) оцененное Петром I. Скорее здесь прав С.М. Маркедонов, характеризующий казачество и государство термином «друзья-враги», считая, что «покровительство Москвы стало со временем рассматриваться частью казачества как меньшее зло по сравнению с постоянными военными конфликтами» [19, с. 104].

Встает вопрос, насколько «стабильна» была верхушка. О.Ю. Куц приводит примеры, «когда старые казаки уходили с Дона в города. Например, в 1643 г. после ряда тяжелейших поражений, нанесенных казакам на Дону турками и татарами, в Россию ушла целая группа донских атаманов: бывший войсковой атаман Тимофей Лебязья Шея, станичные атаманы Осип Лосев, Томило Корякин, Нефед Осипов. Все они принадлежали к верхушке донского казачества» [15, с. 69]. Факт этот заслуживает внимания, так как верхушка, видимо, менялась в зависимости от контингента казачества и условий существования на Дону.

Изменению состава верхушки способствовал и перенос столицы казаков в Черкасск. Достаточно посмотреть на имена и родовые прозвища казаков городских станиц. Черкасские станицы: Мартыновы, Грековы, Кутейниковы, Луковкины, Орловы, Мелентьевы, Бобриковы, Пантелеевы, Закаляевы, Исаевы, Волошиновы. Средняя станица (соперник Черкасских станиц): Ефремовы, Иловайские, Яновы, Леоновы, Сулины, Турчаниновы, Миллеры, Сербиновы. Павловская станица: Поздеевы, Машлыкины, Харитоновы, Сысоевы, Туроверовы. Прибылянская и Дурновская станицы: Лютенсковы, Рубашкины, Родионовы, Мининковы, Каршины, Ханжонковы. Скородумовская станица: Голубинцевы, Струковы, Персияновы, Кисляковы, Гордеевы.

Казаки Черкасского городка не пострадали от Азовского сидения, вместе с казаками Манычского городка они в 1641 г. отказались защищать город («мы де за камень не хотим умереть, мы де умрем за свои щепки») [20, с. 177]. Это не спасло их от налетов татарской и ногайской конницы в это время, но налеты отбивались и потери при их отражении не шли ни в какое сравнение с потерями защитников Азова. И российская власть, видимо, испытывала к населению этих городков больше доверия, так как Азов казаки брали в 1637 г., не спрашивая разрешения и даже вопреки воле и интересам Москвы на тот период.

Узаконению власти старшин, на наш взгляд, способствовали два фактора. Первый – уже отмеченное исследователями ослабление роли войскового круга и изменение его состава.

В.Д. Сухоруков, как и многие историки, считал, что «власть старшин начала увеличиваться с ограничением своеволия казаков, что последовало вскоре по восшествии на престол государя Петра I. Старшины мало-помалу приходили в силу и наконец присвоили себе право распоряжаться всеми войсковыми делами, коими прежде управлял войсковой круг» [2, с. 421]. А «с 1700 г. по велению царя Петра кроме войсковых старшин в войсковой круг стали приглашать только по два выборных старика вместе с атаманом от каждого городка» [21, с. 48]. Фактически «два выборных старика» были теми же старшинами, но более низкого ранга.

В начале XVIII в. у казаков на уровне станиц встречается термин «старшие люди». Так, в 1703 г. стольник Максим Кологривов опрашивал казачьи городки об их составе, и в Усть-Медведицком городке зафиксированы: «атаман Ананья Терентьев и есаул Семен Федоров и старшие люди Нефет Иванов, Спиридон Савилав, Василий Акинвеев, и редовые всею станицею...» [22, с. 13]. И это естественно, так как в станице – казачьем сообществе, населяющем городок, – тоже была «трехкастовая структура».

В станицах эти «старшие люди» (их еще называли «подписные старики», так как они расписывались в получении войсковых грамот и за своей подписью давали требуемые сведения о станице) вершили все судебные дела, выносили их на станичный круг. Отсюда на Дону появилась поговорка «Атаман не волен и в докладе» [21, с. 54].

Второй фактор – необходимость быстрого принятия решений при довольно значительной территории. Это вызвало к жизни такое учреждение, как малый войсковой круг. «Малые войсковые круги проводились довольно часто, нося тем не менее экстраординарный характер, означавший, что войсковой атаман имеет необходимость вынести на всеобщее обсуждение неотлагательные вопросы, но из-за невозможности в скором времени собрания всего войска приглашает только “ближних” казаков. Именно эти собрания обсуждали основную массу текущих

административно-судебных вопросов. Малый войсковой круг отличался большей скрупулезностью в рассмотрении дел...» [21, с. 19].

Определенную роль играл и психологический фактор. В походе атаман единолично карал и миловал, его слово было для казаков законом. Но после похода он за свои решения отвечал перед войсковым кругом и за неправильный выбор мог лишиться головы. Поэтому в походе и вообще за пределами войска атаманы «старались при рассмотрении дел пользоваться советами прочей походной старшины (по принципу “одна голова хорошо, а две лучше!”), дабы разделить с ними часть ответственности за принятые решения» [21, с. 20–21].

Как известно, после Булавинского бунта атамана на Дону назначил сам царь, и когда в 1715 г. этот атаман, Петр Емельянович Рамазанов, умер, то следующий избирался не всем кругом, «а старшинами и казаками близлежащих станиц, единомышленниками старшин» [3, с. 413] и утверждался царем. «С этого времени атаман и старшины присвоили себе право распорядиться, с утверждения Военной коллегии, в ведение которой с 1721 г. перешло Войско Донское, всеми делами Дона ... раздавать награды, в том числе почетное звание старшины...» [3, с. 413].

Поскольку войсковой круг теперь фактически состоял из старшин разного ранга, то выборы нового старшины напоминали кооптацию в ряды сообщества нужных ему членов. И лишь в 1753 г. Военная коллегия запретила такую практику и начала сама утверждать новых членов старшинского сообщества. Резко возросла роль семейных связей, которые стали инструментом и скрепой при формировании на Дону впоследствии олигархических кланов [23].

Звание старшины было пожизненным, без права передачи его потомству, но верхушка обходила эти ограничения через тот же войсковой круг. Старшинские чины круг стал давать детям старшин «по заслугам отцов» с момента зачисления на службу. Так получили такие чины Михаил Сидорович Себряков, Григорий Ильич и Михаил Ильич Денисовы, Даниил Алексеевич и Алексей Федорович Краснощековы, причем последний стал старшиной в 11 лет [24, л. 151].

Царская власть была недовольна пожизненным статусом старшин. Создавая Волгское казачье войско, императрица Анна Иоанновна написала в жалованной грамоте: «А вечным старшинам, по примеру Донского Войска, не быть» [25, с. 422]. Но донская старшина уверенно шла к легализации своего фактического положения.

На базе существовавшей прежде Войсковой избы, в которой велась вся текущая работа войскового атамана, с 20-х гг. XVIII в. именованной Канцелярией войсковых дел, в 1740-е гг. появляется без разрешения российского правительства Войсковая канцелярия дел старшин [26].

Эти же старшины через систему созданных сыскных начальств взяли на себя управление всем войском. В 1743 г. атаман Данила Ефремов разделил войско на 6 сыскных округов, в каждый назначался нарочный старшина, который в 1750–1760-е гг. именовался сыскным старшиной (само название, видимо, импонировало центральной власти). Помимо своей главной задачи – ловить беглых, каждый такой старшина передавал на места распоряжения канцелярии и контролировал их исполнение, т. е. не только беглых искал, но и казаками руководил. Под началом этих старшин с 1743 г. в одной из станиц каждого округа работала канцелярия сыскных дел. Они же контролировали на местах судебные дела и проводили мобилизацию казаков на службу.

Характеристика личных качеств донских старшин в определенной мере просматривается в системе проступков и наказаний, которым они подвергались от своих же товарищей. Из 20 выявленных проступков 93 донских старшин, совершенных за 1737–1775 гг., 7 связаны со взяточничеством или финансовыми злоупотреблениями, такое же количество – с небрежением по службе. Остальные – «шумство» (пьянство), лжесвидетельство и противопоставление себя сложившейся верхушке, причем последнее не считалось официально преступлением, но преследовалось [27, с. 22]. Самым распространенным наказанием было временное лишение старшинского чина, который вскоре возвращался.

Следует учесть и усилившееся имущественное расслоение, вызывавшее раскол в казачьем сообществе. Как очень осторожно писал Б.Р. Хрещатицкий, «вместе с усилением донской знати иногда начинал проскальзывать некий разлад между рядовыми казаками – “войском” и старшиной войсковою» [28, с. 13]. На самом деле, «разлад» зачастую принимал довольно болезненные формы.

В процессе имущественного расслоения и обострения общественных противоречий, в том числе и в казачьей среде, неизбежно было и противоречие между старшинами и такими волевыми атаманами, как Данила и Степан Ефремовы, причем Данила Ефремов имел чин генерала российской армии, а Степан был участником Петергофского похода, приведшего к власти Екатерину II. Причем при отсутствии какого-либо законодательства или органа, формально ограничивающего права атамана, власть его стала практически безграничной. И здесь старшины пытались взять в союзники государственную власть. В докладной записке российскому правительству в 1769 г. войсковой дьяк И.А. Янов предлагал превратить Войсковую канцелярию в орган правительственного надзора за атаманом, чтобы канцелярия получала жалование из российской казны [29, с. 230].

С другой стороны, пресловутая «промосковская верхушка», как и всякая региональная власть того времени, стремилась бесконтрольно распоряжаться в войске, и отсюда был неизбежен в том или ином виде ее конфликт с центральной властью. Очередное противостояние казачьей старшины с центральной российской властью на этой почве является предметом специального исследования.

Таким образом, в условиях «военной демократии» стало складываться некое верховенство неформальных лидеров, которое в первой половине XVII в. выдвинулось в самостоятельный обычно-правовой институт. Весь следующий период, до середины и даже третьей четверти XVIII в., идет процесс легализации старшинской властной организации на уровне войскового права и законодательства Российской империи. Однако формально заверченный процесс легализации не решал ряда нараставших противоречий и должен был вылиться в очередное противостояние с центральной российской властью.

Список источников

1. Мининков Н.А. Донское казачество на заре своей истории : учеб. пособие. Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 1992. 168 с.
2. Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского. Ростов н/Д.: ГинГо, 2001. 516 с.
3. Савельев Е.П. История казачества с древнейших времен до конца XVIII века : историческое исследование : в 3 ч. Репринт. воспроизведение изданий 1915–1918 гг. Ростов н/Д., 1990. С. 315–446.
4. Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 1961. 375 с.
5. Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего Средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 1998. 512 с.
6. Рябов С.И. Войско Донское и российское самодержавие (1613–1725 гг.). Волгоград: Перемена, ВГПУ, 1993. 100 с.
7. Пудавов В.М. История Войска Донского и старобытность начал казачества. Новочеркасск: М. В. Пудавов, 1890. 328 с.
8. Скальковский А. История новой Сечи или последнего коша Запорожского. На основании подлинных документов Западного Сечевого Архива. 3-е изд. Одесса: Тип. А. Шульце, 1846. Ч. 1. 378 с.
9. Эварницкий Д.И. История запорожских казаков : в 3 т. М.: Центрполиграф, 2017. Т. 1. 495 с.
10. Кондрико А.В. Система казачьего самоуправления в рамках российской государственности на примере Запорожской Сечи в середине XVII – конце XVIII в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИИУ МГОУ, 2015. 23 с.
11. Володихин Д.М. Участие казаков в обороне Пскова 1581–1582 годов // Казачество на страже Отечества : сб. науч. ст. по истории русского казачества. М.: Снежный ком, 2023. С. 47–57.
12. Малов А.В., Никитин Н.И. Российское казачество на заре своей истории (XV–XVII века) : исследования, справочные материалы, источники. М.: Снежный ком, 2023. 758 с.
13. Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: казачество на переломе истории. М.: Мысль, 1990. 270 с.
14. Сватиков С.Г. Россия и Дон. История донского казачества 1549–1917. Исследование по истории государственного и административного права и политических движений на Дону. М.: Центрполиграф, 2023. 623 с.
15. Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 456 с.
16. Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Кондратий Афанасьевич Булавин. М.: Просвещение, 1988. 424 с.

17. Мининков Н.А., Сень Д.В. Классификация казачьих сообществ (войск): научно-методическое сопровождение учебного материала // Казачество на службе Отечеству : материалы ежегодной междунар. стратег. сессии. Ростов н/Д.; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2023. С. 120–139. EDN: KFYTEF.
18. Чертанов М. Степан Разин. М.: Молодая гвардия, 2016. 383 с.
19. Маркедонов С.М. Автономное общество в России: первый исторический опыт («Вольное» казачество против Московского государства в XVI–XVII веках) // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 95–106. EDN: OWNMZX.
20. Донские дела. СПб.: Тип. Гл. управления уделов, 1906. Кн. 2. 1110 с.
21. Небратенко Г.Г. Судебно-процессуальные отношения в традиционном обществе донских казаков. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2009. 144 с.
22. О происхождении донских казаков: материалы по истории и генеалогии казачества / авт.-сост. В.А. Гусев. Волгоград: Панорама, 2013. Вып. 2. 264 с.
23. Венков А.В. Матримониальные связи казачьей верхушки Дона в XVIII веке // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 2. С. 45–53. EDN: AGSBSN. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2024-2-45-53>
24. Государственный архив Ростовской области. Ф. 46. Оп. 1. Д. 40.
25. Юдин П. С Волги на Терек // Терский сборник. Екатеринбург: Издат. решения Ridero, 2023. Вып. 10. С. 419–432.
26. Небратенко Г.Г. История древнего казачьего права. Ростов н/Д.: РЮИ МВД России, 2018. Ч. 1. 244 с.
27. Венков А.В. Преступления и наказания донской казачьей верхушки во 2-й половине XVIII века // Проблемы ранней истории казачества : материалы межрегион. науч.-практ. конф. (Ростов-на-Дону, 14–15 марта 2023 г.). Ростов н/Д.: Альтаир, 2023. С. 17–22.
28. История лейб-гвардии казачьего Его Величества полка. 1775–1813–1875–1913 / сост. Б.Р. Хрещатицкий. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1913. Ч. 1. 408 с.
29. Губарев Г.В. Казачий словарь-справочник. Сан-Ансельмо, Калифорния, США: Сеятель, 1970. Т. 3. 344 с.

References

1. Mininkov N.A. *The Don Cossacks at the dawn of their history*. A textbook. Rostov-on-Don: Publishing House of the Rostov State University; 1992. 168 p. (In Russ.).
2. Sukhorukov V.D. *Historical description of the Land of the Don Army*. Rostov-on-Don: GinGo; 2001. 516 p. (In Russ.).
3. Savelyev E.P. *The history of the Cossacks from ancient times to the end of the 18th century. Historical research in 3 parts*. Reprint reproduction of editions from 1915-1918. Rostov-on-Don, 1990:315-446. (In Russ.).
4. Pronstein A.P. *The land of the Don in the 18th century*. Rostov-on-Don: Publishing House of Rostov State University; 1961. 375 p. (In Russ.).
5. Mininkov N.A. *The Don Cossacks in the Late Middle Ages (before 1671)*. Rostov-on-Don: Publishing House of Rostov State University; 1998. 512 p. (In Russ.).
6. Ryabov S.I. *The Don Army and the Russian autocracy (1613-1725)*. Volgograd: Change, Volgograd State Pedagogical University; 1993. 100 p. (In Russ.).
7. Pudavov V.M. *The history of the Don Army and the antiquity of the beginnings of the Cossacks*. Novocherkassk: M.V. Pudavov; 1890. 328 p. (In Russ.).
8. Skalkovsky A. *The history of the new Sich or the last Zaporizhian Kosh*. Based on the original documents of the Western Sich Archive. 3rd ed. Odessa: Printing House of A. Schulze; 1846, ch. 1. 378 p. (In Russ.).
9. Evarnitsky D.I. *The history of the Zaporozhian Cossacks*: in 3 vols. Moscow: Center Polygraph; 2017, vol. 1. 495 p. (In Russ.).
10. Kondriko A.V. *The system of Cossack self-government within the framework of Russian statehood, using the example of the Zaporizhian Sich in the mid-17th - late 18th century*. Dissertation Abstract. Moscow: Moscow State Regional University; 2015. 23 p. (In Russ.).
11. Volodikhin D.M. Participation of Cossacks in the defense of Pskov in 1581-1582. *The Cossacks are on guard of the Fatherland*. Collection of Scientific Articles on the History of the Russian Cossacks. Moscow: Snowball; 2023:47-57. (In Russ.).
12. Malov A.V., Nikitin N.I. *The Russian Cossacks at the dawn of their history (15th-17th centuries): research, reference materials, sources*. Moscow: Snowball; 2023. 758 p. (In Russ.).
13. Stanislavsky A.L. *The Civil War in Russia of the 17th century: the Cossacks at the turning point of history*. Moscow: Thought; 1990. 270 p. (In Russ.).
14. Svatikov S.G. *Russia and the Don. The history of the Don Cossacks 1549-1917. A study on the history of state and administrative law and political movements on the Don*. Moscow: Center Polygraph; 2023. 623 p. (In Russ.).

15. Kutz O.Yu. *The Don Cossacks during the period from the capture of Azov to the performance of S. Razin (1637-1667)*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin; 2009. 456 p. (In Russ.).
16. Pronstein A.P., Mininkov N.A. *Kondraty Afanasievich Bulavin*. Moscow: Enlightenment; 1988. 424 p. (In Russ.).
17. Mininkov N.A., Sen D.V. Classification of Cossack communities (troops): scientific and methodological support of educational material. *Cossacks in the service of the Fatherland*. Materials of the annual international strategic session. Rostov-on-Don; Taganrog: Publishing House of Southern Federal University; 2023:120-139. (In Russ.). EDN: KFYTEF.
18. Chertanov M. *Stepan Razin*. Moscow: Young Guard; 2016. 383 p. (In Russ.).
19. Markedonov S.M. Autonomous society in Russia: the first historical experience (the "Free" Cossacks against the Moscow state in the 16th-17th centuries). *Social Sciences and Modernity*. 2004;(2):95-106. (In Russ.). EDN: OWNMZX.
20. *Don affairs*. St. Petersburg: Printing House of the Main Administration of Appanages; 1906, book 2. 1110 p. (In Russ.).
21. Nebratenko G.G. *Judicial and procedural relations in the traditional society of the Don Cossacks*. Rostov-on-Don: Publishing House of Southern Federal University; 2009. 144 p. (In Russ.).
22. Gusev V.A., auth.-comp. *On the origin of the Don Cossacks: materials on the history and genealogy of the Cossacks*. Volgograd: Panorama; 2013, iss. 2. 264 p. (In Russ.).
23. Venkov A.V. Matrimonial relations of the Cossack elite of the Don in the 18th century. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Sciences*. 2024;(2):45-53. (In Russ.). EDN: AGSBSN. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2024-2-45-53>
24. *The State Archive of the Rostov region*. Fund 46. In. 1. File 40. (In Russ.).
25. Yudin P. From Volga to Terek. *The Tereks collection*. Yekaterinburg: Ridero Publishing Solutions; 2023;(10):419-432. (In Russ.).
26. Nebratenko G.G. *History of ancient Cossack law*. Rostov-on-Don: Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2018, part 1. 244 p. (In Russ.).
27. Venkov A.V. Crimes and punishments of the Don Cossack elite in the 2nd half of the 18th century. *Problems of the early history of the Cossacks*. Proceedings of the Interregional Scientific and Practical Conference (Rostov-on-Don, 14th-15th March 2023). Rostov-on-Don: Altair; 2023:17-22. (In Russ.).
28. Khreschatytsky B.R., comp. *History of the Life Guards of His Majesty's Cossack Regiment. 1775-1813-1875-1913*. St. Petersburg: Partnership of R. Golike and A. Vilborg; 1913, ch. 1. 408 p. (In Russ.).
29. Gubarev G.V. *The Cossack dictionary*. San Anselmo, California, USA: Sower; 1970, vol. 3. 344 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А.В. Венков – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории казачества.

Information about the author

A.V. Venkov – Doctor of Science (History), Professor, Main Researcher of the Laboratory of the Cossacks.

Статья поступила в редакцию 10.02.2025; одобрена после рецензирования 25.02.2025; принята к публикации 04.03.2025.
The article was submitted 10.02.2025; approved after reviewing 25.02.2025; accepted for publication 04.03.2025.

Научная статья
УДК 94(47).084.3
<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-33-38>

КУБАНСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА (1918–1920) В ВОСПОМИНАНИЯХ УЧАСТНИКОВ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ

Денис Валерьевич Данилов

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
dendanilov@sfedu.ru

Аннотация. Рассматриваются воспоминания участников Белого движения на Юге России в контексте истории стихийно возникшего в результате революции государственного образования – Кубанской народной республики. Анализируются воспоминания офицеров, а также общественных деятелей, игравших ключевую роль в политической жизни Юга России в 1918–1920 гг. Основная цель данного исследования – изучение взглядов деятелей Белого движения на Кубанскую народную республику. Также предпринимается попытка определить значение мемуаров белогвардейцев как источника по истории Кубанской народной республики.

Ключевые слова: Кубанская народная республика, казачество, Вооружённые силы Юга России, мемуары, А.И. Деникин, К.Н. Соколов, единая и неделимая Россия, сепаратизм

Для цитирования: Данилов Д.В. Кубанская народная республика (1918–1920) в воспоминаниях участников Белого движения // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 1. С. 33–38. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-33-38>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE KUBAN PEOPLE'S REPUBLIC (1918-1920) IN THE MEMOIRS OF THE PARTICIPANTS OF THE WHITE MOVEMENT

Denis V. Danilov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
dendanilov@sfedu.ru

Abstract. The memoirs of the participants of the White movement in the South of Russia are analyzed in the context of the history of the state formation that spontaneously arose as a result of the revolution – the Kuban People's Republic. The article examines the memoirs of officers and public figures who played a key role in the political life of southern Russia in 1918-1920. The main purpose of this study is to examine the views of the leaders of the White movement on the Kuban People's Republic. An attempt is also being made to determine the significance of the memoirs of the White Guards as a historical source on the history of the Kuban People's Republic.

Keywords: Kuban People's Republic, Cossacks, Armed Forces in the South of Russia, memoirs, A.I. Denikin, K.N. Sokolov, united and indivisible Russia, separatism

For citation: Danilov D.V. The Kuban People's Republic (1918-1920) in the Memoirs of the Participants of the White Movement. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2025;(1):33-38. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-33-38>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Роль казачества (в частности, кубанского) в событиях Гражданской войны уже несколько десятилетий вызывает значительный интерес у исследователей. Но история Кубанской народ-

ной республики как политического субъекта освещена в историографии не так широко. Тем не менее за последние годы появился ряд исследований, посвящённых рассмотрению Кубанской народной республики как политической институции [1–5]. Вместе с тем остаются вопросы, недостаточно проработанные и представляющие интерес. О Гражданской войне на Юге России создавали мемуары сами участники событий, уделяя огромное внимание казачеству. Цель данного исследования – изучить, что писали некоторые видные белогвардейцы в своих воспоминаниях конкретно о Кубанской народной республике и как оценивали её роль в событиях Гражданской войны.

Выбор источников исследования обусловлен тем, что период Гражданской войны ярко освещён в мемуарах участников тех событий. Анализируя различные мнения, мы получаем возможность создать более или менее объективную картину происшедшего. Главным же их недостатком выступает субъективизм и предвзятость в оценках. Но это позволяет взглянуть на события глазами того или иного человека, а также оценить его политические взгляды и моральный облик. Современные исследователи подчёркивают значимость эго-источников в контексте роста внимания к человеку в истории, историко-культурному измерению прошлого [6]. Можно использовать этот субъективизм для более глубокого понимания как характера и мировоззрения автора, так и окружавшей его обстановки [7]. Для удобства воспоминания участников Белого движения разделим на две группы: мемуары офицеров (А.И. Деникин, П.Н. Врангель, А.П. Филимонов и др.) и мемуары общественных деятелей (К.Н. Соколов, Г.Н. Трубецкой).

Прежде всего стоит отметить, что Белое движение изначально провозгласило лозунг «Единая и неделимая Россия», что «трактовалось как великодержавная Россия в границах 1914 г.» [8, с. 22]. Вполне естественно, что такой подход априори определял негативное отношение белогвардейцев к государственным новообразованиям вроде Кубанской народной республики. Тем не менее в условиях Гражданской войны наличие общего врага в лице большевиков толкало белое командование к сотрудничеству с разными политическими силами. С переменным успехом почти все антибольшевистские силы старались сглаживать имеющиеся противоречия между собой. Особенно это удавалось на первом этапе борьбы. В частности, после освобождения Добровольческой армией г. Екатеринодара от большевиков в августе 1918 г. наблюдалось определённое единство, которое вскоре будет разрушено: «Вступление победителей в кубанскую столицу обставлено как театральное представление, призванное продемонстрировать единство кубанцев и добровольцев... Над атаманским дворцом вновь взвился сине-малиново-зелёный кубанский флаг. Над соседним зданием, где размещалось добровольческое командование, было поднято полотнище российских национальных цветов. Но эта идиллия продолжалась недолго» [9, с. 122]. Впоследствии, вплоть до окончания Гражданской войны, склоки и скандалы будут главной чертой взаимоотношений между руководством Кубанской народной республики и командованием Добровольческой армии (с конца 1918 г. – Вооружённые силы Юга России (ВСЮР)).

И офицеры, и общественные деятели из числа участников Белого движения в один голос осуждали деятелей Кубанской народной республики, обвиняя их в сепаратизме. Но обвинения эти носили разный характер, как и политика ВСЮР относительно Кубани оценивалась самими белогвардейцами по-разному. Генерал Деникин в своих воспоминаниях отмечает, что у белого офицерства с самого начала сложилось весьма негативное отношение к властям Кубанской народной республики: «в войсках создалось если не враждебное, то, во всяком случае, недоброжелательное отношение к многостепенной кубанской власти, слишком напоминавшей ненавистный офицерству “совдеп” и слишком резко отмежевавшейся от общерусской идеи» [10, с. 267]. И Деникин полностью разделял такую оценку. С одной стороны, Кубанская рада, в основном состоявшая из социалистов (заметим, что слово «рада» даже переводится на русский язык с украинского как «совет»), с другой – идеи казачьей самостоятельности, продвигавшиеся кубанскими политиками, не могли не отталкивать такого убеждённого сторонника единой России и единоличной диктатуры (по крайней мере, в условиях войны), как Деникин. Возникает вопрос, как при таком отношении могло быть какое-либо сотрудничество между деникинцами и кубанскими самостоятельными?

Здесь уместно заметить, что кубанцы почти никогда не говорили о полном отделении от России, желая лишь видеть ее государством с федеративным устройством, где казакам будет гарантирована широкая автономия. В свою очередь, белое командование и его сторонники полагали это неприемлемым, выдавая федерализм за сепаратизм, а генерал Алексеев писал про «болезненный микроб федерации» [Цит. по: 11, с. 164]. Видный деятель Белого движения, член Особого совещания при главнокомандующем К.Н. Соколов в своих воспоминаниях отмечает, что он также последовательно боролся против идеи федерализма: «остаюсь при убеждении, что целым рядом факторов исторического, этнографического и географического характера исключается возможность установления в России федеративного строя» [12, с. 296].

В чём причина столь враждебного отношения к федеративному устройству, никто в воспоминаниях не упоминает. Понять Деникина как офицера ещё можно, он хотел сосредоточить командование в своих руках, чтобы выиграть Гражданскую войну. Для этого необходима централизация, превращение всех подконтрольных Белому движению территорий в единый военный лагерь, как это сделали большевики. Но что мешало провозгласить федеративный принцип для России будущего, после окончания войны, остаётся неясным, особенно удивляет позиция Соколова, который был профессором права и мог понимать принципиальные различия федерализма и сепаратизма.

К тому же ближе к завершению Гражданской войны, уже в период правления П.Н. Врангеля, некоторые белогвардейские деятели осознали, что идея единой России несколько не противоречит идее федеративной России. Так, генерал П.С. Махров весной 1920 г. подготовил для нового главнокомандующего доклад, из которого следовало, что нужно декларировать «лозунг федеративности и единства России (что совершенно не противоречит одно другому, как то мы видим в Америке и Швейцарии)» [Цит. по: 13, с. 326]. То есть догадались, но только тогда, когда Кубанская народная республика фактически уже перестала существовать в связи с занятием территории Кубани Красной армией весной 1920 г. На тот момент было уже слишком поздно провозглашать федерацию.

Помимо ложного противопоставления принципов единой России и федерации, у командования ВСЮР были другие претензии к руководству Кубанской народной республики. Например, в мемуарах генералы неоднократно обвиняли кубанских политиков самостийной ориентации в стремлении иметь собственную Кубанскую армию. Современный историк О.В. Ратушняк считает, что «Деникин не хотел создания Кубанской армии, хотя кубанцы постоянно и настойчиво этого добивались, ссылаясь на такой прецедент, как Донская армия, и обещания добровольческого командования во время Первого Кубанского похода. Он понимал, что создание такой армии только даст лишний козырь в руки местных самостийников» [14, с. 20]. Кроме укрепления позиций самостийников, такой шаг вносил бы дезорганизацию в командование войсками: «Выделение отдельной Кубанской армии из ВСЮР грозило не только вероятными политическими (армия могла стать инструментом в борьбе самостийников за свои цели), но и серьезными организационными последствиями, и как следствие – осложнением и без того непростой ситуации на фронте» [15, с. 435]. Если бы Деникин удовлетворил требования руководства Кубанской народной республики и создал бы самостоятельную Кубанскую армию, он утратил бы значительную часть сил: «Кубанские части в октябре составляли всё ещё 12 % Вооружённых сил Юга. Нас сковывали цепи, которые рвать было невозможно» [16, с. 603]. В историографии также неоднократно указывалось на зависимость белогвардейского командования от кубанских казаков: «В сентябре 1918 г. кубанцы составляли около 89 % конницы, 44 % пехоты и 33 % артиллерии армии Деникина» [17, с. 179].

Противником создания отдельной армии для Кубани был не только Деникин. Барон Врангель в данном вопросе занял аналогичную позицию, чего не скажешь о генерале А.П. Филимонове. Врангель в воспоминаниях отмечает, что вполне лояльно настроенный по отношению к командованию Филимонов (занимавший пост кубанского атамана) был недоволен тем, что Деникин не разрешает кубанцам создать собственную армию: «Генерал Филимонов, не касаясь вопроса по существу, стал говорить о том, что казаки глубоко обижены несправедливым к себе отношением, что давнишние чаяния их иметь собственную Кубанскую армию, несмотря на неоднократные заверения генерала Деникина, не получили удовлетворения, что, будь у казаков

собственная армия, все от мала до велика сами вступили бы в ее ряды. Генерал Романовский возражал, между прочим указав, что среди кубанцев нет даже подходящего лица, чтобы встать во главе армии» [18, с. 326]. Генерал Науменко предложил назначить командующим Кубанской армией Врангеля. Возникает вопрос: для чего создавать Кубанскую армию, если ею командовать будет человек, не имеющий к казачеству никакого отношения? Кавказская армия, во главе которой был Врангель в тот момент, и так состояла по большей части из казаков. В чём тогда смысл выделения отдельной армии? Врангель сразу же отказался от перспективы стать командующим Кубанской армией: «Пока я командующий Кавказской армией, я не ответственен за политику Кубани. С той минуты, как я явился бы командующим Кубанской армией, армией отдельного государственного образования, я стал бы ответственным за его политику. При настоящем же политическом направлении Кубани мне, ставши во главе Кубанской армии, осталось бы одно – скомандовать “взводами налево кругом” и разогнать Законодательную Радугу» [18, с. 327]. Вполне естественно, что генералы, имевшие казачье происхождение, были более позитивно настроены на идею создания Кубанской армии (Филимонов, Науменко).

Ещё одно обвинение, которое участники Белого движения бросали в адрес кубанских деятелей, – связь их с зелёным движением, которое, в свою очередь, взаимодействовало с большевиками. Донской генерал И.Н. Оприц отмечает: «Что касается зелёного движения в Черноморье и на Кубани рассматриваемого времени, то, судя по фактам его субсидирования большевиками, прямой связи с последними, участие некоторых кубанских деятелей агитаторов за невыход кубанских казаков на фронте (Пиллюк, Савицкий) и, наконец, по малой численности и слабости зелёных активных групп, оно имело здесь характер пробольшевизма и дезертирства» [19, с. 241]. Если кубанские политики действительно поддерживали контакт с большевиками через зелёных – это уже (с позиции белого командования) государственная измена, за которую по законам военного времени полагается смертная казнь. Как бы то ни было, но взаимодействие зелёных с большевиками фиксируется и в большевистских документах [20, л. 4]. Соответственно, те обвинения, которые сыпались на них со стороны белогвардейцев, вполне обоснованы.

Пожалуй, самая большая печаль, которая сквозит во всех воспоминаниях участников белой борьбы на Юге России, связана с поражением ВСЮР в начале 1920 г. Одной из важнейших причин этого разгрома многие называют агитацию кубанцев-самостийников, которая вызвала массовое дезертирство казаков из армии. К.Н. Соколов пишет: «Деникин с горечью говорил, что никогда никакой главнокомандующий не бывал в таком тяжёлом положении, как он. Стратегическая обстановка блестящая. Противник слаб. Добровольцы и донцы сражаются прекрасно. Стоило бы только кубанцам держаться на второстепенных участках фронта, и успех обеспечен. Но кубанцы просто уходят. Разлагающая пропаганда самостийников дала свои неизбежные плоды. Кубанские вожак теперь сами понимают, до чего они довели армию. К сожалению, уже поздно» [12, с. 274]. Соколов как гражданское лицо здесь полностью солидарен с генералами.

Таким образом, во многом позиция всех мемуаристов совпадает по ключевым вопросам. Воспоминания участников Белого движения могут служить ценным источником по истории Кубанской народной республики, но личные политические взгляды белогвардейцев накладывают свой отпечаток, формируя у читателя исключительно негативный образ этой республики. При анализе данных источников может сложиться впечатление, что руководство Кубанской народной республики едва ли не главный виновник поражения белых на юге страны. Тем самым белогвардейские мемуаристы прикрывают свои собственные просчёты и тот факт, что им так и не удалось создать привлекательной программы, которая увлекла бы за собой основную часть населения страны (и, в частности, казачество). Поэтому, изучая историю Кубанской народной республики, не следует использовать воспоминания участников Белого движения как основной или единственный источник. Безусловно, они содержат массу необходимой информации, исследовать их необходимо, но в комплексе с другими группами источников.

Список источников

1. Зайцев А.А. Кубанские самостийники и деникинская контрреволюция в 1918–1920 гг. // Наука и школа. 2008. № 5. С. 73–75.
2. Сивков С.М. Конституционное строительство на Кубани в период Гражданской войны (1917–1921 гг.) // Казачья государственность: исторические, правовые и культурные аспекты: сб. ст. II Междунар. электр. науч. конф. Краснодар: Южный ин-т менеджмента, 2014. С. 230–236. EDN: TWHSUX.
3. Венков А.В. Кубанский казачий сепаратизм в годы Гражданской войны на Юге России. Саарбрюккен: LAP, 2015. 406 с.
4. Кравченко С.С. Казачье самоуправление в годы Гражданской войны 1917–1920 гг. (на материалах Дона и Кубани) : дис. ... канд. ист. наук. Кропоткин, 2008. 219 с.
5. Остапенко П.И. Казачьи государственные образования на юге России (февраль 1917 – начало 1920 г.): историко-правовой анализ : автореф. дис. ... д-ра юр. наук. Краснодар, 2004. 55 с.
6. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика / Ю.П. Бокарев [и др.]; под общ. ред. А.К. Соколова. М.: РОССПЭН, 2004. 741 с.
7. Георгиева Н.Г. Мемуары как феномен культуры и как исторический источник // Вестн. РУДН. Серия : История России. 2012. № 1. С. 126–138.
8. Бутаков Я.А. Добровольческая армия и Вооружённые силы Юга России: концепции и практика государственного строительства (декабрь 1917 – март 1920 г.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. 277 с.
9. Федюк В.П. Белое движение на Юге России 1917–1920 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Ярославль, 1995. 573 с.
10. Деникин А.И. Очерки русской смуты : в 3 кн. М.: Айрис-пресс, 2015. Кн. 2. 736 с.
11. Никитин А.Н. Суверенная Кубань: опыт отечественного парламентаризма (1917–1920 гг.). М.: Нац. ин-т бизнеса, 2010. Ч. 1. 368 с.
12. Соколов К.Н. Правление генерала Деникина. М.: Вече, 2023. 432 с.
13. Соколов Б.В. Врангель. Верховный правитель Крыма и глава русской эмиграции. М.: Вече, 2023. 544 с.
14. Ратушняк О.В. Политические искания донского и кубанского казачества в годы Гражданской войны в России (1918–1920 гг.) // Белая гвардия : альманах. 2005. № 8 : Казачество России в Белом движении. С. 17–23.
15. Гагжуев Р.Г. Белое движение на Юге России: военное строительство, источники комплектования, социальный состав, 1917–1920 гг. М.: Посев, 2012. 704 с.
16. Деникин А.И. Очерки русской смуты : в 3 кн. М.: Айрис-пресс, 2015. Кн. 3. 832 с.
17. Ганин А.В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М.: Пятый Рим, 2018. 864 с.
18. Врангель П.Н. Воспоминания Петра Николаевича Врангеля. СПб.: Питер, 2015. 1034 с.
19. Лейб-казаки / Оприц И.Н. Лейб-гвардии казачий Ее Величества полк в годы революции и Гражданской войны 1917–1920 гг.; Голубинцев А.В. Русская Вандея. Очерки Гражданской войны на Дону 1917–1920 гг. М.: Вече, 2008. 464 с.
20. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1.

References

1. Zaitsev A.A. Kuban independents and Denikin's counterrevolution in 1918-1920. *Science and School*. 2008;(5):73-75. (In Russ.).
2. Sivkov S.M. Constitutional construction in the Kuban during the Civil War (1917-1921). *Cossack statehood: historical, legal and cultural aspects*. Collection of articles of the 2nd International Electronic Scientific Conference. Krasnodar: Southern Institute of Management; 2014:230-236. (In Russ.). EDN: TWHSUX.
3. Venkov A.V. *Kuban Cossack separatism during the Civil War in South Russia*. Saarbrücken: LAP; 2015. 406 p. (In Russ.).
4. Kravchenko S.S. *Cossack self-government during the Civil War of 1917-1920 (based on materials from Don and Kuban)*. Dissertation. Kropotkin, 2008. 219 p. (In Russ.).
5. Ostapenko P.I. *Cossack state formations in the South of Russia (February 1917 - early 1920): historical and legal analysis*. Dissertation Abstract. Krasnodar, 2004. 55 p. (In Russ.).
6. Bokarev Yu.P. et al. *Source studies of modern Russia history: theory, methodology, practice*. Sokolov A.K., ed. Moscow: ROSSPEN; 2004. 741 p. (In Russ.).
7. Georgieva N.G. Memoirs as a cultural phenomenon and as a historical source. *RUDN Journal of Russian History*. 2012;(1):126-138. (In Russ.).
8. Butakov Ya.A. *The Volunteer Army and the Armed Forces of South Russia: concepts and practice of state building (December 1917 - March 1920)*. Dissertation. Moscow, 1998. 277 p. (In Russ.).

9. Fedyuk V.P. *The White Movement in the South of Russia in 1917-1920*. Dissertation. Yaroslavl, 1995. 573 p. (In Russ.).
10. Denikin A.I. *Essays on the Russian troubles*: in 3 books. Moscow: Iris-press; 2015, book 2. 736 p. (In Russ.).
11. Nikitin A.N. *Sovereign Kuban: the experience of domestic parliamentarism (1917-1920)*. Moscow: National Institute of Business; 2010, part 1. 368 p. (In Russ.).
12. Sokolov K.N. *The reign of General Denikin*. Moscow: Veche; 2023. 432 p. (In Russ.).
13. Sokolov B.V. *Wrangel. The supreme ruler of Crimea and the head of the Russian emigration*. Moscow: Veche; 2023. 544 p. (In Russ.).
14. Ratushnyak O.V. Political quests of the Don and Kuban Cossacks during the Civil War in Russia (1918-1920). *The White Guard: almanac. Russian Cossacks in the White Movement*. 2005;(8):17-23. (In Russ.).
15. Gagkuev R.G. *The White Movement in the South of Russia: military construction, sources of recruitment, social composition, 1917-1920*. Moscow: Sowing; 2012. 704 p. (In Russ.).
16. Denikin A.I. *Essays on the Russian troubles*: in 3 books. Moscow: Iris-press; 2015, book 3. 832 p. (In Russ.).
17. Ganin A.V. *The Seven "whys" of the Russian Civil War*. Moscow: Fifth Rome; 2018. 864 p. (In Russ.).
18. Wrangel P.N. *Memoirs of Peter Nikolaevich Wrangel*. St. Petersburg: Peter; 2015. 1034 p. (In Russ.).
19. *Life Guards Cossacks*: Oprits I.N. Life Guards Cossack Regiment of Her Majesty during the Revolution and Civil War of 1917-1920; Golubintsev A.V. Russian Vendee. Essays on the Civil War on the Don in 1917-1920. Moscow: Veche; 2008. 464 p. (In Russ.).
20. *Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region*. Fund 4. In. 1. File 1. (In Russ.).

Информация об авторе

Д.В. Данилов – аспирант кафедры отечественной истории XX–XXI вв. Института истории и международных отношений.

Information about the author

D.V. Danilov – Postgraduate Student, Department of National History of the 20th-21st Centuries, Institute of History and International Relations.

Статья поступила в редакцию 24.01.2025; одобрена после рецензирования 03.02.2025; принята к публикации 04.03.2025.
The article was submitted 24.01.2025; approved after reviewing 03.02.2025; accepted for publication 04.03.2025.

Научная статья
УДК 94(470+57) «17/1917»
<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-39-44>

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ДОРОГ И ТРАНСПОРТА В ГОРОДЕ НАХИЧЕВАНИ-НА-ДОНУ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Сергей Сергеевич Козлов^{1✉}, Татьяна Владимировна Щукина²

Ростовский государственный медицинский университет Минздрава РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹ sid.220788@bk.ru[✉], <https://orcid.org/0009-0004-5205-9060>

² vuzprepod@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9793-2725>

Аннотация. Рассматриваемая тема – развитие дорог и транспортной инфраструктуры Нахичевани-на-Дону, входящее в функции городского общественного управления по благоустройству. Дороги играли большую роль в жизни города. Именно поэтому были созданы специальные комитеты по мощению улиц. Кроме того, городское общественное управление заботилось и о переправе через реку Дон на левый берег, для чего строился наплавной мост, несмотря на проблему разводки моста для речного торгового и пассажирского пароходства. Местные предприниматели тоже вносили свой вклад в благоустройство города. Например, Волго-Донское транспортное общество, расположив ряд деревянных мастерских на Зеленом острове, спустя несколько лет захотело выкупить часть земли мастерских у городской управы Нахичевани, а остальную взять в аренду в обмен на бесплатное обучение нахичеванских учеников техническим профессиям. Немаловажной заботой городского управления было развитие общественного транспорта, например конно-железнодорожной, в начале XX в. замененной электрическим трамваем. Трамвайные маршруты в Нахичевани сохранились практически без изменений до наших дней. Эти мероприятия положительно сказались на социально-экономическом развитии города.

Ключевые слова: транспорт, мостовые, железная дорога, пароходство, конно-железная дорога, городской трамвай, мосты, Нахичевань-на-Дону

Для цитирования: Козлов С.С., Щукина Т.В. К вопросу о развитии дорог и транспорта в городе Нахичевани-на-Дону во второй половине XIX – начале XX века // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 1. С. 39–44. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-39-44>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

ON THE DEVELOPMENT OF ROADS AND TRANSPORT IN NAKHICHEVAN-ON-DON IN THE SECOND HALF OF THE 19th - EARLY 20th CENTURY

Sergey S. Kozlov^{1✉}, Tatyana V. Shchukina²

Rostov State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia

¹ sid.220788@bk.ru[✉], <https://orcid.org/0009-0004-5205-9060>

² vuzprepod@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9793-2725>

Abstract. The article topic is the development of roads and transport infrastructure in Nakhichevan-on-Don, which is part of the functions of the municipal public administration for landscaping. Roads played a major role in the life of the city. Special committees for paving streets were created specifically for this purpose. In addition, the city public administration also took care of the crossing over the Don River to the

left bank, for which a floating bridge was built, despite the problem of laying the bridge for river trade and passenger shipping. Local entrepreneurs also contributed to the improvement of the city. For example, the Volga-Don Transport Society, having located a number of wooden workshops on Green Island, a few years later wanted to buy out part of the land of the workshops from the Nakhichevan city administration, and lease the rest in exchange for free training of Nakhichevan students in technical professions. An important concern of the city public administration was the development of public transport, for example, the horse-drawn railway, which was replaced by an electric tram at the beginning of the 20th century. Tram routes in Nakhichevan have remained virtually unchanged to this day. They planned to build a railway through Nakhichevan-on-Don, but instead they bypassed the city through the steppe zone, for which purpose land was alienated and a station was built. These measures had a positive impact on the social and economic development of the city.

Keywords: transport, pavement, railway, shipping, horse-drawn railway, city tram, bridges, Nakhichevan-on-Don

For citation: Kozlov S.S., Shchukina T.V. On the Development of Roads and Transport in Nakhichevan-on-Don in the Second Half of the 19th - Early 20th Century. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2025;(1):39-44. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-39-44>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Инфраструктура и ее развитие определяют уровень благоустройства и санитарного состояния любого города, важнейших элементов его общественной культуры. Внешний вид, ухоженность домов, строительство новых жилых и общественных зданий, удобные мостовые, тротуары, парки и бульвары являются неотъемлемой частью его культурно-исторического облика. Благоустройство города и создание комфортных условий жизни для жителей, конечно же, напрямую зависят от работы органов городского управления. В градостроительстве того времени отмечаются принципиально новые моменты, формировавшие социокультурное пространство города.

В Нахичевани-на-Дону, основанной армянскими переселенцами из Крыма в 1779 г., во время Великих реформ Александра II встал вопрос о благоустройстве города, которое, согласно городской реформе [1, с. 823–824], входило в обязанности нахичеванского общественного управления. Одним из его главных пунктов, без сомнения, были дороги и транспорт.

В пореформенный период в результате развития капиталистических отношений и индустриального роста произошли значительные сдвиги в жизни как целых краев империи, так и отдельных городов. Высокими показателями уровня развития в южной России отличался Ростов. Развивались и менее крупные города, в частности Нахичевань-на-Дону, на которую возлагалось содержание и поддержание в благоустроенном состоянии объектов общественного пользования – мостов, дорог, почтовых станций и всего общественного хозяйства [2, с. 82].

Одним из важных вопросов являлось строительство моста через р. Дон. По докладу городской управы об устройстве наплавного моста у г. Нахичевани городская дума на заседании 15 ноября 1872 г. постановила назначить комиссию из членов городской управы: И.К. Морозова, И.В. Шагинова, И.М. Аладжалова для составления проекта и сметы предполагаемого моста [3, л. 1]. Городская управа 6 ноября приняла решение о строительстве моста за счет пожертвований [3, л. 5]. Для осмотра места строительства и необходимых замеров в город был приглашен екатеринославский губернский архитектор [3, л. 6]. Управа также приняла решение о составлении сметы и стоимости за проезд через планируемый мост [3, л. 5]. Денежный сбор за проезд через предполагаемый мост на Дону в Нахичевани составлял: с каждой воловьей и конной подводы с поклажей – 3 к., без оной – 2 к., с незапряжённой лошади, каждой штуки рогатого скота и с каждого прогоняемого мостового движения – по 4 к. С мелкого скота: овец, телят и коз – по ½ к., весь каретный транспорт, эстафеты, а также служебные лица, имеющие в собственности экипаж, и пешеходы избавляются от сбора за мост [3, л. 7]. По сведениям В.Б. Бархударяна, в Нахичевани было два наплавных моста [2, с. 82].

На содержание таких мостов требовались довольно большие средства. Так, в 1901 г. сильная буря сорвала наплавной мост. Отдельные его части удалось найти близ станиц Александровка, Аксайская, Старочеркасская. Расчеты, сделанные представителями городской думы и специа-

листами, показали, что восстановление моста и обеспечение перевозок по нему обойдется в 5965 р. [4, л. 2–3].

Несмотря на то что городское общественное управление регулярно повышало плату за проезд по мосту, ввиду его важности для экономической и хозяйственной деятельности жителей Нахичевани население города требовало увеличить интенсивность пользования мостом и разрешить им пользоваться в зимнее время [2, с. 82]. Это дало бы возможность поддерживать связь с населением на левом берегу Дона. Собранная городской думой комиссия пришла к выводу, что для облегчения установки наплавных мостов необходимо их переделать по примеру мостов Ростова – с одной точкой опоры. Одновременно было предложено увеличить их пролеты, чтобы во время ледохода мосты не повредило [5, л. 1].

Нахичеванское городское управление также решало вопрос водного транспорта. В 1878 г. екатеринославский губернатор написал нахичеванскому городскому голове, что в 1875–1876 гг. на съездах представителей пароходства обсуждались помехи при проходе судов через территорию Нахичевани: а) суда задерживаются при оплате прохода через разведенные мосты; б) простои судов случаются вследствие несвоевременной разводки мостов, а медленная высадка судопроходных частей – по причине их неудобной конструкции; в) разводка мостов происходит в определенное время, тогда как пароходы не в состоянии всегда подгонять свое прибытие, так что не успевшие прибыть вовремя задерживаются около мостов, что создает трудности для пассажирского пароходства; г) мосты установлены в местах, неудобных для прохода судов [6, л. 1]. В итоге екатеринославский губернатор предложил нахичеванскому городскому общественному управлению делегировать одного члена в комиссию для составления правил пользования мостами.

На Зеленом острове, частично принадлежавшем Нахичевани, в 1860-х гг. Волго-Донское транспортное общество устроило временные мастерские. К 1877 г. эти мастерские сильно обветшали, и Волго-Донское общество предложило городской управе продать три десятины земель острова за тысячу рублей, за остальную часть земель платить аренду, а также в этих мастерских бесплатно обучать назначенных городской управой учеников из Нахичевани техническим специальностям, например судовождению и пр. [7, л. 1]. Городское общественное управление удовлетворило эту просьбу, но вместо тысячи рублей за три десятины управа потребовала четыре.

В 80-х гг. XIX в. в Ростове-на-Дону провели от вокзала до Богатынского проспекта конно-железную дорогу [8, с. 295]. Ростовцы (тогда ростовчане именовались так) долго не хотели тянуть линию к Нахичевани. Но через некоторое время Нахичеванская дума приняла решение соединиться с конно-железнодорожной дорогой Ростова-на-Дону [8, с. 295]. В своем докладе нахичеванский городской голова М.И. Балабанов писал: «Ввиду громадности движения по означенному пути и желательнее бы было найти средства к установлению более удобного к движению способа, чем при движении в обыкновенном экипаже. Таким средством может служить устройство конно-железнодорожной дороги из Нахичевана в Ростов. Большинство из наших граждан едва ли имеет возможность обойтись, не побывав в Ростове хоть раз на день, а потому очевидная полезность устройства конно-железнодорожной дороги не требует доказательств. Ввиду того обстоятельства, что границы обоих городов сходятся за чертой их, то проведения пути в пределах только нашего города без проведения его в Ростове не может иметь никакого значения, а потому мною предполагается, может быть осуществлено, только при условии согласия со стороны г. Ростова» [9, л. 1]. Таким образом обеспечили сообщение Нахичевани с Ростовом по конно-железнодорожной дороге. Также Балабанов пишет, что «ростовское городское общество сочувственно относится к нашему предложению, сознавая всю возможность и полезность предполагаемого предприятия. Уверенность моя в согласии ростовского общества основывается на том факте, что первоначально инициатива соединения Ростова с Нахичеваном, более чем 10 лет тому назад, посредством шоссе принадлежит ему» [9, л. 1]. Городской голова считал, что ростовцы явно понимали пользу от улучшения путей сообщения [9, л. 1].

В Нахичевани, в конце 2-й Соборной улицы (ныне – Ереванская улица), отвели большую площадь под конно-железнодорожный парк и дорогу провели таким образом, что жители получили возможность пользоваться ею до ростовского вокзала. В 1899 г. городская дума вносит

предложение заменить конку электрическим трамваем, а плату за проезд уменьшить [10, л. 5]. Через год из военного министерства приходит разрешение пустить в городе электрический трамвай. Чтобы прекратить развернувшиеся вокруг этой проблемы шумные споры и протесты и продвинуть это дело, городская дума в 1901 г. принимает по поводу электрического трамвая письменное решение и выделяет комиссию из пяти человек: Г. Чалхушьяна, И. Арутюняна, М. Хлытчиева и др. Специальным договором сооружение трамвайной линии поручается бельгийскому акционерному обществу. Работы шли ударно – и уже в 1903 г. в Нахичевани ходил электрический трамвай [2, с. 86].

Трамвайную линию провели от нахичеванского базара до нахичеванского полустанка, мимо армянского кладбища и городской Мариинской больницы. В целях удобной посадки пассажиров в вагоны линию решили проложить от собора Сурб Григор Лусаворич по двум направлениям: одни вагоны спускаются по 19-й линии, проходят Георгиевскую улицу и по 25-й линии поднимаются до 2-й Соборной и идут в депо, а другие вагоны от собора поднимаются к базару, спускаются ко 2-й Соборной и идут в депо [8, с. 295]. По мнению С.С. Казарова, проведение конно-железнодорожной дороги и трамвая является одним из важных достижений городского головы М.И. Балабанова [11, с. 34]. Таким образом, наличие конно-железнодорожной дороги между Ростовом и Нахичеванью стало дальнейшим этапом развития путей сообщения между двумя городами.

Также большой заботой Нахичевани и Ростова-на-Дону было шоссе между ними, проходящее на месте современной Театральной площади. Вот что писал городской голова Ростова П. Максимов: «Шоссе, пролегающее по земле, принадлежащей г. Ростову, вновь устроено, и по нему в непродолжительное время имеет быть открыта езда. Имея в виду, что означенное шоссе устроено не для надобностей города, а для удобства проезжающих по нему с тяжестью фур, извозчиков и других подвод, что постоянное содержание его в исправности полноценно потребует расхода...» [12, л. 1]. Ростовский городской голова указывает, что расходы по ремонту шоссе возложат на Ростов и Нахичевань, а потому предлагает брать плату за проезд по шоссе, но сначала провести совместное совещание городских дум по решению этого вопроса [12, л. 1].

Нахичеванская городская управа заключила определение о строительстве железнодорожной ветки Курско-Воронежско-Харьковской дороги не через Нахичевань-на-Дону, а в обход нее, через степь, оставив существующие станции лишь для грузовых поездов, приходящих к нахичеванской и ростовской набережной [13, л. 2]. В 1895 г. городской управой было принято решение об устройстве центральной станции трех железных дорог на земле Нахичевани и о проведении ветки до Хлебной площади [14, с. 9].

В 1902 г. между городским головой Нахичевани-на-Дону, наказным атаманом Области Войска Донского и министерством внутренних дел начинается переписка о ремонте двухкилометрового отрезка железной дороги от Нахичевани до железнодорожной станции, а также неудобных и неблагоустроенных дорог, ответвляющихся от основного шоссе и ведущих к пшеничным амбарам и салотопням. В результате принимается решение пересмотреть плату за перевозку груза по железной дороге сроком на три года и установить ее в следующих размерах: за один вагон – 30 к., за штучные товары (скот, лодки и т.д.) – по 15 к., за пуд мелких товаров – по 1/10 к. [2, с. 85].

Много лет город не имел никаких мостовых, даже тротуаров. Весной и особенно осенью он утопал в грязи. И.М. Келле-Шагинов, цитируя Г. Патканяна, писал: «Слабый глинистый грунт после дождя превращался в слизистое месиво, колеса утопали в грязи и, набирая на себя целую кучу, застревали, лошадям приходилось то и дело останавливаться для передышки. Пешком же в грязь выходили одни мужчины в длинных сапогах. Иные предпочитали ехать верхом на лошади. В особенности для пешеходов было затруднительно переходить улицу. На больших улицах предусмотрительные хозяева на переходах стлали доски, которые снимались, когда везде высохнет грязь» [8, с. 294].

В 1870-х гг. начинается покрытие городских улиц плитами, завершается строительство мощенной дороги вдоль берега реки. Но темпы работ были невысокими. Вспоминая свои студенческие годы в Нахичевани (в 1897 г.), художник М. Сарьян писал: «Через два года мы переехали в другую квартиру. При доме были двор и маленький садик. Улица была немощённая, и поэтому весной при оттепели и осенью от дождей она превращалась в непролазное болото, в ко-

тором застревали даже фаэтоны с лошадьми. Люди, еле пробравшиеся вдоль заборов, теряли галоши. По всей улице жители клали доски, создавая мостки для перехода» [15, с. 25].

Определение городской думы от 12 декабря 1889 г. признало необходимым образовать при управе комиссию по мощению города, было принято решение приступить к выборам членов этой комиссии посредством бюллетеней. В результате избрали И.Х. Галаджева, К.А. Кожевникова, Г.Х. Чалхушьяна, Б.Г. Трапезонцева. В обязанности комиссии входило осуществление работ по мощению улиц в городе [16, л. 1].

По ст. 17 росписи расходов г. Нахичевани на 1890 г. на мощение улиц и ремонт существующих дорог ассигновано 28 000 р. Проект общего замощения города был составлен и подан на утверждение инженером Гринбергом. Обстоятельства потребовали учреждения особого комитета по мощению улиц. Кроме подробного и разностороннего обсуждения вопросов замощения улиц, он должен будет «заведовать устройством новых мостовых и поддержанием уже существующих» – городская управа просит образовать комитет по усмотрению городской думы [16, л. 1].

На заседании комиссии 7 апреля 1890 г. городской голова М.И. Балабанов предложил выделить 3 тыс. р. на ремонт 1-й Софиевской улицы, по Никольскому спуску [16, л. 5–6]. В качестве материала был указан так называемый темерницкий камень. Гласный А. К. Гайрабетов в своем заявлении предложил не завершать замощение участка по 1-й Софиевской улице от Базарной площади до 14-й линии, а продолжить ремонт до конца Софиевской улицы, так как «во время ненастной погоды вследствие большой грязи экипажам трудно подъезжать к тротуарам» [16, л. 10].

Особенно благоустраивались дороги к приезду высокопоставленных должностных лиц. Известно, что дважды – в 1818 и 1824 гг. – сюда приезжал император Александр I.

В феврале 1818 г. таганрогский градоначальник извещает магистрат Нахичевани о предстоящем путешествии императора и предлагает срочно привести в порядок дороги, прорыть по обе стороны городских и сельских дорог водосточные канавы, выровнять полотно, установить верстовые столбы, а на сельских дорогах обозначать названия сел и количество жителей в нем [2, с. 76].

Главной дорогой, которая была на попечении Нахичеванского округа, являлся Чалтырский почтовый тракт протяженностью 40 верст. Весной, в сезон дождей, поднимающаяся вода рек Мокрый Чалтырь и Темерник часто смывала мосты, поэтому население было вынуждено их восстанавливать [2, с. 76–77].

В итоге можно сделать вывод, что городское общественное управление в лице ее наиболее активных представителей, таких как М.И. Балабанов, П.Е. Хатранов, Г.Х. Чалхушьян и др., заботилось о городском благоустройстве и всячески пыталось сделать жизнь города более комфортной. Был построен наплавной мост от Нахичевани-на-Дону до Зеленого острова, развивалось пароходство, вместе с ростовской городской управой построили шоссейную дорогу между Ростовом и Нахичеванью. Ввиду непроходимости нахичеванских улиц в непогоду их постепенно замостили плитами, сделав мостовые и тротуары. Также в Нахичевани пустили конно-железную дорогу, а затем и электрический трамвай, построили объездную ветку Курско-Воронежско-Харьковской железной дороги в обход города с северной части и с южной со стороны набережной, что положительно сказалось на социально-экономическом развитии Нахичевани-на-Дону.

Список источников

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 45 : 1870 : в 3 отд. Отд-ние 1 : № 47862 – 48529. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1874. 897 с.
2. Бархударян В.Б. История армянской колонии Новая Нахичевань (1779–1917) / под ред. С. Дароян, В. Хачатурян; пер. с арм. Н. Григорова. Ереван: Айастан, 1996. 528 с.
3. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 91. Оп. 1. Д. 29.
4. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 170.
5. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 274.
6. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 163.
7. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 184.

8. Келле-Шагинов И. Моя единственная жизнь: дневники и воспоминания. Ростов н/Д.: Старые русские, 2015. 320 с.
9. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 180.
10. ГАРО. Ф. 685. Оп. 1. Д. 148.
11. Казаров С. С. Нахичеванская элита. Конец XVIII – начало XX века. Ростов н/Д.; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2021. 154 с.
12. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 23.
13. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 51.
14. Нахичеванское-на-Дону городское общественное управление в 1888–1897 гг.: доклад Нахичеванской-на-Дону городской управы. Нахичевань-на-Дону: Тип. Л. Гурьевича, 1897.
15. Сарьян М. С. Из моей жизни / под ред. Ш. Г. Хачатряна. 4-е изд. М.: Изобр. искусство, 1990. 241 с.
16. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 498.

References

1. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection.* Vol. 45: 1870: in 3 sections. *Section 1: No. 47862-48529.* St. Petersburg: Printing House of the 2nd Section of His Imperial Majesty's Chancellery; 1874. 897 p. (In Russ.).
2. Barkhudaryan V.B. *History of the Armenian colony of New Nakhichevan (1779-1917).* S. Daroyan, V. Khachatryan (Eds.), trans. from Armenian by N. Grigorov. Yerevan: Hayastan; 1996. 528 p. (In Russ.).
3. *State Archive of the Rostov Region (SARR).* Fund 91. In. 1. File 29. (In Russ.).
4. *SARR.* Fund 91. In. 1. File 170. (In Russ.).
5. *SARR.* Fund 91. In. 1. File 274. (In Russ.).
6. *SARR.* Fund 91. In. 1. File 163. (In Russ.).
7. *SARR.* Fund 91. In. 1. File 184. (In Russ.).
8. Kelle-Shaginov I. *My only life: diaries and memoirs.* Rostov-on-Don: Old Russians; 2015. 320 p. (In Russ.).
9. *SARR.* Fund 91. In. 1. File 180. (In Russ.).
10. *SARR.* Fund 685. In. 1. File 148. (In Russ.).
11. Kazarov S.S. *Nakhichevan elite. Late 18th - early 20th century.* Rostov-on-Don, Taganrog: Publishing House of the Southern Federal University; 2021. 154 p. (In Russ.).
12. *SARR.* Fund 91. In. 1. File 23. (In Russ.).
13. *SARR.* Fund 91. In. 1. File 51. (In Russ.).
14. *Nakhichevan-on-Don urban public administration in 1888-1897: Report of the Nakhichevan-on-Don City Council.* Nakhichevan-on-Don: Printing House of L. Guryevich; 1897. (In Russ.).
15. Saryan M.S. *From my life.* Sh.G. Khachatryan (Ed.). 4th ed. Moscow: Fine Art; 1990. 241 p. (In Russ.).
16. *SARR.* Fund 91. In. 1. File 498. (In Russ.).

Информация об авторах

С.С. Козлов – кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории.
Т.В. Шукина – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории.

Information about the author

S.S. Kozlov – Candidate of Science (History), Assistant of the History Department.
T.V. Shchukina – Candidate of Science (History), Associate Professor of the History Department.

Статья поступила в редакцию 17.02.2025; одобрена после рецензирования 23.02.2025; принята к публикации 04.03.2025.
The article was submitted 17.02.2025; approved after reviewing 23.02.2025; accepted for publication 04.03.2025.

Научная статья
УДК 94(47)

110-летию университета посвящается...

<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-45-51>

ХРОНИКА ВАРШАВСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 1917 ГОДА ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТ

Виктория Владимировна Лобова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
vvlobova@sfedu.ru

Аннотация. История университетского образования в донской столице берет свое начало с 1915 г., со времени перевода Варшавского университета в Ростов-на-Дону. Очень сложной, революционно настроенной была университетская жизнь в далеком 1917 г. Перемены в системе преподавания не заставили себя долго ждать, политическая составляющая пришла и в Донской университет. По материалам различных газет рассматривается научная, педагогическая и студенческая жизнь Варшавского (Донского) университета в 1917 г. Преподавательская среда в большей степени старалась сохранять нейтралитет к новым веяниям и революционной обстановке. А студенческое сообщество в основном поддержало революционные настроения. В итоге университет несколько месяцев был закрыт, проходили манифестации. Так начиналась другая жизненная страница вуза, определяющая его дальнейшую структуру и формат развития.

Ключевые слова: хроника, Варшавский императорский университет, образование, революция, настроения, студенчество, преподаватели, сообщество, ректор, университетская система

Для цитирования: Лобова В.В. Хроника Варшавского императорского университета 1917 года по материалам газет // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 1. С. 45–51. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-45-51>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

CHRONICLE OF THE WARSAW IMPERIAL UNIVERSITY 1917 BASED ON NEWSPAPER MATERIALS

Victoria V. Lobova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
vvlobova@sfedu.ru

Abstract. The history of university education in the Don capital dates to 1915, when the University of Warsaw was transferred to Rostov-on-Don. University life back in 1917 was very difficult and revolutionary. The changes in the teaching system were not long in coming, and the political component came to Don University. Based on the materials of the different newspapers, the scientific, pedagogical and student life of Warsaw (Don) University in 1917 is considered. The teaching environment tried to remain neutral to a large extent to the new trends and the revolutionary situation. But the student community generally supported the revolutionary sentiments. As a result, the university was closed for several months, and demonstrations took place. Thus began a new page in the life of the university, determining its further structure and format of development.

Keywords: chronicle, Warsaw Imperial University, education, revolution, sentiments, students, lecturers, community, rector, university system

For citation: Lobova V.V. Chronicle of the Warsaw Imperial University 1917 Based on Newspaper Materials. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2025;(1):45-51. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-45-51>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Данная статья является продолжением ранее опубликованных материалов о работе и деятельности Варшавского университета в Ростове-на-Дону [1].

1917 год – сложный и знаменательный период в истории России в целом и высшего образования в частности.

После Октябрьской революции 1917 г. и смены политического режима назрела реформа и в этой сфере. Менялось все – учебные планы, структура и организация преподавания. Однако трехступенчатая немецкая система ещё присутствовала в образовании Советской России. Высшее образование испытывало трудности из-за недостатка финансирования. В результате упразднились ученые степени и звания, а на смену им приходили новые.

Временное правительство приняло постановление о прямом подчинении государственных и частных высших учебных заведений министерству народного образования, что в значительной степени лишило университет его независимости.

В Ростове-на-Дону советская власть утвердилась лишь в 1920 г., но революционные настроения студентов и профессорско-преподавательского состава стали активно проявляться непосредственно по окончании революции.

После февральских событий в Варшавском университете проходили заседания профессорско-преподавательского состава и студенческих обществ, на которых обсуждалась сложившаяся ситуация. Был создан общестуденческий революционный комитет. По его поручению студенты не устраивали уличных демонстраций и не проводили публичных революционных выступлений [2, с. 3].

В марте 1917 г. в Ростове-на-Дону проходили многочисленные собрания. Состоялось чрезвычайное собрание членов педагогического общества. Был принят ряд резолюций при поддержке большинства, которые по итогу отправили председателю Государственной думы М.В. Родзянко и новому министру народного просвещения А.А. Мануйлову со следующим содержанием: «Ростовско-нахичеванское-на-Дону педагогическое общество горячо приветствует министра народного просвещения в обновленной России и связывает с его деятельностью самые светлые надежды» [3, с. 3]. Обсудив все реалии происходящих политических процессов и событий, педагогическое общество в целом единогласно поддержало Временное правительство и его планы и действия в области просвещения.

5 марта в здании университета состоялось общее собрание всего профессорско-преподавательского состава Донского университета, Высших женских курсов и женского медицинского института, на котором обсуждали революционные события и дальнейшую работу всего университетского сообщества. Присутствовало свыше 100 человек – профессора, доценты, приват-доценты, ассистенты. В начале заседания к зданию университета подошла многочисленная манифестация с обращением к ректору и преподавателям выступить и высказать свое мнение о происходящем. Ректор выразил надежду, что эти события не повлияют на учебный процесс, а скорейшее их разрешение приведет к стабилизации всей политической ситуации в целом.

Но увы, как только в Ростове получили официальные сообщения о событиях в Петрограде, студенты собрались в отдельной аудитории главного корпуса для обсуждения сложившейся ситуации. В результате проведенной встречи приняли решение о немедленном создании студенческого революционного комитета. Студенты-филологи не присутствовали на данной встрече и практически взяли самоотвод, тем самым признавая себя некомпетентными в решении подобных вопросов.

1 апреля 1917 г. по решению комиссариата Варшавский университет переименовали в Ростовский [4, с. 3]. С этого момента открылась другая страница истории вуза, определяющая его дальнейшую структуру и формат развития.

10 апреля в Ростове на собрании студенческой комиссии историко-филологического факультета и Высших женских курсов была вынесена резолюция о желательности созыва общефакультетского съезда филологов всех университетов и Высших женских курсов России. Мероприятие устраивалось для выработки единообразного плана преподавания и реорганизации

принципиальных вопросов академической жизни [5, с. 3]. А уже 11 апреля сообщалось, что исполняющий обязанности ординарного профессора А.М. Придик утвержден деканом историко-филологического факультета сроком на 4 года [6, с. 3].

Несмотря на все попытки профессорско-преподавательского состава, направленные на сохранение дистанции между научной деятельностью и революцией, в университете все больше звучала агитационная тематика, которая поднималась в научных кружках, на открытых лекциях, общеуниверситетских собраниях. Стали появляться публичные объявления на предмет проведения собраний.

В апреле-мае профессора университета читали лекции, посвященные новой политической обстановке и новым взглядам на дальнейшее существование государства, тем самым подготавливая студенческое сообщество к тем изменениям, которые ждали страну в недалеком будущем. Например, «15 апреля в физическом корпусе состоится студенческое социал-демократическое собрание, на котором И. А. Френкель прочтет доклад на тему “Движущие силы революции и текущий момент”» [7, с. 3], а уже «26 апреля в физическом корпусе университета состоится лекция П.И. Коломийцева на тему “Русская революция в свете мировой истории”. Сбор от лекции поступит в пользу студенческого революционного комитета. Также будут прочтены лекции профессора Э. Г. Розенталя “Методические указания по географии” и преподавателя Н. Н. Сре-тенского “Методика начального обучения”» [8, с. 3].

Когда в Ростов пришло известие о перевороте, учебные занятия в университете прекратились. Революционное студенчество стояло на страже революции: запретило заниматься наукой даже тем, кто хотел, ибо к политической деятельности пристрастия не имел.

Со временем на площади у входа в университет стала появляться в продаже социалистическая партийная литература, которая вызывала определенные эмоции у посетителей вуза: «В университете теперь уже не науку преподают, а занимаются партийной агитацией? При старом режиме преподавали науку буржуазную, теперь должны преподавать социалистическую. Раньше профессора читали лекции, экзаменовали, решали разные дела университетские. Теперь не то. И всякая попытка вернуть старые порядки встретит мощный отпор со стороны революционного студенчества, как выступление контрреволюционное» [9, с. 2].

К середине апреля 1917 г. Ростовский университет и все высшие учебные заведения края завершили учебный год. Это было связано с тем, что студенческое сообщество очень активно вовлекалось в процесс новых политических реалий, принимало активное участие в агитации, вело подготовку к выборам в Учредительное собрание. Так, в театре Машонкина под председательством студента Зильберга состоялось многолюдное собрание студентов и курсисток ростовских высших женских школ по вопросу о прекращении занятий и введении для студенчества обязательной трудовой повинности [10, с. 3–4].

В университете интенсивно проходили общестуденческие собрания, на повестке остро стоял вопрос деятельности и работы ректора С.И. Вехова. Даже была вынесена резолюция: «предложить ректору немедленно подать в отставку» [11, с. 3]. Так, 15 апреля состоялось собрание математиков 1–3-го курсов Варшавского университета, на котором выразили недоверие ректору Вехову и секретарю Совета высших учебных заведений Керенскому и постановили отстранить их от занимаемых должностей [12, с. 4].

В сентябре 1917 г. С.И. Вехов принял решение покинуть свой пост, дав окончательный ответ студенческому революционному комитету [13, с. 3]. Тем не менее 2 октября совет профессоров Донского университета самостоятельно обсуждал резолюцию, вынесенную на общестуденческом собрании 26 сентября по поводу ухода С.И. Вехова с поста ректора и о переводных экзаменах, без привлечения представителей студенчества. Совет постановил: 1) своевременно произвести законные выборы ректора; 2) уведомить президиум общестуденческой сходы, что выборы профессоров, преподавателей и ректора соответствуют общим началам свободы и что участие учащихся в избрании членов ученой комиссии противоречит закону и академическим традициям; 3) объявить студентам, что по действующему уставу производство экзаменов относится исключительно к предметам ведомства отдельных факультетов и что факультеты при назначении сроков экзаменов принимают во внимание заключения согласительных факультетских комиссий [14, с. 2].

Помимо прочего, на этом заседании ректором С.И. Веховым было озвучено представление историко-филологического факультета об избрании на кафедру русского языка и словесности бывшего лектора русского языка Варшавского университета А.Д. Григорьева по рекомендации И.И. Замотина. Вопрос этот вызвал крайне острый конфликт. А.М. Евлахов считал, что Григорьев избран на несуществующую кафедру, которая создается специально для него. А.М. Придик и Г.З. Кунцевич в знак несогласия подали в отставку. Но, несмотря на это, большинством голосов избрание А.Д. Григорьева признали законным [15, с. 2].

Пока совет профессоров старался восстановить управление учебным заведением, 17 апреля в Ростове состоялся митинг учащихся всех высших учебных заведений. Обсуждался вопрос об участии студенчества в агитации среди крестьянства с целью подготовки к выборам в Учредительное собрание. Вынесена резолюция: считать академический год законченным, прекратить с 17 апреля занятия и экзамены во всех учебных заведениях Ростова [12, с. 4].

19 августа 1917 г. университет изменил свое название, став Донским: университет в Ростове-на-Дону обрел свое постоянное место жительства. «В “Собрании узаконений и распоряжений правительства”, в № 199, опубликовано постановление Временного правительства от 5 мая 1917 г. об учреждении Донского университета» [16, с. 3].

О переименовании вуза ходатайствовали преподаватели вуза, в частности И.А. Малиновский, который считал, что сделать это нужно незамедлительно: «Неопределенное юридическое положение бывшего Варшавского университета в Ростове-на-Дону вносит серьезные осложнения в финансовые отношения между городом и университетом. Почтительнейше просим содействовать скорейшему опубликованию положения о Донском университете» [17, с. 2].

Занятия не проводились, но выпускные экзамены, защита дипломов [18, с. 3] и вступительные экзамены в Донском университете проходили в соответствии с утвержденным расписанием.

В летний период 1917 г. Донской университет осуществлял приемную кампанию. На 20 августа в университет поступило 1407 прошений о приеме в студенты: на историко-филологический факультет – 44 (8 от женщин), математическое отделение – 194 (3 от женщин), естественное отделение – 145 (25 от женщин), юридический факультет – 223 (27 от женщин), медицинский – 554 (16 от женщин), на фармацевтические курсы – 247 (9 от женщин) [16, с. 3].

Высшие женские курсы продолжали также свою работу по университетской программе и принимали слушательниц на факультеты. Так, на Высшие женские курсы поступило 822 прошения: на историко-филологический факультет – 108, математическое отделение – 31, естественное отделение – 346, юридический факультет – 297, коммерческо-экономическое отделение – 40 [16, с. 3].

В 1917 г. в Донской университет на медицинский факультет были зачислены студенты, которые учились в Юрьевском университете (в связи с угрозой германской интервенции он был закрыт и переведен в Воронеж) и являлись коренными жителями Ростова-на-Дону. «Большая группа студентов-юрьевцев возбудила перед советом профессоров Донского университета ходатайство о переводе на соответствующий курс медицинского факультета» [19, с. 4].

Совет профессоров Варшавского (Донского) университета и Высших женских курсов утвердил устав естественно-исторического кружка, в задачи которого входило «широкое ознакомление членов-слушательниц с научными вопросами в области естествознания, развитие самостоятельности в научной работе и подготовке к педагогической деятельности» [20, с. 3]. Члены кружка организовали свою библиотеку и на постоянной основе проводили научные собрания.

Осуществлял свою работу и цивилистический кружок юридического факультета. Здесь также проходили научные собрания, слушатели выступали с докладами по интересным и актуальным темам юридического направления. Нередко такие выступления вызывали прения и жаркую дискуссию среди профессорско-преподавательского состава, но это позволяло делать более глубокие и осмысленные выводы [21, с. 3].

Широкой популярностью пользовались публичные лекции профессоров университета. Ранее давалось объявление на факультеты и в газету: «Публичная лекция 24 марта 1917 г. проф. А.М. Евлахова...» [21, с. 3], посетить лекцию могли все желающие.

Ростовские общества и меценаты осуществляли периодические пожертвования на нужды Донского университета. Так, за счет средств инженера-технолога Б.А. Гордона была организована студенческая столовая [22, с. 3]. Пожертвования поступали на «содействие высшему женскому образованию», а также в помощь тем студентам, у которых погибли отцы во время войны.

Поддержку университету осуществляли не только в сложный период Первой мировой войны. Слушателей университета и курсисток Высших женских курсов привлекали к различным сборам и пожертвованиям для детей участников войны. Они должны были участвовать в раздаче гуманитарной помощи и организации благотворительных мероприятий. «Для сбора нужны сборщики. От них зависит успех дела. Зная отзывчивость нашей интеллигентной молодежи, комитет обращается с просьбой помочь хорошему большому делу и отдать свои силы и время для сбора...» [17, с. 3].

Занятия начались 2 октября 1917 г., но митинги не прекращались, на них требовали увеличить жалование. Причем везде – и в гимназиях, и в городских школах, и в университете, и на Высших женских курсах.

Служители университета на общем собрании постановили предъявить требования администрации Высших женских курсов об увеличении им жалования. До сих пор администрация, проводя занятия в помещении университета, обходилась университетским штатом служителей, за что им доплачивалось по 5–7 р. Служащие, принимая во внимание, что работы на курсах не меньше, чем в университете, стали требовать от курсов увеличения жалования до университетских окладов [23; 24, с. 3].

16 октября университетские служащие приступили к работе на прежних условиях. Ни одно из требований, предъявленных ими, не было удовлетворено [25, с. 4]. Но служащие университета работали условно, уменьшив размер требуемого жалования с 185 до 160 руб. и заявив, что, если до 21 октября их требования не будут удовлетворены, они возобновят забастовку. Главное здание университета было приведено в должный порядок. «Отряд около 20 человек (студенты, курсистки и профессора) с метлами, щетками, тряпками и ведрами. Все аудитории, коридоры и лестницы очищены от грязи и пыли» [26, с. 3]. С 20 октября служащие Донского университета возобновили забастовку в связи с последним постановлением совета профессоров об увольнении тех, кто не вышел своевременно на работу.

Революционное время не оставило в стороне никого, исключением не стали и преподаватели, и студенчество. Воронка временных и стихийных изменений заставляла профессорско-преподавательский состав оперативно переосмысливать происходящее и стремительно завлекала веяниями революции неокрепшие умы студентов. Первые старались остаться в стороне и заниматься наукой, вторые желали кардинальных, мгновенных изменений и, увлеченные социалистическими идеями, шли курсом агитаций и требований.

Но, наверное, только благодаря внутренней учебной атмосфере и накопленному научному и организационному багажу Варшавский (ставший в тот момент Донским) университет выстоял и достойно прошел период революции и постепенно, за счет труда и самопожертвования преподавателей вуза во благо науке, стал настоящим храмом образования на Дону, развивающим и приумножающим свой исторический опыт и потенциал.

Список источников

1. Лобова В.В. Университетская хроника (Варшавский императорский университет, 1915–1916 годы) по материалам газет // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2021. № 3. С. 59–66. EDN: TNHGFU. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2021-3-59-66>
2. В университет // Приазовский край. 1917. 5 марта.
3. В педагогическом обществе // Приазовский край. 1917. 6 марта.
4. Университет // Приазовский край. 1917. 1 апр.
5. Хроника. В университете // Приазовский край. 1917. 12 апр.
6. Высшие школы в Ростове // Приазовский край. 1917. 11 апр.
7. Хроника // Приазовский край. 1917. 15 апр.
8. Лекции // Приазовский край. 1917. 26 апр.
9. Сверчок. В университет // Приазовский край. 1917. 24 окт.

10. Трудовая повинность ростовского студенчества // Приазовский край. 1917. 22 апр.
11. С. И. Вехов // Приазовский край. 1917. 26 апр.
12. Закрытие высших учебных заведений // Приазовский край. 1917. 18 апр.
13. Уход ректора С.И. Вехова // Ростовская речь. 1917. 19 сент.
14. Высшие школы в Ростове. В совете профессоров // Приазовский край. 1917. 4 окт.
15. Высшие школы в Ростове. Конфликт в совете профессоров // Приазовский край. 1917. 4 окт.
16. Высшие школы в Ростове // Приазовский край. 1917. 25 авг.
17. Сборы в Ростове // Приазовский край. 1917. 2 марта.
18. Выпуск врачей // Донские областные ведомости. 1917. № 4. 5 янв.
19. Хроника // Ростовская речь. 1917. 17 сент.
20. Естественно-исторический кружок при Высших женских курсах // Приазовский край. 1917. 2 марта.
21. Публичная лекция // Приазовский край. 1917. 3 марта.
22. Крпное пожертвование // Приазовский край. 1917. 5 марта.
23. Хроника. Город и университет // Приазовский край. 1917. 1 авг.
24. Профессиональная жизнь. Требования университетских служащих // Народная мысль. 1917. 9 авг.
25. Хроника. Ликвидация забастовки университетских служащих // Приазовский край. 1917. 17 окт.
26. Хроника: трудовая повинность // Приазовский край. 1917. 1 нояб.

References

1. Lobova V.V. University Chronicle (Warsaw Imperial University, 1915-1916) based on newspaper materials. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2021;(3):59-66. (In Russ.). EDN: TNHGFU. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2021-3-59-66>
2. To the university. *The Azov region*. 5th March 1917. (In Russ.).
3. In the pedagogical society. *The Azov region*. 6th March 1917. (In Russ.).
4. University. *The Azov region*. 1st April 1917. (In Russ.).
5. The chronicle. At the University. *The Azov region*. 12th April 1917. (In Russ.).
6. Higher schools in Rostov. *The Azov region*. 11th April 1917. (In Russ.).
7. Chronicle. *The Azov region*. 15th April 1917. (In Russ.).
8. Lectures. *The Azov region*. 26th April 1917. (In Russ.).
9. The cricket. To the university. *The Azov Region*. 24th October 1917. (In Russ.).
10. Labor service of the Rostov students. *The Azov Region*. 22nd April 1917. (In Russ.).
11. S.I. Vekhov. *The Azov Region*. 26th April 1917. (In Russ.).
12. Closure of higher educational institutions. *The Azov Region*. 18th April 1917. (In Russ.).
13. Departure of Rector S.I. Vekhov. *Rostov Speech*. 19th September 1917. (In Russ.).
14. Higher schools in Rostov. In the Council of Professors. *The Azov region*. 4th October 1917. (In Russ.).
15. Higher schools in Rostov. The conflict in the Council of Professors. *The Azov region*. 4th October 1917. (In Russ.).
16. Higher schools in Rostov. *The Azov Region*. 25th August 1917. (In Russ.).
17. Fees in Rostov. *The Azov region*. 2nd March 1917. (In Russ.).
18. Graduation of doctors. *The Don Regional Gazette*. 5th January 1917;(4). (In Russ.).
19. Chronicle. *Rostov Speech*. 17th September 1917. (In Russ.).
20. Natural History Circle at the Higher Women's Courses. *The Azov region*. 2nd March 1917. (In Russ.).
21. Public lecture. *The Azov region*. 3rd March 1917. (In Russ.).
22. A large donation. *The Azov region*. 5th March 1917. (In Russ.).
23. The chronicle. The city and the university. *The Azov Region*. 1st August 1917. (In Russ.).
24. Professional life. Requirements of university employees. *People's Thought*. 9th August 1917. (In Russ.).
25. The Chronicle. Liquidation of the strike of university employees. *The Azov region*. 17th October 1917. (In Russ.).
26. Chronicle: labor service. *The Azov region*. 1st November 1917. (In Russ.).

Информация об авторе

В.В. Лобова – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Института истории и международных отношений.

Information about the author

V.V. Lobova – Candidate of Science (History), Associate Professor, Department of Russian History, Institute of History and International Relations.

Статья поступила в редакцию 16.02.2025; одобрена после рецензирования 26.02.2025; принята к публикации 04.03.2025.
The article was submitted 16.02.2025; approved after reviewing 26.02.2025; accepted for publication 04.03.2025.

Научная статья
УДК 9.93/94
<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-52-57>

ПРОГРАММНАЯ УСТАНОВКА АНАРХО-КОММУНИСТОВ ЕКАТЕРИНОДАРА: СТАНОВЛЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ

Вадим Юрьевич Мартыненко

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник
им. Е.Д. Фелицына, Краснодар, Россия
vadusha.mort@mail.ru

Аннотация. Анархизм на Кубани – тема, не нашедшая пристального изучения в работах отечественных историков. Вместе с тем организация анархо-коммунистов сыграла значительную роль в политических событиях 1905–1907 гг. в регионе. При подготовке исследования в Государственном архиве Краснодарского края нами была найдена «Программа о воззвании партии анархистов-коммунистов». В этом документе, состоящем из четырех разделов, подробно описаны методы и средства, принципы и механизмы взаимодействия екатеринодарской ячейки анархистов. Цель статьи – проанализировать программную установку анархо-коммунистов г. Екатеринодара. Методология исследования состоит из компаративистского подхода, процедур анализа и верификации информации, сопоставления программы с документами «безначальцев» и «хлебовольцев». По принципу историзма устанавливаются особенности программы, реализуемой на практике анархистами Кубани. Документальную базу исследования составили архивные материалы Государственного архива Краснодарского края. Выявлено, что установки анархо-коммунистов Екатеринодара в основном совпадали с позицией «хлебовольцев», но имелись и отличия, например использование различных слоев населения для своих целей.

Ключевые слова: история анархизма, анархизм, анархисты Екатеринодара, программные документы, Кубань, начало XX века, анархо-коммунисты, «безначальцы», «хлебовольцы»

Для цитирования: Мартыненко В.Ю. Программная установка анархо-коммунистов Екатеринодара: становление и трансформация // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 1. С. 52–57. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-52-57>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE PROGRAMMATIC INSTALLATION OF THE ANARCHO-COMMUNISTS OF YEKATERINODAR: FORMATION AND TRANSFORMATION

Vadim Yu. Martynenko

Kuban State University, Krasnodar, Russia
Felitsyn Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve, Krasnodar, Russia
vadusha.mort@mail.ru

Abstract. Anarchism in Kuban is a topic that has not been closely studied by Russian historians. However, the organization of anarchist communists played a significant role in the political events of 1905-1907 in the region. While preparing for the study, we found the “Program on the appeal of the party of anarchist communists” in the State Archives of Krasnodar Region. This document, consisting of four sections, describes in detail the methods and means, principles and mechanisms of interaction of the Yekaterinodar cell of anarchists. The purpose of the article is to analyze the programmatic attitude of the anarchist communists of Yekaterinodar. The methodology of the study consists of a comparative approach, procedures for analyz-

ing and verifying information, comparing the program with the documents of the headless's and bread and freedom's. According to the principle of historicism, the features of the program implemented in practice by the anarchists of Kuban are established. The documentary base of the study was made up of archival materials of the State Archives of Krasnodar Region. It was revealed that the attitudes of the anarcho-communists of Yekaterinodar basically coincided with the position of the bread and freedom's, but there were also differences: for example, the use of various segments of the population for their own purposes.

Keywords: history of anarchism, anarchism, anarchists of Yekaterinodar, program documents, Kuban, beginning of the 20th century, anarcho-communists, headless's, bread and freedom's

For citation: Martynenko V.Yu. The Programmatic Installation of the Anarcho-Communists of Yekaterinodar: Formation and Transformation. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2025;(1):52-57. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-52-57>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Введение

Анархизм – политическая философия, заключающая в себе теории и учения, цель которых – ликвидация любого принудительного управления и власти человека над человеком. Русский анархизм связан с именами М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина.

В истории изучения вопроса об анархическом движении на Юге России в XX в. можно отметить диссертацию В.К. Смирновой, посвященную анархистам на Дону в период 1905–1921 гг. [1]. Однако проблема анархистов на Кубани напрямую не исследовалась. В основном анализировались косвенные темы – например, общая политическая ситуация в регионе [2] (в статье вскользь упоминается общее количество групп анархистов по всему Северному Кавказу).

Еще одним предметом исследований по кубанскому анархизму стал террор. Так, Е.А. Митяевым упоминается анархическая группировка в Екатеринодаре, которая занималась разбоем, грабежами и вымогательством денег [3]. Благодаря данной работе мы видим, что анархические преступления в Екатеринодаре были известны еще с 1905 г. Однако, была ли это целая группировка или индивидуальный террор, сказать сложно. Автор отмечает, что полноценная группировка анархистов появляется в Екатеринодаре лишь в 1907 г. Она выбирает идеологическое направление анархо-коммунизма. Помимо своих акций, анархо-коммунисты оставили нам и свою политическую программу – сегодня мы можем узнать об их целях и намерениях, методах и причинах необходимости этой борьбы.

Цель нашего исследования – анализ программной установки анархо-коммунистов г. Екатеринодара на основе архивного источника – «Программы о воззвании партии анархистов-коммунистов». Методология исследования включает компаративистский подход, процедуры анализа и верификации информации, сопоставление программы с документами «безначальцев» и «хлебовольцев».

Обсуждение

Начало XX в. в России ознаменовалось колоссальными переменами в политической сфере страны: развитие отечественного парламентаризма и социальных движений, а также кристаллизация основных идейно-политических направлений стали новшеством последних лет царствования династии Романовых. Одним из течений политической мысли, широко распространившихся в обществе, являлся анархизм. Он отражал свой крайний идеологический радикализм в двух основных принципах: полное уничтожение государства и капитала, что сразу же привлекло внимание больших масс людей [4].

В основном анархическое движение нашло благодатную почву в центральных и крупных городах империи, в частности в Санкт-Петербурге и Москве, поскольку они были промышленно развитыми. В них проживало большое количество рабочих, которые, в свою очередь, становились целью для анархической пропаганды. Однако данное направление политической мысли обрело популярность и на периферийных территориях Российского государства.

География распространения анархистов была немалой: помимо центральных районов, можно выделить Поволжье, Дальний Восток, Урал и Среднюю Азию [5, с. 337]. С другой стороны, в казачьих регионах Дона и Кубани, где население активно противилось революционным идеям, в период революции 1905–1907 гг. происходит рост числа последователей радикальных идей. В том числе свою работу начинают проводить и анархисты [6].

Во время революции анархо-коммунизм как направление стал самым популярным среди анархистов. Главную роль в этом сыграл один из основных идеологов анархической мысли, отец русского анархизма – П.А. Кропоткин. Он относился к так называемым хлебовольцам. Возникло это направление на Лондонском съезде анархистов-коммунистов в декабре 1904 г. Их базовыми целями выступали социальная революция, уничтожение капитала и создание анархического коммунизма. В противовес была создана более радикальная группировка – так называемых безначальцев, которые тоже именовали себя анархистами-коммунистами. В отличие от «хлебовольцев» данное направление ставило во главу угла «беспощадную народную кровавую расправу» [7, с. 57–58].

Результаты

Начнем наш анализ с разбора документа «Программа о воззвании партии анархистов-коммунистов» в Екатеринодаре. Данная программа находится в Государственном архиве Краснодарского края, где хранятся дела Екатеринодарского охранного пункта [8].

Нам не удалось установить, кто именно является ее автором, однако можно с уверенностью сказать, что этот документ был создан во время группового обсуждения, как и многие другие листовки, воззвания, схемы анархистов-коммунистов.

Программа включает 2,5 листа и начинается с приветствия читателей. Анархо-коммунисты обращаются к рабочим с целью описать и популяризировать свои взгляды и цели борьбы. Далее происходит объяснение слова «анархия» (безвластие) и ставится главная проблема, которая стоит перед анархическим движением, – освободить народ от «давящей» власти: частной собственности и государства. Как мы видим, в фокусе программы – аксиоматические положения анархистского движения.

Документ состоит из четырех разделов: «Частная собственность», «Государство», «Коммунизм» и «Средства». В них анархисты изложили свои мысли, которые хотели донести до людей. Тут стоит отметить, что подобное деление встречается в программе «безначальцев»: текст разделен на условные блоки подобным образом, а они посвящены различным проблематикам. Остановимся на каждом разделе подробнее.

Раздел «Частная собственность» повествует о зарождении неравенства и угнетения людей. Анархистами выделяются следующие этапы:

1) первобытный. В этот период времени формируется и укрепляется неравенство и процесс принуждения. Люди с «большой силой, большой хитростью» накапливали у себя большое количество благ. Отсутствие этих благ у простого народа позволяло вождям принуждать его к работе на вождя и, как следствие, к эксплуатации. Основным критерием этапа является форма зависимости человека;

2) возникновение личной и экономической зависимости. Анархисты пишут о рабстве как проявлении личной зависимости – «зависимость человека от человека выразилась в рабстве; он мог покупать и продавать его». Примером экономической зависимости служит крепостничество, когда за полученный крохотный участок земли надо работать на барина;

3) капиталистический уклад. «Главная форма кабалы – наемный труд. Личность как будто свободна: “Делай что хочешь”, – говорит капитализм, прекрасно знает, что он – капиталист – забрал все богатства» [8, л. 1].

Далее анархисты повторяют тезисы про угнетение и недостойное существование: «Вы живете в лачугах и кровью, добываемые вами улучшения ничтожны в сравнении с ростом капитала». Вслед за Бакуниным анархисты говорят о важности «бунта» в жизни простого народа: «Только благодаря этим бунтам они и спасли себя от вырождения...» [9, с. 103].

Следующий раздел посвящён еще одному вопросу анархизма – проблеме государства, которое представляется как защитник собственников и угнетателей: «По мере роста пропасти меж-

ду классами, по мере учащения бунтов неимущих против имущих богатые находятся в союзе с государством, и в форму “государства” вливается классовое содержание, защита собственности против покушения рабов» [8, л. 1 об.].

Интересен тезис о возникновении государства. Анархисты, как они сами подчеркивают, выделяют лишь одну теорию – военную. В постоянно воюющих обществах появлялись люди «более ловкие, храбрые, организовавшие других» [8, л. 1]. Именно они начали забирать большую часть добычи, приносившей помимо богатства еще и власть: «Они хотят, чтобы к ним обращались, чтобы от них ждали добра и правосудия. Чтобы их боялись и уважали... Словом, образуется группа, желающая быть над обществом» [8, л. 2 об.]. Итог всех этих рассуждений: государство – враг простого народа.

После рассмотрения проблемы государства анархисты переходят к выбору направления в идеологии движения, а именно к вопросу анархо-коммунизма. В коммунизме анархистов привлекала община. Они считали, что именно община дает возможность человеку «трудиться по своим способностям, удовлетворять свои потребности». В общине виден «залог глубочайшего роста личности в гармонии и на пользу общества; человечество бурным творчеством, потоком проявит во всю дивную мощь силу своего гения». В конце раздела анархисты задают вопрос и сразу же на него отвечают – «как дойти до этого момента: нужны же средства, чтобы дойти до цели». На наш взгляд, тезис «трудиться по своим способностям, удовлетворять свои потребности», скорее всего, екатеринодарские анархисты взяли из программы «безначальцев»: рассматриваемый раздел присутствует и у них, только в гораздо меньшем объеме.

В блоке «Средства» анархисты посвящают читателя в то, как будет происходить переход к общине и на кого из общества делается ставка. Главным средством является социальная революция. Для анархистов социальная революция выступает в виде насильственно организованного переворота. В ней анархисты делают ставку на 3 слоя населения: рабочих, босяков и малоземельных крестьян.

Анархисты уточняют, кто и чем должен заниматься в этой борьбе. Так, рабочий «должен вести стачки, причем он должен стараться увеличить ее количественно, т.е. приближая к всеобщей стачке, и качественно ... чтобы организованные рабочие нападали на жизнь и имущество упорствующих капиталистов» [10, л. 23].

Босяки, «помогая рабочим в активной борьбе, должны сами открыто нападать и брать все, что им нужно, помня, однако, что от этого низменного положения рабов их избавит только социальная революция» [10, л. 23].

Малоземельные крестьяне «должны сообща и вооруженно забирать землю, рубить и жечь помещичьи леса, удить рыбу из прудов». Важным элементом борьбы является отказ от уплаты податей и выполнения повинностей.

Все перечисленные выше группы населения столкнутся с противовесом: «С государственной силой, с войском, судом, администрацией» [10, л. 23]. Противопоставить они должны «вооруженный отпор, не только не ходить в буржуазные суды, но и разрушить само здание гнета и насилия, именуемое правосудием. Та же участь должна постигнуть и парламент, и министров без различия, живете вы при самодержавии или республике» [10, л. 23]. Это оправдывается тем, что «насильственная власть капитала насилем держится и насилем охраняется от ваших серьезных попыток улучшить свое положение» [10, л. 23].

Интересно, что региональные особенности Кубани не нашли отражения в данном документе, за исключением ряда языковых особенностей в самом тексте – оглушения части согласных при записи на слух. На наш взгляд, это связано с тем, что анархия как идея претендует на всеобщность и не включает в себя каких-либо региональных компонентов. Помимо этого, анархическое движение было повсеместным, а его участники стремились к единой цели, поэтому указания местной специфики не было.

Заключение

Подводя итог анализу, можно сказать, что рассматриваемая программа полноценно относится к идеям анархо-коммунизма. Общие моменты выделим в вопросах, которые касаются общей теории анархизма. В документе отражена тема борьбы против капитала и государства – так, в во-

просе о методах борьбы екатеринодарские анархисты не отходят от классических принципов анархической идеологии и призывают к насильственному сопротивлению. При сравнении программы с первоисточником идей анархо-коммунизма видна общность взглядов екатеринодарских анархистов с позицией «хлебовольцев»: присутствует насильственная борьба, однако она не относится к прямому насилию, убийствам и т. д.

Интересно то, что можно выделить и характерные отличия. Например, указаны различные слои населения: помимо рабочих, екатеринодарские анархисты делают ставку на малоземельных крестьян и босяков.

Второй особенностью данной политической программы является аргументация. В своих рассуждениях анархисты ссылаются на историческое развитие общества, его саморазвитие они относят к негативному явлению. Формирование общественных институтов системы власти и частной собственности, в контексте истории, привело к закабалению простого народа.

Безусловно, эти тезисы не новы в анархистской среде. Один из основателей анархизма М.А. Бакунин писал о происхождении государства и его роли как защитника эксплуатации [11, с. 242], так же как и пункт «о свободе творческой личности» относится к перу отца анархизма [12, с. 117–118].

Однако подобные рассуждения несвойственны таким документам, что, в свою очередь, делает их интересными для рассмотрения. Отметим еще один важный момент – отсутствие в тексте данной программы ссылки на региональную специфику: в ней не указано, откуда есть эта анархическая группа, не отмечены характерные региональные компоненты, относящиеся к Екатеринодару или Кубани в целом.

Список источников

1. Смирнова В.К. Анархисты на Дону: 1905–1921 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2003. 205 с.
2. Забелин А.В. Политические партии на Северном Кавказе в начале XX века // Актуальные вопросы модернизации российского образования : материалы XXIII Междунар. науч.-практ. конф. М.: Перо, 2015. С. 142–145. EDN: UMDCNJ.
3. Митяев Е.А. Борьба с терроризмом на Кубани в ходе революции 1905–1907 гг. // Общество и право. 2008. № 1 (19). С. 46–50. EDN: OVZFYF.
4. Бакунин М.А. Государственность и анархия. М.: АСТ, 2019. 320 с.
5. Ермаков Е.Д. Анархистское движение в начале XX в. на окраинах Российской империи // Труды ист. фак-та Санкт-Петербургского ун-та. 2010. № 2. С. 333–355.
6. Смирнова В.К. Казачество и анархизм // Вестн. Таганрогского гос. пед. ин-та им. А.П. Чехова. 2012. № 2. С. 162–167. EDN: PEMLZR.
7. Анархисты: документы и материалы 1883–1935 : в 2 т. Т. 1 : 1883–1916. М.: РОССПЭН, 1998. 704 с.
8. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 586. Оп. 1. Ед. хр. 13. Программа о воззвании партии анархистов-коммунистов. 1908 г.
9. Каримов В.А. Классик анархизма (к 190-летию со дня рождения М.А. Бакунина) // Вестн. Тамбовского ун-та. Серия : Гуманит. науки. 2004. № 1 (33). С. 87–104. EDN: NDDTXX.
10. ГАКК. Ф. 586. Оп. 1. Ед. хр. 13. «Ко всем гражданам!».
11. Бакунин М.А. Избр. соч. СПб.; М.: Голос труда, 1919. Т. 2. 296 с.
12. Ударцев С.Ф. Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность. М.: Терра, 1994. 290 с.

References

1. Smirnova V.K. *Anarchists on the Don: 1905-1921*. Dissertation. Rostov-on-Don, 2003. 205 p. (In Russ.).
2. Zabelin A.V. Political parties in the North Caucasus at the beginning of the 20th century. *Current issues of modernization of Russian education*. Materials of the 23rd International Scientific and Practical Conference. Moscow: Feather; 2015:142-145. (In Russ.). EDN: UMDCNJ.
3. Mityaev E.A. The fight against terrorism in the Kuban during the revolution of 1905-1907. *Society and Law*. 2008;(1):46-50. (In Russ.). EDN: OVZFYF.
4. Bakunin M.A. *Statehood and anarchy*. Moscow: AST; 2019. 320 p. (In Russ.).
5. Ermakov E.D. The anarchist movement at the beginning of the 20th century on the outskirts of the Russian Empire. *Proceedings of the Historical Faculty of St. Petersburg University*. 2010;(2):333-355. (In Russ.).

6. Smirnova V.K. Cossacks and anarchism. *Bulletin of the Chekhov Taganrog State Pedagogical Institute*. 2012;(2):162-167. (In Russ.). EDN: PEMPLZR.
7. *Anarchists: documents and materials 1883-1935*: in 2 vols. Vol. 1: 1883-1916. Moscow: Political Encyclopedia; 1998. 704 p. (In Russ.).
8. *State Archives of Krasnodar Region (SAKR)*. Fund 586. In. 1. File 13. Program on the appeal of the party of anarchists-communists. 1908. (In Russ.).
9. Karimov V.A. Classic of anarchism (to the 190th anniversary of the birth of M.A. Bakunin). *Tambov University Review. Series: Humanities*. 2004;(1):87-104. (In Russ.). EDN: NDDTXX.
10. *SAKR*. Fund 586. In. 1. File 13. "To all citizens!". (In Russ.).
11. Bakunin M.A. *Selected works*. St. Petersburg, Moscow: Voice of Labor; 1919, vol. 2. 296 p. (In Russ.).
12. Udartsev S.F. *Political and legal theory of anarchism in Russia: history and modernity*. Moscow: Terra, 1994. 290 p. (In Russ.).

Информация об авторе

В.Ю. Мартыненко – аспирант кафедры истории России, КубГУ; научный сотрудник, КГИИМЗ.

Information about the author

V.Yu. Martynenko – Postgraduate Student, Department of Russian History, KSU; Researcher, FKSHAMR.

Статья поступила в редакцию 10.12.2024; одобрена после рецензирования 12.01.2025; принята к публикации 04.03.2025.
The article was submitted 10.12.2024; approved after reviewing 12.01.2025; accepted for publication 04.03.2025.

Научная статья
УДК 94(47)"13/15"(045)
<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-58-64>

ГЕРОЙ И «ЗЕЛЬЕ» ОТ «МАЛЮТИНОЙ ДОЧИ СКУРЛАТОВОЙ»: ГИБЕЛЬ КНЯЗЯ М.В. СКОПИНА-ШУЙСКОГО В НАРОДНОЙ ПАМЯТИ

Людмила Владимировна Мининкова¹✉, Дарья Геннадьевна Бендер²

¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

² Администрация города Ростова-на-Дону, Ростов-на-Дону, Россия

¹ lvmininkova@sfedu.ru✉

² belozorova1994@mail.ru

Аннотация. Одним из наиболее ярких образов Смутного времени начала XVII в. в русском историческом сознании является князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский, а его смерть относится к значимым сюжетам фольклора. При исследовании изучены народные песни этого периода, рассмотрены разные версии произошедших событий. Судя по тексту народных песен, причиной гибели князя, избавившего Москву от тушинцев, было «зелье», поданное ему во время пира из рук «Малютиной дочи Скурлатовой», Екатерины Шуйской, жены царского брата, князя Дмитрия. Она оказалась в тени князя-героя, в котором видели кандидата на престол, и вполне соответствует популярному в средневековом общественном сознании образу «злой жены», представленному в Священном Писании. Поэтому ее образ также стал местом русской исторической памяти. В настоящее время память об этой «злой жене» не относится к живой, или коммуникативной, но является частью русской культурной памяти и присутствует в фольклоре и исторической литературе.

Ключевые слова: Смута в России начала XVII в., князь М.В. Скопин-Шуйский, царь Василий Шуйский, Екатерина Шуйская, образ «злой жены» в средневековой литературе

Для цитирования: Мининкова Л.В., Бендер Д.Г. Герой и «зелье» от «Малютиной дочи Скурлатовой»: гибель князя М.В. Скопина-Шуйского в народной памяти // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 1. С. 58–64. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-58-64>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE HERO AND THE “POTION” FROM “MALYUTA SKURATOV'S DAUGHTER”: THE DEATH OF PRINCE M.V. SKOPIN-SHUISKY IN PEOPLES MEMORY

Ludmila V. Mininkova¹✉, Daria G. Bender²

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

² Administration of the city of Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Russia

¹ lvmininkova@sfedu.ru✉

² belozorova1994@mail.ru

Abstract. One of the most striking images of the Time of Troubles of the early 17th century in the Russian historical consciousness is Prince Mikhail Vasilyevich Skopin-Shuisky, and his death is one of the significant plots of folklore. We have studied folk songs of this period, revealed the perception of the people and their version of the events that took place. Judging by the text of folk songs, the cause of the death of the prince who saved Moscow from the Tushino people was a “potion” given to him during a feast by “Malyuta Skuratov's daughter”, Ekaterina Shuiskaya, the wife of the tsar's brother, Prince Dmitry. She found herself in the shadow of the hero-prince, who was seen as a candidate for the throne, and is quite consistent with the popular image of the “evil wife” in the medieval public consciousness, presented in the Holy Scripture. Therefore, her image also became a place of Russian historical memory. At present, the memory of this “evil wife” does not

© Мининкова Л.В., Бендер Д.Г., 2025

belong to living or communicative memory, but is part of Russian cultural memory and is present in folklore publications and historical literature.

Keywords: The Time of Troubles in Russia in the early 17th century, Prince M.V. Skopin-Shuisky, Tsar Vasily Shuisky, Ekaterina Shuiskaya, the image of the “evil wife” in medieval literature

For citation: Mininkova L.V., Bender D.G. The Hero and the “Potion” from “Malyuta Skuratov's Daughter”: the Death of Prince M.V. Skopin-Shuisky in Peoples Memory. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2025;(1):58-64. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-58-64>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Проблема исторической памяти за последние несколько десятилетий заняла ведущее место в научных исследованиях. При этом историки опираются нередко на теорию мест памяти, сформулированную в конце XX в. во Франции П. Нора [1, с. 26–28], с постановкой исключительно важной для национальной культуры задачи так называемой инвентаризации мест памяти Франции [1, с. 324–326]. Также при поисках теоретической основы для анализа конкретных проявлений этой памяти используется положение Я. Ассмана о коммуникативной и культурной памяти и их различиях между собой [2, с. 58–59]. Подобная проблематика вызывает большой интерес в современной отечественной исторической науке. Об этом свидетельствует ряд исследований, посвященных памяти о конкретных значимых исторических событиях и исторических личностях, относящихся к разным периодам истории страны, и которые, таким образом, выступают в качестве мест российской исторической памяти [3–8].

Одним из таких значимых мест исторической памяти являются бурные события начала XVII в. и некоторые личности, активно участвовавшие в них. Они нашли свое отражение в памяти народа, которая, в соответствии с классификацией Я. Ассмана, относится к коммуникативной памяти. Я. Ассман определял длительность такой памяти жизнью четырех поколений, когда относившиеся к этим поколениям люди поддерживали ее в виде прямой речевой коммуникации, или устной традиции. Заметно, однако, что память о событиях начала XVII в. в Московском государстве в таком виде сохранялась более долгий срок. По крайней мере, она жила в течение того времени, когда находила свое выражение в фольклоре, который также передавался в виде прямой устной коммуникации. На самом деле датировка позднейших фольклорных записей, относившихся к событиям начала XVII в., приходится на середину XX в. [9, с. 340]. Поэтому коммуникативная память – это живая память, передающаяся от старшего к младшему поколению в виде устной традиции. С прекращением устной коммуникации или с превращением фольклора в культурную традицию в форме его записи, а также сценического или визуального воспроизведения события или монумента живая память уступает место памяти культурной, которая поддерживается искусственно, через разные ее формы, или же сосуществует с ней.

При сравнении коммуникативной памяти о событиях и личностях Смутного времени с культурной памятью заметна избирательность первой, порой неожиданная для историков, носителей культурной памяти в позднейших поколениях. Так, в живой памяти могут не сохраняться исторические сюжеты и образы людей, роль которых в событиях объективно была значительной. В то же время в ней отражаются не только выдающиеся исторические личности, но и лицо, которое, в соответствии с традицией проведения серии научных конференций в ЮФУ (ранее – РГУ) начала XXI в., может быть представлено как «человек второго плана».

В фольклоре не нашлось места «гражданину Минину и князю Пожарскому», которым «благодарная Россия» поставила памятник в 1818 г. Их имена присутствуют в письменных источниках, документальных и нарративных, они сыграли в ходе событий 1611–1612 гг. исключительно значимую роль. При этом народ помнит о личности, сыгравшей в борьбе с Тушинским вором и тушинцами значительную роль, – о князе Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском и о дочери Малюты Скуратова и жене князя Дмитрия Шуйского, брата царя Василия Шуйского, Екатерине, которая была в этих событиях человеком второго плана. Такие неожиданности и причуды живой памяти народа могут быть объяснены особенностями его многовековой культуры, устойчивостью сложившихся в ней образов, обусловленных действиями личности. Это

может быть результатом влияния на народную культуру культуры церковной и книжной, особенно если есть какие-то точки совпадения с бытовой традицией. Конечно, сама Екатерина Шуйская была лицом известным – дочь главного палача опричнины, «злодея Малюты Скурлатовича», яркий фольклорный образ которого был создан народным воображением, сестра царицы Марии Григорьевны, жены Бориса Годунова. Однако в фольклор она попала только в связи с историей гибели главного героя – князя Скопина-Шуйского – и только как человек второго плана.

Характерной чертой фольклора как формы народной культуры выступает особое внимание к событиям, которые выделялись эмоциональным напряжением и несли в себе чувственную нагрузку. К таким событиям могла относиться гибель героя. В песнях о князе Скопине-Шуйском данная тема является приоритетной. Это не случайно. В нем видели не только победителя тушинцев, которых население боялось больше, чем поляков и шведов, но и личность, способную, ввиду своих боевых заслуг и знатности, претендовать на престол после своего дяди, Василия Шуйского. Поэтому в песнях, посвященных князю, заметен явно выраженный трагический оттенок.

Так, в одной из исторических песен, запись которой была издана в 1852 г., речь шла о гибели князя М.В. Скопина-Шуйского. Согласно тексту, при известии об этом событии «расплачутца гости москвичи». Слова «гости москвичи» указывают, что в среде богатого московского купечества, гостей, отмечалась скорбь по поводу гибели князя, ведь на него возлагались определенные надежды. Возможно, в этой среде возник текст песни, которая затем получила распространение и значительно позднее была записана. Русское общество в целом, в том числе, конечно, московские купцы, знало о союзе, заключенном царем Василием Шуйским со шведами против Тушинского вора, и одобряло его, поскольку тушинцы казались более опасными, чем иноземцы, католики поляки и лютеране шведы. Но и даже при существовании такого союза в шведах видели противника. В песне этот сюжет передан очень выразительно: после известия о гибели Скопина «расплачутца свецкие немцы: “Что не стало у нас воеводы Васильевича князя Михаила!”» Шведы тем самым признавали военные заслуги князя в борьбе с общим противником. Но значительно хуже пришлось, как говорилось в песне, жителям Новгорода. В песне князь Скопин-Шуйский выступает защитником не только от тушинцев и воюет с ними в союзе со шведами, но и от союзников-шведов. Поэтому в песне говорится, что после гибели князя «побежали немцы (“свецкие”) в Новгород, и в Новгороде заперлися, и многой мир-народ погубили и в латинскую землю превратили». «Свецкие немцы» в фольклорном произведении оказывались в конечном счете ничуть не лучше тушинцев, с которыми они воевали совместно с русскими силами князя Михаила. Однако при этом к самому князю шведы относились положительно.

В песне косвенно указаны виновники гибели Скопина. Ими были «князи-бояря», «Мстиславской-князь, Воротынской». Их упоминание отражает факт смерти князя после пребывания на крестинах в доме князя И.М. Воротынского, а также роль в последующих событиях князя Ф.И. Мстиславского, ставшего во главе Семибоярщины, и общее негативное отношение народа к боярам. В песне подчеркивается, как радовались «князи-бояря» после гибели Скопина. Они «говорили слово, усмехнулись: “Высоко сокол поднялся и в сыру матеру землю ушибся!”» [9, с. 47–48]. Все содержание песни связано, таким образом, с событиями, к которым имел отношение князь М.В. Скопин-Шуйский.

Несколько более заметны мифологические сюжеты в песне, представленной еще в сборнике Кирши Данилова и записанной в Сибири. В ней выделяются два пласта. Один из них связан с событиями, имевшими место во время гибели князя М.В. Скопина-Шуйского. Другой пласт относится к реалиям присоединения к России земель в Сибири и на Дальнем Востоке, причем в значительно более поздний период, чем Смутное время. Такой пласт мог отложиться только в исторической памяти общества, участвовавшего в движении на восток, в столкновениях с некоторыми местными народами в ходе этого движения, причем в то время, когда с чукчами русские вели настоящую войну. Один пласт в песне причудливым образом соединен с другим. Все это происходило, согласно ее содержанию, тогда, когда «кругом сильна царства Московского» появились враги. Их было много: «Литва облегла со все четыре стороны... И те черкасы пяти-

горские, еще ли калмыки с татарами, со татарами, со башкирцами». Вместе с этими врагами были еще «еще чукши с олоторами». На самом же деле к Смутному времени из перечисленной силы, которое «облегла» Московское государство, имела отношение только Литва. С «башкирцами» война была во второй половине XVII в., когда происходили башкирские восстания. Движение калмыков на Нижнюю Волгу происходило уже после Смуты. Войны с чукотским народом и присоединение Чукотки также происходило после Смуты и растянулось на вторую половину XVII–XVIII вв. [10, с. 12–17]. Поэтому на самом деле упоминание силы, которая «облегла» Московское царство, имеет значение художественного вступления. Оно при этом отражает неполноту знания исполнителей фольклорного произведения об исторической ситуации в последний период царствования Василия Шуйского. Не лучшим образом сложилась, согласно песни, ситуация внутри государства, в котором «нельзя ни пройти, ни проехать ни конному, ни пешему, и не соколом вон вылетети» [9, с. 48–49].

После этого художественного описания бедствий Московского государства автор – исполнитель песни переходит непосредственно к Скопину-Шуйскому. Он давал ему общую характеристику, говорил о его походе к Новгороду и пребывании на праздновании крещения «младого князевича» у князя И.М. Воротынского. Завершается песня тем, что после этого празднования князь Скопин «преставился». Князь в песне представлен в исключительно позитивном свете. Он, по словам этого фольклорного произведения, «обережатель миру крещеному и всей нашей земле святорусския». На борьбу с ее многочисленными и разными врагами он «что ясен сокол вылетывал, как бы белой кречет вон выпархивал». Но особо обращают на себя внимание слова, что он не кто иной, как «правитель царству Московскому» [9, с. 49], что, по существу, в сознании неизвестных авторов и первых исполнителей песни ставило Скопина наравне с царем, поскольку в роли правителя государства в сознании российского народа выступал только царь.

Не только при перечислении вражеской силы, которая «облегла» Московское государство, но и в других частях песни черты исторической реальности сочетаются с исторической мифологией. Так, верно указана просьба русской стороны «ко свицкому королю Карлусу» (королю Карлу IX Ваза) прислать помощь. В песне упомянут посланный от короля «Фунтосов», или Яков Пунтусов – по русским источникам, которым был шведский полководец Якоб Делагарди. Но «Фунтосов» назван в песне Митрофаном. Песня содержит еще одно важное указание: князь Скопин воспринимался наравне с царем. Письмо шведскому королю писал будто бы он, причем оно было направлено им королю как к «любимому брату названому» [9, с. 49]. Между тем назвать монарха другого государства братом мог только монарх. Благодаря помощи короля и своим силам, взяв «знаменье царские» с девизом «Чуден Спас со Пречистою», Скопин победил противников. В песне говорится о радости в Москве по этому случаю и сообщаются подробности празднования: «служили обедни с молебнами и кругом города ходили в каменной Москве». Радость избавления от опасности вызывает сильные эмоции, врезается в память и способна стать сюжетной линией фольклорного произведения. Праздник в Москве сопровождался «пиром», на котором славил «Скопина князя Михайла Васильевича», и ему будто бы с этого времени «велику славу до веку поют» [9, с. 50].

После этого общего сюжета в песне появляется более частный сюжет, непосредственно относящийся к обстоятельствам гибели князя. Речь шла о пире в доме князя Воротынского, когда при крещении княжеского сына князь Скопин стал кумом, а кумой – жена царского брата, Дмитрия Шуйского, Екатерина Григорьевна, дочь Малюты. Сразу же после этого пира, согласно песне, Скопин «преставился». Эта часть сюжета может быть признана достоверной. Но немалая часть информации о пире в доме князя Воротынского носит черты художественного вымысла.

Тем более что тема пира распространена в русском фольклоре, начиная со времени былин киевского цикла. В песне пиروвавшие «расхвастались» и стали говорить разные речи, причем речи персонажей также являются распространенным элементом русского фольклора. О Скопине сказано, что он на пиру только «одно пиво пил и сладкой мед». Как и другие, он тоже «похваляется», причем «не с большого хмеля», и сильно, как подчеркивается в песне, пьян не был. Характерны в этой связи слова, которые произнес при этом князь. Он мог «похвалиться», по словам песни, тем, что «очистил царство Московское и велико государство Российское». И за это ему все, «от старого до малого», «славу поют до веку». Эти слова соответствовали пред-

ставлениям сказителей о выдающихся заслугах князя. Затем в песне проходит тема заговора против Скопина со стороны бояр, которые ему «в стакан, в меды сладкие» «поддержали зелья лютого». Подан князю этот «стакан» был от «Малютиной дочи Скурлатовой», знавшей, что подавала Скопину «зелье» [9, с. 51]. После этого «к вечеру» князь «преставился» [9, с. 52]. Таким образом, в песне прямо обвинялись в гибели Скопина бояре и жена Дмитрия Шуйского. При этом в народном сознании образы бояр носили, как правило, негативный оттенок, их определяли как «лихих бояр». Еще более негативным и мрачным был образ Малюты Скуратова, который в фольклоре именуется как «злодей». А от дочери Малюты могло происходить всякое злодеяние. Образ ее отвечал образу из Книги премудрости Иисуса, сына Сирахова, где упоминалась «злая жена» и говорилось, что «берущий ее – то же, что хватающий скорпиона» (Сир. 26:9), образу из «Слова о злых женах» Иоанна Златоуста [11, с. 160–170]. Образ такой злодейки имел место в русской средневековой литературе и в массовом сознании народа. О «злой жене» писал еще Даниил Заточник [12, с. 321–322]. Екатерина Шуйская вполне соответствовала образу злой жены.

Более определенно тема убийства князя Скопина-Шуйского боярами при участии жены князя Дмитрия Шуйского и дочери Малюты прослеживается в песне, записанной в самом конце XIX в. на побережье Белого моря. В ней «бояре то зло подумали ... насыпали в стакан ёму (Скопину. – Л.М., Д.Б.) зелья лютого». Это зелье «подносила кума ему вся крестовая» – Екатерина Шуйская. В песне уже умирающий князь все понял и говорил ей: «Опоила меня ты да зельём лютым, ты злодейка-кума, да ты змея лютая, змея лютая ты, да доць Малютина, доць Малютина ты, да все Скурлатова!» В этой песне Скопин умер не сразу после отравления. Он еще успел зайти «к родной матушке» и «к молодой жене» и «всемирно во своих грехах всим он каялся». Грехи же его состояли, судя по тексту, в том, что он не послушался «родной матушки». Она говорила будто бы князю: на крестинах «ты не пей-ко-се у них да зёлена вина, ты не кушай-ко у них всё ясвы сахарныя» [9, с. 54–55]. Несомненно, такие подробности невозможно считать достоверными. В них нашла яркое проявление народная фантазия. Однако это была фантазия, основанная на знании прошлого, событий опричного времени и домостроевских традиций русской семейной жизни, в основе которых лежало послушание детей. Причем не имело значения в данном случае, что сын подавался в народной памяти как спаситель Московского государства.

Фантазия народного автора еще более заметна в песне, записанной в 1939 г. в Карелии: уже выпивший «стакан ... с ядом крепким» Скопин говорил Екатерине: «Эх, сука ты, дочь Малютина, ай ты съела меня, змея подколодная!» После этого он «хватил ... саблю вострую» и «отрубил ... ей буйну голову», затем «пошел к своей матушке» и лишь после этого «преставился» [9, с. 57–58]. Вообще тема гибели М.В. Скопина-Шуйского, роли в ней бояр и «злой жены» Екатерины Шуйской содержится в целом ряде фольклорных произведений.

Вследствие внутренней логики развития фольклорного сюжета и особенностей русской исторической памяти тема пира вызывает образы князя Владимира и былинных богатырей. В одной из былин, записанных в 1929 г. на Печоре, в типичный для русской былины сюжет киевского времени, упоминавший богатыря «Добрыньку Микитиця», проникает сюжет из истории Смутного времени в Московской Руси с участием князя М.В. Скопина-Шуйского. Согласно былине, князь Владимир приглашал Скопина-Шуйского на пир, а с приглашением посылал к нему Добрыню. В былине также имеется образ «злой жены», как и в песнях, посвященных Скопину. Это, однако, не дочь Малюты и жена Дмитрия Шуйского Екатерина, но некая Искудра. Она также наливает Скопину «зелья лютого ... само-змеинового». Однако о соучастии ее в заговоре против Скопина вместе с боярами речи нет. Говорится только, что ей не понравились речи Скопина на пиру, когда он говорил, что он «у Искудры на коленях сиживал, уста те ее право целовал, а ще белы груди в белых руках держивал». Скопин будто бы знал, что это смертельное зелье, тогда как в других песнях он не подозревал о яде, который ему подавала Екатерина. Поэтому Скопин говорил князю Владимиру: «А ще не пить мне-ка цяры (чарки. – Л.М., Д.Б.) – виновату быть, а ще как выпить мне цяру – живому не быть». Он поэтому принимает решение выпить «цяру» с «зельем» и вскоре погибает. Заметно по сравнению с песнями о Скопине-Шуйском отсутствие упоминания о спасении им Московского государства и о победе над

врагами. Но в былинне все это как бы подразумевается. Неслучайно князь Скопин введен в пантеон былинных богатырей киевского цикла, поставлен рядом с прославленным Добрыней и присутствует на пиру князя Владимира [9, с. 60–62].

Таким образом, в фольклорных произведениях, упоминающих князя М.В. Скопина-Шуйского, заметны образы двух героев. Один из них, несомненно, сам князь, который подан как воин-освободитель и спаситель Московского государства, в некоторой степени как лицо, осуществлявшее функции правителя страны и заключавшее договор со шведским королем. В более поздних произведениях он поставлен в ряд с такими популярными героями русских былин киевского цикла, как Добрыня Никитич и другие богатыри. Другой яркий фольклорный образ песенного и былинного цикла о князе Скопине-Шуйском – это дочь Малюты Екатерина Шуйская. Она дала русской средневековой народной поэзии еще один убедительный образ «злой жены», утвердившийся в отечественной литературе еще со времени Даниила Заточника. Оба образа тесно связаны между собой. По существу, смысл этой связи в том, что боярские козни, осуществленные при активном участии дочери опричного палача Малюты, привели к гибели князя, который мог по праву и по своим заслугам занять российский царский престол. Образы князя М.В. Скопина-Шуйского и Екатерины Шуйской стали уже со времени Смуты местами памяти русского общества и прочно сохранялись в памяти народа, как это видно из датировки фольклорных записей в российской истории советского периода.

Список источников

1. Франция-память / П. Нора [и др.]; пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 328 с.
2. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: ЯСК, 2004. 368 с.
3. Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: Академкнига, 2003. 592 с.
4. Велижев М., Лавринович М. «Сусанинский миф» и становление канона // Новое литературное обозрение. 2003. № 63. С. 186–204.
5. Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX в. Самара: Книга, 2011. 435 с.
6. Сосницкий Д.А. Историческая память о допетровской Руси в России второй половины XIX – начала XXI в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015. 24 с.
7. События в истории, памяти и нарративах идентичности / под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2017. 400 с.
8. Новолодский А.С. Войны времени Ивана Грозного в русской исторической памяти второй половины XVI – начала XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2020. 30 с.
9. Исторические песни XVII века / изд. подгот. О. Б. Алексеева [и др.]. М.; Л.: Наука, 1966. 386 с.
10. Зуев А.С. Присоединение крайнего Северо-Востока Сибири к России: военно-политический аспект : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2005. 23 с.
11. Русские народные картинки / собрал и описал Д. Ровинский. Кн. 3 : Притчи и листы духовные. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1881. 751 с.
12. Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XIII–XIV вв.). М.: Аспект Пресс, 2000. 389 с.

References

1. Nora P. et al. *France-memory*. St. Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg State University; 1999. 328 p. (In Russ.).
2. Assman Ya. *Cultural memory: writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity*. Moscow: Languages of Slavic culture; 2004. 368 p. (In Russ.).
3. Shnirelman V.A. *Memory wars: myths, identity and politics in Transcaucasia*. Moscow: Academic Book; 2003. 592 p. (In Russ.).
4. Velizhev M., Lavrinovich M. The “Susaninsky Myth” and the formation of the canon. *New Literary Review*. 2003;(63):186-204. (In Russ.).
5. Leontieva O.B. *Historical memory and images of the past in Russian culture of the 19th - early 20th century*. Samara: Book; 2011. 435 p. (In Russ.).

6. Sosnitsky D.A. *Historical memory of pre-Petrine Russia in Russia in the second half of the 19th - early 21st century*. Dissertation Abstract. St. Petersburg, 2015. 24 p. (In Russ.).
7. Repina L.P., ed. *Events in history, memory and narratives of identity*. Moscow: Aquilon; 2017. 400 p. (In Russ.).
8. Novolodsky A.S. *The wars of the Ivan the Terrible's in the Russian historical memory of the second half of the 16th - early 20th century*. Dissertation Abstract. Rostov-on-Don, 2020. 30 p. (In Russ.).
9. Alekseeva O. B. et al., comp. *Historical songs of the 18th century*. Moscow; St. Petersburg: Science; 1966. 386 p. (In Russ.).
10. Zuev A.S. *Annexation of the extreme north-east of Siberia to Russia: military-political aspect*. Dissertation Abstract. Tomsk, 2005. 23 p. (In Russ.).
11. Rovinsky D., comp. *Russian folk pictures. Book 3: Parables and spiritual places*. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences; 1881. 751 p. (In Russ.).
12. Danilevsky I.N. *Russian lands through the eyes of contemporaries and descendants (13th-14th centuries)*. Moscow: Aspect Press; 2000. 389 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Л.В. Мининкова – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Средних веков и Нового времени Института истории и международных отношений.

Д.Г. Бендер – начальник отдела развития социальной сферы.

Information about the authors

L.V. Mininkova – Doctor of Science (History), Professor of the Department of National History of the Middle Ages and Modern Times, Institute of History and International Relations.

D.G. Bender – Head of the Social Sphere Development Department.

Статья поступила в редакцию 24.01.2025; одобрена после рецензирования 07.02.2025; принята к публикации 04.03.2025.
The article was submitted 24.01.2025; approved after reviewing 07.02.2025; accepted for publication 04.03.2025.

Научная статья
УДК 07; 93:93/94
<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-65-70>

АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРАСНОЙ АРМИИ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ 1920-х ГОДОВ (НА ПРИМЕРЕ КУБАНО-ЧЕРНОМОРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Ангелина Владимировна Сароглиди
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
anvel483@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается агитационно-пропагандистская деятельность Красной армии в Кубано-Черноморской области в 1920-х гг. Отмечается нестабильность власти в эти хронологические рамки. Одним из ключевых инструментов пропаганды стала пресса, которая играла важнейшую роль в формировании мировоззрения населения и поддержке советской власти. По мнению автора, Гражданская война, разделившая общество на красных и белых, существенно повлияла на распространение советских идей. Газеты, такие как «Кавказская коммуна», «Красное знамя» и «Красная Кубань», использовались как мощный инструмент для укрепления большевистской идеологии и дискредитации противников в условиях нестабильной обстановки на юге страны. Статьи, лозунги, заголовки и оперативная сводка в периодической печати формировали положительное отношение к советской власти, притом положение противников преднамеренно и значительно снижалось. В периодической печати также упоминались массовые мероприятия, в том числе недели и субботники, которые способствовали вовлечению населения в общественно-политическую жизнь. В целом выявлена успешность пропагандистской деятельности большевиков, сыгравшей значительную роль в укреплении советской власти на Кубани.

Ключевые слова: Красная армия, Гражданская война, агитационно-пропагандистская деятельность, периодическая печать, Кубано-Черноморская область, советская идеология, послереволюционный период, информационная политика, военные действия

Для цитирования: Сароглиди А. В. Агитационно-пропагандистская деятельность Красной армии в периодической печати 1920-х годов (на примере Кубано-Черноморской области) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 1. С. 65–70. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-65-70>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

AGITATION AND PROPAGANDA ACTIVITIES OF THE RED ARMY IN THE PERIODICAL PRESS IN THE 1920s (BASED ON THE EXAMPLE OF THE KUBAN-BLACK SEA REGION)

Angelina V. Saroglidi
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
anvel483@yandex.ru

Abstract. The article examines the propaganda and agitation activities of the Red Army in the Kuban-Black Sea region in the 1920s. The instability of power in the considered chronological framework is noted. One of the key propaganda tools was the press, which played a crucial role in shaping the worldview of the population and supporting the Soviet government. According to the author, the Civil War, which divided society into the Reds and the Whites, significantly influenced the dissemination of Soviet ideas. Newspapers such as “Caucasian Commune”, “Red Banner”, and “Red Kuban” were used as a powerful tool to strengthen Bolshevik ideology and discredit opponents in the unstable situation in the south of the country. Articles, slogans, headlines, and operational reports in the periodical press formed a positive attitude to-

ward the Soviet government, while the position of opponents was deliberately and significantly reduced. The periodical press also mentioned mass events such as weeks and Saturday clean-ups, which contributed to the involvement of the population in social and political life. In general, the success of the Bolsheviks' propaganda activities was revealed, which played a significant role in strengthening Soviet power in Kuban.

Keywords: The Red Army, Civil War, agitation and propaganda activities, periodical press, Kuban-Black Sea Region, Soviet ideology, post-revolutionary period, information policy, military actions

For citation: Saroglydi A. V. Agitation and Propaganda Activities of the Red Army in the Periodical Press in the 1920s (Based on the Example of the Kuban-Black Sea Region). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2025;(1):65-70. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-65-70>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Октябрьская революция 1917 г., радикально изменившая ход истории России в XX в., оказалась во многом непонятной для широких слоев населения. Люди, не видя существенной разницы между большевиками и другими революционными движениями, задавались вопросом: что же будет дальше?

Гражданская война на Кубани была столь же суровой и кровавой, как и по всей стране. Однако положение на вышеуказанной территории осложнялось тем, что классовая борьба между богатыми и бедными дополнялась противостоянием между казаками и иногородними, а также черноморцами и линейцами. Отец воевал против сына, брат против брата, казак против казака...

Формирование населения Кубани во второй половине XIX – начале XX в. представляло не просто естественный прирост его численности, а сложный, крайне противоречивый процесс взаимодействия местного населения и мощных миграционных и эмиграционных потоков. Происходило заселение и освоение территории Кубани выходцами из Воронежской, Харьковской, Полтавской, Курской, Екатеринославской, Черниговской и Орловской губерний [1, с. 31].

После прихода большевиков к власти продолжался процесс ликвидации прежних государственных институтов. Одновременно шло создание новой советской системы управления. Одним из ключевых факторов становления этой государственной структуры стала необходимость завоевания массовой поддержки. Важнейшую роль в этом играла идеологическая работа. Для её реализации использовались разнообразные эффективные методы и инструменты, направленные на распространение в народе идеологических концептов и установок. Эти идеи должны были стать своеобразной призмой, через которую люди воспринимали окружающую действительность [2].

Поход белых на Кубань оказался безуспешным. Чрезвычайным комиссаром Юга России советская власть назначила Г.К. Орджоникидзе. Именно он выдвинул инициативу о создании Кубано-Черноморской советской республики как составной части России. Датой образования Кубано-Черноморской области стало 29 марта 1920 г. [3].

Власть на Кубани была нестабильной как у белых, так и у красных. Оба лагеря активно занимались поисками своих противников. Отношение к власти быстро менялось – от восторженной поддержки до открытой враждебности. По этой причине, помимо военных действий на Кубани, существовал и гражданский фронт – фронт борьбы за умы и сердца населения, привлечение союзников и доверие народа к власти. Длительные военные действия на юге страны, в частности Кубано-Черноморской области, требовали от большевиков максимально активной агитационно-пропагандистской работы.

Формирование советской системы СМИ на Кубани началось весной 1920 г., после того как 9-я советская армия вытеснила белогвардейцев из Екатеринодара. 18 марта в Кубанской области была введена Конституция РСФСР, а власть перешла к Временному Кубанскому исполнительному комитету, в состав которого вошли опытные большевики: Аким Лиманский (бывший печатник и член Екатеринодарского комитета партии), Сергей Евменьев (перешедший от эсеров к большевикам) и Владимир Черный (активный участник революции и подпольной работы).

19 марта новая власть начала укреплять свои позиции: ликвидировала деникинские органы управления, освободила пленных, национализировала предприятия и уволила старых чиновников. Одновременно развернулась пропагандистская работа, включая агитпоезда «Красный казак» и «Октябрьская революция», которые проводили митинги, распространяли литературу и показывали фильмы.

Важным шагом стало создание красной печати. Первое издание большевиков – газета «Красная Кубань», которая выходила с 21 марта 1920 г. как орган Временного Кубанского исполнительного комитета, а позже – Кубанского ревкома и парткома. Редакторами были П.Н. Крючков и П. Шепдель. Газета играла ключевую роль в пропаганде новой власти и существовала до 1929 г.

Первый номер газеты «Красная Кубань» вышел в свет в воскресенье, 21 марта 1920 г. Помимо традиционного лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», в шапке газеты было помещено следующее приветствие: «Пролетариат и трудовое население города горячо приветствует Красную армию, освободившую Екатеринодар от ига белогвардейской власти. Да здравствует Советская власть! Да здравствует 3-й Интернационал!».

Стоит отметить, что идеологически направленных газет было множество, и они выпускались в большом количестве. К ним относятся «Красная Кубань», «Куб-Чер-Роста», «Кавказская коммуна», «Красное знамя», «Заря Красного Черноморья», «Кубанский край», «Кубанский телеграф», «Советская Кубань», «Прикубанская правда» и др.

Таким образом, центральное место в этом процессе занимала пресса как наиболее доступный источник информации. Она активно способствовала формированию мировоззренческих установок и взглядов.

Взаимодействие органов государственной пропаганды и средств массовой информации с идеологической системой изучено в трудах Е.А. Блажко, Я.Н. Засурского, С.В. Цукасова, В.П. Прохорова, Б.Б. Уфимова и др. Комплексный анализ формирования партийно-государственной системы управления в первые годы существования советской власти подчёркивает важность обеспечения населения социальной информацией. Это способствовало интенсификации социально-экономических процессов, вовлечению трудящихся в управление, развитию местного самоуправления и объединению жителей в единую социальную и территориальную общность [2].

Газета имеет исключительное значение, как первоначальная ячейка, вокруг которой зарождалось мощное движение [4, л. 1].

Так, средства массовой информации Кубано-Черноморской области активно транслировали идею поражения белогвардейцев и победы Красной армии: «Доблестная красная конница захватила узловую станцию. Банды барона в панике отступают. Доблестная конница и геройская красная пехота истребляют остатки южных белогвардейцев. Не допускайте белым бандам бежать и погрузиться на пароходы! Смерть хищной погромной орде Врангеля!» [5, с. 1].

Газета «Кавказская коммуна» наиболее часто публиковала статьи, посвященные агитационно-пропагандистской военной тематике: «Кто должен быть в Советах? Советская власть это есть одна из самых идеальнейших форм диктатуры пролетариата, где больше всего и шире всего осуществляются все запросы жизни крестьянина и рабочего. Уже одно слово Совет рабочих и крестьянских депутатов доказывает, что в советах должны быть исключительно рабочие и крестьяне. Наша партия мозолистых рук, партия рабочих и трудового крестьянства широко идет навстречу и при выборах в советы всегда дает своих испытанных товарищей, на которых смело рабочий и крестьянин может положиться» [6].

Также военной сводкой пестрила и газета «Красное знамя», что являлось огромным преимуществом для поднятия авторитета советской власти. Оперативная сводка 9-й армии: «Конец южной контрреволюции! Мирные переговоры с Кубанской радой окончены. Предложенные нашим командованием условия сдачи войск противника приняты. Сдается 60-тысячная армия со всем имуществом, оружием, штабами, генералитетом во главе с генералом Морозовым» [7, с. 1].

Помимо этого, хотелось бы упомянуть советскую газету «Красная Кубань»: «Братья кубанцы, казаки, горцы и иногородние! Кровавая бессчетная борьба с Советской Россией, затеянная

из честолюбия и жадности царским генералом Деникиным, вовлекшим в нее и трудовое население Кубани – приблизилась к концу. Ваши избранники: войсковой атаман, рада и правительство, не вняв голосу трудового населения о прекращении никому не нужной, бесцельной, в конце разорившей край гражданской войны, поддавшись лжи и наглой клевете деникинских людей, о творимых якобы кровавых расправах над мирным населением советской властью, уныло бродят в горах Закубанья, тщетно пытаясь найти поддержку и оправдания своей преступной политики в лице разоренного, обездоленного и всеми покинутого населения Кубани» [5, с. 1].

Немаловажную роль играли и так называемые стенные газеты, так как они не требовали сложного оборудования или колоссальных затрат, что позволяло охватывать широкие слои населения. Одна из них – «Куб-Чер-Роста» (Кубано-Черноморского отделения Российского телеграфного агентства). «Погиб еще назойливый враг Советской России и Советской Украины. Последние остатки банд Петлюры, разгромленные красными войсками, отброшены за границу, где разоружены. Так погиб Петлюра – наймит буржуазии и бандит, продавший свои шайки по очереди Германии, Франции и Польше. Крайне тяжело положение и погромщика Балаховича. Балахович завяз в болотах Полесья, окруженный железным кольцом Красных войск. Герои Западного фронта должны не выпускать из стального кольца банды Балаховича. Все белогвардейцы должны погибнуть в болотах!» [8].

В другой стенной газете – «Советская Кубань» – читатель выясняет, что «Врангель пробует поднять восстание на Кубани. Он высаживает там три десанта. Но там его ждет неудача. Легкая ликвидация этих десантов ясно показывает, что рухнула надежда барона и окружающей его контрреволюции – поднять за собой казачество. Неудача десантов должна подорвать у врангелевцев последнюю надежду на успех их предприятия» [9].

К массовым агитационным мероприятиям большевики относили так называемые недели – массовые мероприятия коммунистической направленности, имеющие ряд подготовительных мер, таких как письменная, устная или наглядная агитация для привлечения населения.

На Кубани и Дону в 1920-х гг. самыми значимыми среди проходивших агитационно-пропагандистских кампаний считались следующие: Партийная неделя, Ленинская неделя, Неделя хлебороба, Неделя больного и раненого красноармейца, Неделя профессионального движения, Неделя крестьянина и трудового казака, Неделя красного пахаря, Неделя женщины-работницы, Неделя добровольной явки дезертиров, Неделя добровольной явки трудовых дезертиров. Наиболее продолжительной в 1920 г. была неделя, посвященная войне с бароном Врангелем [10, с. 7].

Так, Неделя Врангелевского фронта сопровождалась статьями в печатных изданиях: «Хитрая и злая рука немецкого барона Врангеля раскинула сети на Кубань, начала образовывать бело-зеленые шайки. Трудовые казаки, крестьяне и горцы, гоните от себя врангелевских агентов! Да здравствует одна трудовая семья рабочих, казаков и крестьян!» [4, л. 14].

К Неделе борьбы с Врангелем также большевики подготовили следующие листовки: «Бело-зеленые банды своими налетами мешают наладить хозяйство Кубани. Борьба с бандитами должна стать делом всех трудящихся» [11].

Неделя борьбы с Врангелем прошла очень успешно, она показала следующее: во-первых, крестьяне встали на сторону советской власти; во-вторых, рабочие и часть интеллигенции преданы делу революции.

Стоит отметить, что субботники также являлись одним из важнейших массовых мероприятий коммунистической направленности. В начале апреля 1920 г. в Екатеринодаре прошли первые традиционные выходы на массовую уборку [12, с. 3]. Информацию о них читатели могли найти в периодической печати.

Так, всекубанский субботник был организован 10 мая 1920 г. с призывом: «Трудящиеся Кубани! За топор и лопату, чтобы коммунистическим трудом залечить кровавые раны гражданской войны» [12, с. 3]. Заметим, что даже такие мероприятия не обходились без упоминания печальных событий Гражданской войны и победы красных.

Помимо военной обстановки на Кубани, периодическая печать предоставляла массу информации и о других регионах, таких как Дон, Крым и т.д. Так, в стенной газете «Заря Красного Черноморья» читатель узнает, что поднявший в Крыму восстание против главарей добармии

капитан Орлов погиб. Его отряд ушел в горы и был настигнут на южных склонах Чатырдаха. Орлов убит во время перестрелки [11].

Приговором Севастопольского военного морского суда генерал Сидорин и генерал Кельчевский осуждены на 4 года каторги, лишены чинов и орденов. Генерал Сидорин обвинялся в том, что в бытность командиром Донского корпуса допустил в издававшейся в Евпатории газете «Донской вестник» ряд статей, натравливающих казаков на неказачьи части и население. Кельчевский привлекался как начальник штаба того же корпуса [11].

В стенной газете «Куб-Чер-Роста» читатель узнает о подробностях эвакуации Крыма. Так, «эвакуация Феодосии производилась Врангелем крайне беспорядочно. Остались целые войсковые части. Громадные склады остались открытыми. Председатель морской трофейной комиссии, захватив в Феодосии пароход с ценным грузом, обошел на нем побережье Крыма от Керчи до Севастополя. Это был первый пароход, совершивший рейс по Черному морю под красным флагом» [13].

Также в газетах читатель может обнаружить статьи, посвященные результатам Областного съезда Советов. По предложению товарища Полуяна, 5-й съезд Советов почтил память всех погибших борцов за советскую власть на Кубани, первых командиров красногвардейских отрядов на Кубани товарищей Яковлева и Перова и всех славных борцов 11-й Северо-Кавказской армии [12].

«Свободный русский народ имеет сам устраивать свою жизнь по собственному произволению. Тем более имеют право сам русский и украинский народ устраивать свою участь и свою жизнь так, как ему нравится, и вы все обязаны, по долгу совести, работать на пользу свободы и славы своей родной матери России» [11].

Таким образом, кубанские большевики использовали различные средства пропаганды и агитации для достижения своих целей. Пресса, включая стенные газеты, стала одним из главных инструментов большевистской пропаганды. Она была доступна широким слоям населения, даже в условиях низкой грамотности и отсутствия развитой инфраструктуры. Газеты, такие как «Куб-Чер-Роста», «Кавказская коммуна», «Красное знамя» и «Красная Кубань», активно использовались для формирования положительного образа Красной армии и дискредитации противников – белогвардейцев, Петлюры, Балаховича, Врангеля.

Периодическая печать сыграла ключевую роль в распространении идей большевизма. Она не только информировала население о текущих событиях, но и формировала его мировоззрение, внушая мысль о неизбежности победы советской власти. Газеты стали важным средством мобилизации и идеологического воспитания.

Деятельность большевиков на Кубани в 1920-х гг. – важный этап в становлении советской власти. Их успех в идеологической борьбе и пропаганде во многом предопределил исход Гражданской войны и дальнейшее развитие региона в составе СССР.

Список источников

1. Почешков Н. А. Гражданская война на Кубани (1917–1920 гг.): к вопросу о влиянии Кавказской войны (XIX в.) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2003. Приложение № 11. С. 28–35. EDN: HRMRQP.
2. Сароглиди А. В. Агитационно-пропагандистская деятельность Рабоче-крестьянской Красной армии в Донской области в 1920-е годы и изменение уклада жизни молодежи // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2017. № 2. С. 71–75. EDN: YZVRHH.
3. Апостолов Л. Я. Кубано-Черноморский край: краткий очерк его современного состояния. Краснодар: Культура, 1924. 54 с.
4. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72.
5. Красная Кубань. 1920. № 12.
6. Кавказская коммуна. 1920. № 5.
7. Красное знамя. 1921. № 226.
8. Куб-Чер-Роста. 1920. № 189.
9. Советская Кубань. 1920. № 119.
10. Городецкий Б.М. Периодика Кубанско-Черноморского края. Краснодар: Традиция, 2010. 140 с.
11. Заря Красного Черноморья. 1920. № 4.

12. Кубанский телеграф. 1921. № 4.
13. Куб-Чер-Роста. 1920. № 205.

References

1. Pocheshkov N.A. The Civil War in Kuban (1917-1920): on the influence of the Caucasian War (19th Century). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2003;(S11):28-35. (In Russ.). EDN: HRMRQP.
2. Saroglydi A.V. Agitation and propaganda activities of the Workers' and Peasants' Red Army in the Don Region in the 1920s and the change in the lifestyle of youth. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2017;(2):71-75. (In Russ.). EDN: YZBPHH.
3. Apostolov L.Ya. *Kuban-Black Sea Region: a brief overview of its current state*. Krasnodar: Culture; 1924. 54 p. (In Russ.).
4. *Center for Documentation of the Modern History of Krasnodar Region (CDMHKR)*. Fund 1. In. 1. File 72. (In Russ.).
5. *Red Kuban*. 1920;(12). (In Russ.).
6. *Caucasian Commune*. 1920;(5). (In Russ.).
7. *Red Banner*. 1921;(226). (In Russ.).
8. *Kub-Cher-Rosta*. 1920;(189). (In Russ.).
9. *Soviet Kuban*. 1920;(119). (In Russ.).
10. Gorodetsky B.M. *Periodicals of the Kuban-Black Sea Region*. Krasnodar: Tradition; 2010. 140 p. (In Russ.).
11. *Dawn of the Red Black Sea*. 1920;(4). (In Russ.).
12. *Kuban Telegraph*. 1921;(4). (In Russ.).
13. *Kub-Cher-Rosta*. 1920;(205). (In Russ.).

Информация об авторе

A. V. Saroglydi – соискатель кафедры отечественной истории Института истории и международных отношений.

Information about the author

A. V. Saroglydi – Competitor, Department of National History, Institute of History and International Relations.

Статья поступила в редакцию 17.02.2025; одобрена после рецензирования 22.02.2025; принята к публикации 04.03.2025.
The article was submitted 17.02.2025; approved after reviewing 22.02.2025; accepted for publication 04.03.2025.

Научная статья
УДК 94 (410:930):100
<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-71-78>

АНГЛИЧАНЕ «ЗА МОРЯМИ». БРИТАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В БОЛЬШОМ НАРРАТИВЕ ИСТОРИКОВ АНГЛИИ XIX ВЕКА: ИМПЕРСКАЯ МОДЕЛЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ РЕФЛЕКСИИ

Тамара Анатольевна Сидорова

Сочинский институт (филиал) Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Сочи, Россия
tasidorova-05@mail.ru

Аннотация. Анализируется имперская версия истории Британской империи в интеллектуальной рефлексии известных историков Великобритании XIX в. – Дж. Э. Фруда, Дж. Р. Сили, Ч. В. Дилка, основанная на концепции англосаксонской исключительности и расового превосходства англичан. Раскрыты существенные характеристики имперской модели Greater Britain. В научный оборот введен значительный массив оригинальных текстов английских имперских историков с сохранением лексики политического гегемонизма и расового англосаксонизма. С целью концептуализации образа Британской империи впервые в российской историографии предпринята попытка представить шесть базовых трудов (девять томов) британских имперских историков, составляющих источниковую базу данного исследования, в формате одного большого исторического нарратива, объединенного общностью цели, методов конструирования и репрезентации истории Великобритании колониальной эпохи. При этом использованы методы реконструкции и текстуального анализа.

Ключевые слова: Британская империя, имперская историография Англии, большой исторический нарратив, имперская модель интеллектуальной рефлексии

Для цитирования: Сидорова Т.А. Англичане «за морями». Британская империя в большом нарративе историков Англии XIX века: имперская модель интеллектуальной рефлексии // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 1. С. 71–78. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-71-78>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE ENGLISH “BEYOND THE SEAS”. BRITISH EMPIRE IN THE GREAT NARRATIVE OF HISTORIANS OF ENGLAND IN THE 19th CENTURY: IMPERIAL MODEL OF INTELLECTUAL REFLECTION

Tamara A. Sidorova

Sochi Institute (branch) of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Sochi, Russia
tasidorova-05@mail.ru

Abstract. The article analyzes the imperial version of the history of the British Empire in the intellectual reflection of famous historians of Great Britain of the 19th century - J.A. Froude, J.R. Seeley, C.W. Dilke, based on the concept of Anglo-Saxon exceptionalism and racial superiority of the English. The essential characteristics of the imperial model of Greater Britain are revealed. A significant array of original texts of English imperial historians is introduced into scientific circulation with the preservation of the vocabulary of political hegemony and racial Anglo-Saxonism. In order to conceptualize the image of the British Empire, for the first time in Russian historiography, an attempt was made to present six basic works (nine volumes) of British imperial historians, which form the source base of this study, in the format of one great historical narrative, united by a common goal, methods of constructing and representing the history of Great Britain in the colonial era. In this case, the methods of reconstruction and textual analysis were used.

© Сидорова Т.А., 2025

Keywords: British Empire, imperial historiography of England, great historical narrative, imperial model of intellectual reflection

For citation: Sidorova T.A. The English “Beyond the Seas”. British Empire in the Great Narrative of Historians of England in the 19th Century: Imperial Model of Intellectual Reflection. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2025;(1):71-78. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-71-78>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

С начала XVII в. жизнь миллионов англичан (англосаксов, ирландцев, шотландцев, валлийцев) протекала вдали от исторической островной родины, «за морями», в новых геополитических, социально-экономических, климатических и этнографических условиях Британской империи, имевшей колонии практически во всех частях света. Это был новый мир – Рах Britannica, освоенный и обустроенный англичанами в интересах собственного развития и процветания. Он нашел отражение в британской историографии имперского направления, представители которой выступали апологетами Британской империи и колониальной политики метрополии.

Крупные имперские историки Великобритании XIX в. – Дж. Э. Фруд (J. A. Froude, 1818–1894), Дж. Р. Сили (Sir J. R. Seeley, 1834–1895), Ч. В. Дилк (Sir C. W. Dilke, 1843–1911) – создали модель Greater Britain, «более великой Британии», огромной колониальной империи, политического и духовного содружества англичан «за морями» и «дома», как единого пространства англосаксонского доминирования, скрепленного единством крови, языка, религии, традиций и истории. В основе этой модели лежала концепция англосаксонской исключительности и расового превосходства англосаксов – «имперской расы» – над другими народами, сохранение которой объявлялось «необходимым для свободы человечества» [1, vol. 1, p. 5; 2, vol. 1, p. 5, vol. 2, p. 347]. Исследования названных историков представляют собой европоцентристский панегирик всему английскому – гению англосаксонской расы, мудрому управлению англичан в колониях, духу английской свободы и институтов, благородству, бескорыстности, цивилизаторской миссии англичан в Новом Свете, которые объявлялись бесценным достоянием цивилизации [2, vol. 2, p. 347]. Дж. Э. Фруд, Дж. Р. Сили, Ч. В. Дилк как представители интеллектуально-политической элиты Великобритании XIX в. наиболее адекватно отразили в своих трудах распространенное общественное мнение о колониальной империи и официальную идеологию правящих кругов Великобритании того времени.

Труды британских имперских историков пользовались огромной популярностью у широкой читательской аудитории и многократно переиздавались, что во многом объяснялось увлечением англичан далекими странами, любовью к морским путешествиям и подкреплялось высокой степенью историографической осведомленности историков, использовавших в своих работах исследования британских и зарубежных авторов, сведения английских политических, государственных деятелей и колониальных чиновников. Но особую достоверность и притягательность трудам этих историков придавал их личный опыт путешествий и жизни в британских заморских владениях: Ч. В. Дилк, например, побывал в Северной Америке, Канаде, Австралии, Новой Зеландии, Индии (3 раза), Египте, Китае, Японии, Греции, России (5 раз), на Цейлоне [1, vol. 2, p. 111–112; 3, p. 503–504].

Данное исследование основано на анализе шести базовых трудов (9 томов) британских имперских историков, представленных в формате одного большого исторического нарратива на основании единства целеполагания и сюжетной линии повествований; особой формы конструирования и репрезентации исторического прошлого колониальной Великобритании; выполнения идеологической и познавательно-просветительской функций по формированию имперского патриотизма, расового превосходства и единства англосаксов, укоренения идеи «нерасторжимой» связи колоний с метрополией, по созданию образа «благополучных», «процветающих» колоний, побуждавших англичан к массовой миграции «за моря» (суггестивная направленность); лексической пафосности, тенденциозности, сходных приёмов моделирования и расстановки акцентов; презентации специфики британского правления в колониях как масштабного

политического, социально-экономического и этнокультурного эксперимента, реализовавшегося англичанами в их владениях.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что расовый фактор по-прежнему играет ключевую роль в выборе союзников англосаксов в борьбе за сохранение гегемонии и интересов. Так, альянс AUKUS, созданный в 2021 г. и направленный на сдерживание стран Юго-Восточной Азии, прежде всего Китая, состоит из англосаксов бывших «белых», переселенческих колоний. Гордость, граничащая с гордыней, и предубеждение против всех «туземцев», начинающих с Кале, согласно известной идиоме, характеризуют национальный характер англичан и их отношение к внешнему миру не только в XIX в., но и сегодня.

Большой исторический нарратив британских имперских историков, при всей специфике персональных текстов, представляет собой пространное, увлекательное повествование о кругосветных путешествиях, этногеографических и природных особенностях заморских стран, т. е. о мире *Rex Britannica*, созданном англосаксами для собственного безбедного проживания и воспроизводства потомства, и содержит аналитический компонент, придающий ему исследовательский характер.

Сюжетно-смысловой каркас большого нарратива *Greater Britain* покоится на девяти базовых паттернах, определяющих контуры и вектор апологетической интерпретации истории Британской империи в имперской историографии Англии XIX в.:

1. Великобритания – крупнейшая, самая могущественная и богатейшая страна мира, над которой никогда не заходит солнце: её площадь превышает 9,5 млн кв. миль, что равно почти трём Европам, а с учетом Египта и Судана – 13 млн кв. миль [1, vol. 1, p. 1; 2, vol. 2, p. 347]. Ее население составляет более 400 млн чел., из которых 100 млн говорит по-английски [1, vol. 1, p. 2]. По сравнению с *Greater Britain* Персидская, Македонская, Римская, Турецкая, Испанская, Французская, Российская империи выглядят «пигмеями» [2, vol. 2, p. 347; 4, p. 43]. Британской империи принадлежат мировые рынки пшеницы, шерсти, хлопка, табака, чая, кофе, кукурузы, сахара, торговли лесом, алмазами, золотом, а доходы составляют £210 млн [1, vol. 1, p. 1]. Объединение метрополии и ее 50 колоний осуществляется Великобританией, занимающей доминирующие позиции в области организации, управления и финансирования. Залогом долговечности и могущества Британской империи историки считали верховенство англосаксов, их искусную внешнюю политику, богатство, вездесущность, расовую мощь, гений английской свободы [1, vol. 2, p. 583].

2. *Greater Britain* – особенная империя, сущность которой, по мнению историков, не укладывалась в рамки традиционного понимания колониальной империи как слишком «военной и деспотичной, чтобы соответствовать отношению метрополии к колониям» [4, p. 37], ей были присущи семейно-родительские связи заботливой родины-матери о своих детях-колонистах [5, p. 369]. Британская империя позиционировалась как большая семья, состоявшая из процветающих колоний [4, p. 256]. Анализ большого нарратива британских историков не дает оснований утверждать, что в империи сложилась атмосфера гармонии между завоевателями и завоеванными. В действительности отношение родины-матери к своим колониям-детям было очень разным: колонии делились на «белые» и «цветные», жители последних уничижительно именовались «низшей расой» (*cheap*), т. е. «дешевыми, не имеющими ценности», тогда как «белые» колонии – «дорогими» расами (*dear*) [2, vol. 2, p. 346–347]. Большой нарратив изобилует примерами предубеждений британцев на расовой почве: представители коренных народов колоний назывались «темнокожими», «чернокожими», «мулатами», «туземцами», «бенгальскими бабуинами», «азиатами», «дикарями» [1, vol. 2, p. 111, 114–116, 125; 2, vol. 2, p. 320–321; 4, p. 241; 5, p. 190–191; 6, p. 5]. Известный негрофоб Дж. Э. Фруд цинично сравнивал чернокожих вестиндийцев с животными, по отношению к которым англичане «редко были бесчеловечными» [5, p. 80]. Имперские историки отмечали когнитивный диссонанс в отношениях с «туземцами» как следствие чуждости, непреодолимой расовой пропасти, например между ними и индийцами [2, vol. 2, p. 124]. Непочтительность, презрение и ненависть к «белым хозяевам» [4, p. 244] со стороны коренного населения колоний они считали проявлением скорее стереотипного мышления туземцев, нежели нелюбви к англичанам, которых уважали и боялись [1, vol. 2, p. 93, 123; 2, vol. 2, p. 324, 326, 328]. Принципиальное решение проблем, связанных с местным населением

колоний, виделось имперским историкам в тотальном «уничтожении “цветных”» [2, vol. 2, p. 346–347].

3. Более великая Британия – не колониальная империя, а единое содружество, «заключенное в объятия Нептуна», Осеана, о которой мечтал Дж. Харрингтон в XVII в. [7], возникшее в результате расширения английской нации и государства. По убеждению Дж. Р. Сили и Ч. В. Дилка, Британская империя представляла собой новый тип мировой державы, возникший вследствие контактов между Старым и Новым Светом. Согласно единодушному мнению британских историков, империя не была простым конгломератом народов, удерживаемых вместе силой, но являлась одной нацией, одним государством, мировым пространством англосаксонского доминирования, *Saxondom* [2, vol. 1, p. 6], атлантической федерацией, идеальным содружеством британцев, чье островное положение было преимуществом, предначертанным Богом для образования Океаны [4, p. 126; 5, p. 365; 6, p. 1–2]. Этот новый мир ставил задачу разработки новой модели британской истории, предложенной и реализованной Дж. Р. Сили, который обосновал необходимость перемещения внимания национальных историков с парламентской и конституционной истории европейской Великобритании на историю международных отношений и политическую историю *Greater Britain* как глобальную историю английского государства и народа, вершившуюся «за морями». *Greater Britain*, по убеждению Дж. Р. Сили, не являлась растираженной копией Англии в колониях, это был новый мир, выросший из величия английской истории, основанной на идее прогресса и расширения британской политики как великой державы в период между восшествием на престол Елизаветы I и правлением Вильгельма III. Эта новая история, по его мнению, должна была охватывать политическую историю Великобритании XVII, XVIII и XIX вв. [4, p. 119–123; 8, vol. 1, p. 1–3].

4. Великобритания – миролюбивое, цивилизованное, невоенное государство, которое никого не завоевывало, а вело оборонительные войны с Францией, Голландией, Испанией с целью защиты населения своих колоний. Доказательством «достоверности» этого тезиса, согласно британским историкам, являлось расселение англичан в «пустынных» частях земного шара, населенных недостаточно развитыми, с их точки зрения, коренными народами, например в Австралии и Новой Зеландии, управление которыми не доставляло хлопот. Если же поселения англичан возникали в регионах с многочисленным коренным населением, как в Северной Америке, Канаде, Южной Африке, проводилась политика вытеснения, ассимиляции, истребления с целью достижения/сохранения численного преобладания «белых» над «цветными» [1, vol. 1, p. 532; 4, p. 45, 47, 49; 5, p. 190–191]. Излишне многочисленное, по мнению Дж. Р. Сили, негритянское население в Вест-Индии не рассматривалось им как препятствие для расселения англичан, так как находилось в состоянии рабства, что лишало его права считаться нацией [4, p. 48]. В тех случаях, когда факт завоевания новых земель отрицать было затруднительно, британские историки интерпретировали его многозначно и замысловато, как это делал Дж. Р. Сили в отношении Индии: не была завоевана в традиционном понимании, так как английское государство не объявляло войну государству Индии; стала британской «случайно» и «непреднамеренно» в результате торговой деятельности Ост-Индской компании, которая привела к «переходу» Индии к метрополии после полной ликвидации компании в 1874 г.; военные действия имели место, но велись силами Ост-Индской компании с частичным участием британских войск. Тем не менее Дж. Р. Сили вынужден был признать, что Индия была завоевана «силой оружия» и Англия удерживала ее в повиновении посредством размещения армии на ее территории (примерно 65 тыс. из британской армии общей численностью 200 тыс.) [4, p. 199, 200], правда, с оговоркой, что Индия «завоевала саму себя», так как британская армия состояла преимущественно из индийцев и содержалась за счет Индии, сама же индийская военная кампания ничего не стоила Великобритании – ни введения специальных налогов, ни создания армии [4, p. 191, 200, 202, 205–206, 212–214, 227, 260]. Британские имперские историки оправдывали завоевательную политику своей страны тем, что все империи возникали в результате завоеваний, а завоевания англичан отличались меньшей жестокостью, нежели испанские, хотя проявления жестокости и алчности отмечались [4, p. 135–136].

5. Британская империя создана английским народом и для английского народа с целью его благополучного развития как единственно возможное пространство для численного роста фи-

зически здоровой англосаксонской расы, которая, по утверждению историков, нуждалась в пригодных для расселения землях со здоровым, солнечным климатом, плодородными почвами, где «можно вдохнуть свежий воздух в прокуренные легкие» [6, р. 9–10, 12]. Этими новыми домами, по мысли британских историков, и стали колонии в Америке, Канаде, Южной Африке, особенно в Кейптауне, а также в Вест-Индии и на островах Океании [1, vol. 1, р. 501; 5, р. 362]. Отсутствие необходимых условий для этих целей на исторической родине периода промышленного переворота и индустриализации грозило вырождением нации и подтверждалось убедительной картиной ужасающей жизни англичан в крупных промышленных городах Великобритании XIX в. с их грязными улицами, унылой однотипной застройкой, зловонием плохо обустроенной канализации, где нет зелени, «где сами голубые небеса запачканы сажей», где «нет других удовольствий, кроме выпивки», в которых «сотни тысяч английских детей становятся мужчинами и женщинами» и «вырастают болезненными, бедными и низкорослыми существами, которых никакое школьное обучение ... не может спасти от физической дряхлости», где вся жизнь «подавляющего большинства жителей от младенчества до могилы» была «унылой рутинной бездушного, механического труда» [6, р. 8, 332–333]. В глазах британских историков это обстоятельство являлось сильным аргументом в пользу завоеваний «за морями», которыми они откровенно гордились.

6. Великобритания – носитель благородной цивилизаторской миссии в колониях, например в Индии, куда англичане, по утверждению Ч. В. Дилка, принесли дух английской свободы и свободные институты, развивали экономику и способствовали росту материального благосостояния индийцев, обеспечивали безопасность (но только для белых) и отсутствие беспорядков, рост производства и торговли, строили железные дороги, проводили ирригационные работы, обучали индийцев в своих колледжах и университетах, укореняли английский язык как язык науки и образования [1, vol. 2, р. 87, 120, 128], формируя таким образом новую индийскую элиту с британским менталитетом. Дж. Р. Сили отмечал и другие заслуги англичан в Британской Индии – успешную борьбу с анархией, грабежом наемных армий, коррупцией [4, р. 274–275, 302–303, 305]. Ч. В. Дилк в цивилизаторской миссии англичан в Британской Индии выделял их роль во внедрении элементов английских принципов демократии в систему управления, сплочении многонационального населения, сам факт создания страны под названием «Индия», которой ранее не было. При этом историк настоятельно подчеркивал благородные цели англичан, миссия которых заключалась в том, чтобы «управлять Индией в интересах народа Индостана» и «вовлечь в поток европейской цивилизации» [1, vol. 2, р. 96; 2, vol. 2, р. 305, 329, 332]. Дж. Э. Фруд также поддерживал идею цивилизаторской миссии британцев в колониях и писал о внедрении ими достижений западной науки, привитии туземцам привычки к трудолюбию, но отмечал насильственный характер действий колонизаторов, которые «заставляли страхом уважать собственность и соблюдать законы, сохраняя тотальный контроль над туземцами» [6, р. 2, 4]. Имперские историки консолидированно изображали англичан в Британской Индии как правящую расу, несущую просвещение и цивилизацию, на том основании, что они были представителями более высокой европейской цивилизации, восходящей к греко-римской традиции.

7. Бескорыстный и ответственный характер британского правления в колониях. Имперские историки Англии талантливо представляли обладание колониями, прежде всего Индией, как «бескорыстную» заботу о благе коренного населения и «груз ответственности за управление 250 млн азиатов», лежавших «огромным бременем ... на шее английской нации» [4, р. 184–185, 188–189, 191, 272]. Они убеждали читателей, что обладание колониями – затратный для метрополии фактор, и повествовали о крупных средствах, вложенных в Индию и другие колонии для их обустройства: на сооружение 16 тыс. миль железных дорог в Индии англичане потратили £350 млн; £800 млн было инвестировано в экономику Австралии, Канады и Индии. Но факты, приводимые ими же, свидетельствовали не только о расходах англичан, но и об огромных доходах, притекавших в казну из колоний: только от эксплуатации ресурсов Индии Великобритания ежегодно получала около £60–70 млн прямых доходов, не считая других – от поставок пшеницы, хлопка, чая, сахара, текстиля, ранее – опиума и т.д. Имперские историки открыто писали о важности для метрополии ресурсной базы каждой колонии: в Южной Африке, например, это были месторождения алмазов и золотые прииски, промышленная добыча угля и древе-

сины [1, vol. 1, p. 487, 511, 576, vol. 2, p. 82–84, 88, 581; 4, p. 191]. Эти и другие примеры не оставляют сомнений, что в основе британской «бескорыстности» лежал прагматичный расчет, коммерческий и финансовый интерес. Малоубедительными можно считать рассуждения имперских историков об отсутствии пользы/выгоды для Великобритании от ее колониальных владений якобы на том основании, что рынком сбыта английской продукции являлись не колонии, которые были «бесполезной обязанностью, обузой», а весь мир [6, p. 1–6]. Подобные рассуждения корректируются фактами политических предпочтений Великобритании от ее колониального статуса: без колоний Англии грозила бы «безнадежная изоляция», превращение в «уединенный остров времен Елизаветы»; обладание же колониями обеспечивало метрополии лидирующие позиции в системе «азиатских держав», определяло вектор ее внешней политики в соперничестве с Францией в XVIII в. и Россией в XIX в. [1, vol. 2, p. 4; 4, p. 306, 192].

8. Британское правительство в колониях – лучшее из всех известных, о чем пафосно и восторженно писали имперские историки, утверждая, что в Greater Britain управлять должна «английская нация из Лондона в интересах человечества и цивилизации», обладающая «государственной мудростью». Элементы представительства и местного самоуправления в колониях с участием местных политических элит признавались историками целесообразными, но в ограниченных масштабах, при сохранении главенствующего положения короны и парламента и ограничении/запрете избирательных прав для «низших рас» [1, vol. 2, p. 130, 114; 2, vol. 2, p. 329–330]. Дж. Э. Фруд открыто писал, что возможное расширение самоуправления в Вест-Индии следовало бы признать проявлением «легкомысленной добродетели» со стороны англичан, которая отдала бы «на милость цветного большинства» «белых братьев» – австралийцев, канадцев, новозеландцев – и обрекла бы их на вымирание [5, p. 369–370]. Дж. Р. Сили утверждал, что в Британской Индии правительство англичан было лучше любого другого и Индия способна зависеть только от него, поэтому она заинтересована в его «вечном» сохранении больше, чем Англия [4, p. 194, 196]. По мнению Ч. В. Дилка, в Индии никогда не было лучшего, более либерального и просвещенного правительства «автократического типа», и это «лучший в мире пример хорошо управляемого деспотизма в больших масштабах», самое «доброжелательное и разумное правление на земле» [1, vol. 2, p. 120–123; 2, vol. 2, p. 332]. Важнейшим достижением британского правительства «за морями» имперские историки считали создание «процветающих колоний» и нарисовали панорамную картину этого «процветания». «Райскую жизнь» колонистов под оком британского «благотворительного деспотизма» в Вест-Индии живописал Дж. Э. Фруд: «зажиточные крестьяне», о которых «хорошо заботились», «счастливые, холеные и довольные собой потомки освобожденных рабов», которые могут «спать, бездельничать и веселиться всю жизнь, как им заблагорассудится, не боясь никакой опасности»; отсутствие «голодных людей» и «недовольных лиц» [5, p. 78–80; 6, p. 15]. Ч. В. Дилк повествовал о «процветании» южноафриканских колоний, живших по «английскому образцу»: хорошо обустроенные дома, счастливые лица, 8- или 9-часовой рабочий день, достойная оплата труда, «атмосфера улыбочивого процветания» и «спокойного гостеприимства», много «культурных людей, живущих в комфорте цивилизации», «отличные клубы», «никаких жизненных неудобств». Тем не менее Индия, где бедность была очевидной, плохо вписывалась в контекст «благоденствующих» колоний. Но имперские историки в лице Ч. В. Дилка подчеркивали, что индийцы «не страдают от глубокой нищеты»; риск голода уменьшился с приходом англичан, люди не выглядят «несчастливыми»; путешественников поражает «терпеливое довольство туземцев»; «Индия добилась существенного прогресса в материальном плане за 32 года прямого правления королевы» [1, vol. 1, p. 488, 504–505, 508–509, vol. 2, p. 80, 87, 92, 132; 2, vol. 1, p. 5]. Подобные аргументы британских историков служили доказательством преданности колоний своей исторической родине, обладавшей «магнетизмом» притяжения периферии к ядру-метрополии, распространения в колониях искреннего патриотизма и стремления к сохранению «нерушимой целостности Британской империи» [5, p. 1, 372; 6, p. 15].

9. Американская революция как кризис Британской империи и обновление имперской идеологии. Г. Т. Бокль, Дж. Р. Сили, Дж. Э. Фруд оценивали Американскую революцию и отделение 13 североамериканских колоний как колоссальный удар по репутации, самолюбию и престижу англичан, как «великий кризис в истории Англии», «катастрофу», «внезапный шок»,

символически выраженные метафорой дерева с отрубленными ветвями и оторванными листьями, заимствованной у Тьюрго [4, p. 73, 139; 6, p. 333–336; 9, vol. 1, p. 438–439]. В имперской историографии отделение колоний воспринималось как «схизма» и «раскол Великой Британии», «завершение ... первого эксперимента по расширению» Англии, которая «быстро расширялась», а затем «лопнула, подобно мыльному пузырю», потому что 13 американских колоний составляли тогда почти всю территорию империи «за морями» [4, p. 140, 151]. С точки зрения имперских историков, это был позор общеевропейского масштаба, который «нельзя простить, забыть» и «исправить», как невозможно прикрепить отрубленную ветвь к дереву [6, p. 335–336, 340; 9, p. 437]. Но британские историки нашли выход из этого положения, создав образ США как лидера «свободного мира», носителя идеалов англосаксонской свободы и демократии. Факт возникновения нового республиканского государства США стал использоваться ими для доказательства одного из ключевых тезисов большого нарратива – «Англия не остров с населением более 30 млн человек и площадью 120 тыс. кв. миль», а огромное «безграничное» государство и содружество, созданное и обжитое англосаксами, доминирующее положение в котором теперь принадлежит США, возвышающимся над другими государствами, но ядром этого мира по-прежнему остается Англия [4, p. 158–159]. Уместно напомнить, что процесс возникновения США осуществлялся в форме войны за независимость американских колоний против британской метрополии, в которой Англия проявила себя как откровенно «военное государство».

Большой нарратив имперских историков Великобритании XIX в., талантливо написанный и читающийся с большим интересом, представляет собой репрезентацию имперской, альтернативной версии истории Британской империи как мира «более великой Британии», геополитического пространства, предназначенного для господства и жизни белых англосаксов, масштабного социально-политического, экономического, законодательного и идеологического эксперимента. Образ Greater Britain, созданный имперскими историками, был далек от исторической действительности, но соответствовал целям имперской политики и идеологии Великобритании той эпохи. Имперские историки продемонстрировали апробацию англичанами в своих колониях гибридных форм экспансии – торговой, экономической, военной и интеллектуальной, элементы которой используются ими в новейшей истории.

Список источников

1. Dilke C. W. Problems of Greater Britain: in 2 vols. London: Macmillan and Co., 1890. Vol. 1. 596 p. Vol. 2. 618 p.
2. Dilke C. W. Greater Britain, a Record of a Travel in English-speaking Countries during 1866–1867: in 2 vols. Philadelphia; London: J.B. Lippincott, Macmillan and Co., 1869. Vol. 1. 340 p. Vol. 2. 348 p.
3. Thursfield J. R. Dilke, Charles Wentworth // Dictionary of National Biography. 1912. Vol. 1. P. 502–506.
4. Seeley J. R. Expansion of England. Cambridge, Boston: University Press, Roberts Brothers, 1883. 308 p.
5. Froude J. A. The English in the West Indies or the Bow of Ulysses. London: Longmans, Green & Co, 1888. 373 p.
6. Froude J. A. Oceana or England and her Colonies. London: Longmans, Green & Co, 1886. 341 p.
7. Harrington J. The Commonwealth of Oceana. London, 1656. 210 p.
8. Seeley J. R. The Growth of British Policy: An Historical Essay: in 2 vols. Cambridge: University Press, 1895. Vol. 1. 436 p. Vol. 2. 403 p.
9. Buckle H. T. The History of Civilization in England: in 2 vols. London: Longman, Green, 1864. Vol. 1. 834 p.

References

1. Dilke C.W. *Problems of Greater Britain*: in 2 vols. London: Macmillan and Co.; 1890, vol. 1. 596 p.; vol. 2. 618 p.
2. Dilke C.W. *Greater Britain, a Record of a Travel in English-speaking Countries during 1866-1867*: in 2 vols. Philadelphia, London: J.B. Lippincott, Macmillan and Co.; 1869, vol. 1. 340 p.; vol. 2. 348 p.
3. Thursfield J.R. Dilke, Charles Wentworth. *Dictionary of National Biography*. 1912;1:502-506.
4. Seeley J.R. *Expansion of England*. Cambridge, Boston: University Press, Roberts Brothers; 1883. 308 p.
5. Froude J.A. *The English in the West Indies or the Bow of Ulysses*. London: Longmans, Green & Co; 1888. 373 p.

6. Froude J.A. *Oceana or England and her Colonies*. London: Longmans, Green & Co; 1886. 341 p.
7. Harrington J. *The Commonwealth of Oceana*. London, 1656. 210 p.
8. Seeley J.R. *The Growth of British Policy: An historical essay*: 2 vols. Cambridge: University Press; 1895, vol. 1. 436 p.; vol. 2. 403 p.
9. Buckle H.T. *The History of Civilization in England*: 2 vols. London: Longman, Green; 1864, vol. 1. 834 p.

Информация об авторе

Т.А. Сидорова – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и социально-гуманитарных дисциплин.

Information about the author

T.A. Sidorova – Doctor of Science (History), Associate Professor, Professor of the Department of History, Social and Humanitarian Disciplines.

Статья поступила в редакцию 18.02.2025; одобрена после рецензирования 25.02.2025; принята к публикации 04.03.2025.
The article was submitted 18.02.2025; approved after reviewing 25.02.2025; accepted for publication 04.03.2025.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ ECONOMIC SCIENCE

Научная статья

УДК 311

<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-79-85>

БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ТЕХНОЛОГИИ ОБРАБОТКИ, АНАЛИЗА, МОДЕЛИРОВАНИЯ, УПРАВЛЕНИЯ

Ирина Абрамовна Полякова^{1✉}, Галина Валерьевна Павленко²

^{1,2} Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

¹ mirgan15@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0003-2317-7856>

² galya89@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0694-8236>

Аннотация. Рассматриваются технологии применения больших данных и их преимущества перед традиционными методами сбора и обработки информации. Показана эволюция нормативного регулирования этой сферы, анализируются источники информации официальной статистики и вопросы формирования методологии больших данных в рамках основополагающих принципов официальной статистики ООН. Осуществлена группировка методов анализа и приведены сферы применения технологий больших данных. Представлена динамика развития исследуемой сферы за 2019–2023 гг. и ее роль в развитии современной технологической среды России.

Ключевые слова: цифровизация, большие данные, технологии, методы, инструменты, статистика, анализ

Для цитирования: Полякова И.А., Павленко Г.В. Большие данные в современном мире: технологии обработки, анализа, моделирования, управления // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 1. С. 79–85. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-79-85>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

BIG DATA IN THE MODERN WORLD: TECHNOLOGIES OF PROCESSING, ANALYSIS, MODELING, MANAGEMENT

Irina A. Polyakova^{1✉}, Galina V. Pavlenko²

^{1,2} Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

¹ mirgan15@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0003-2317-7856>

² galya89@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0694-8236>

Abstract. The article analyzes the technologies for using big data and their advantages over traditional methods of collecting and processing information. It considers the evolution of regulatory framework in this area, sources of official statistics, and issues of forming a big data methodology within the framework of the fundamental principles of official UN statistics. The analysis methods are grouped and the areas of application of big data technologies are given. The dynamics of the development of the area under study for 2019-2023 and its role in the development of the modern technological environment in Russia are presented.

Keywords: digitalization, Big Data, technologies, methods, tools, statistics, analysis

For citation: Polyakova I.A., Pavlenko G.V. Big Data in the Modern World: Technologies of Processing, Analysis, Modeling, Management. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2025;(1):79-85. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-79-85>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Введение

Для нынешнего этапа социально-экономического развития стран мирового сообщества характерна высокая степень информатизации всех сфер жизнедеятельности. Широкое применение современных технологий, развитие институциональной и инфраструктурной среды сферы цифровизации во многом обеспечивают тренды эволюции секторов экономики. Следовательно, цифровая трансформация представляет собой общую траекторию развития общества и является неотъемлемой составляющей деятельности бизнес-структур, систем государственного управления, систем обеспечения экономической, социальной и национальной безопасности.

Особенность структуры экономики России состоит в наличии высокой доли хозяйствующих субъектов в сфере добычи, первичной переработки и обработки природных ресурсов и в сфере обороноспособности страны. Указанные области в силу своей специфики обладают значительными информационными ресурсами. Большие объемы информации формируются в финансовой сфере, системе государственного управления, социальной сфере и других, что обуславливает необходимость определения путей решения разных проблем на основе применения современных технологий, в частности технологий больших данных (Big Data). Последние сегодня широко реализуются в России многими хозяйствующими субъектами: ОАО «РЖД», ПАО «СИБУР Холдинг», ассоциацией «ЭТАЛОН», ПАО ГМК «Норильский никель», АО «Зарубежнефть», ПАО «НК «Роснефть», ПАО «Сбербанк России», Институтом статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) НИУ ВШЭ, а также в ряде проектов, в частности SafePitch.

Исходя из изложенного, целью статьи является актуализация вопросов применения технологий больших данных для анализа и прогнозирования процессов жизнедеятельности и их роль в цифровизации общества.

Материалы и методы

Технологические инновации в информационной сфере в последние два десятилетия заняли значительную нишу в социально-экономическом развитии. Методы формирования информационных ресурсов, их обработку, группировку, систематизацию, анализ, моделирование и прогноз в реальном времени, высокое качество данных можно обеспечить на базе применения современных технологий, и огромная роль в этих процессах отводится технологиям больших данных. На основе спектра специальных методов обработки и анализа больших информационных массивов, сформированных из разных источников и имеющих разные виды представления, технологии больших данных позволяют получить результат для принятия оптимальных управленческих решений.

Сегодня хозяйствующие субъекты оперируют огромными массивами информации, их обработка, анализ и моделирование являются важнейшими в сфере информационных технологий и оказывают прямое влияние на уровень технологической конкурентоспособности.

Технологии Big Data позволяют анализировать значительные объемы информационных массивов, определять закономерности, придавать им конкретное количественное выражение, осуществлять оценивание, строить модели и прогнозы, проверять гипотезы.

Рассмотрим историю возникновения этих технологий. В 2001 г. Д. Лейни, сотрудник американской транснациональной холдинговой компании, выпустил документ [1], в котором рассмотрел ряд вопросов относительно резкого увеличения объема электронной коммерции и, соответственно, роста требований к централизованным хранилищам данных. Наряду с этим он опубликовал прогноз тенденций в стратегиях IT-компаний в области выработки методических подходов к формированию архитектур хранения и обработки информационных ресурсов. Однако непосредственно термин Big Data был предложен в 2008 г. редактором научного журнала Nature К. Линчем в его специальном выпуске на тему «Как могут повлиять на будущее науки технологии, открывающие возможности работы с большими объемами данных», в котором бы-

ло проиллюстрировано значительное наращивание объемов и многообразия информации в мире [2].

Отметим, что до 2011 г. технологии Big Data применялись только статистиками для ведения научной деятельности. Быстрый рост объемов информации, зафиксированный в 2012 г., обусловил целесообразность их применения и в практической плоскости. С 2014 г. ведущие университеты мира начали осуществлять подготовку специалистов по прикладным, инженерным и IT-профилям. Были сформулированы три ключевых направления для решения вопросов управления данными: объём (volume), скорость (velocity) и разнообразие (variety). Впоследствии этими параметрами описаны основные принципы модели Big Data. В настоящее время к ним добавили ещё три: достоверность (veracity), изменчивость (variability) и ценность (value) [3].

В 2018 г. разработана национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», цель которой – добиться высоких результатов в научном, технологическом, экономическом и конкурентоспособном положении России [4]. В 2020 г. закрепили на федеральном уровне понятие «большие данные» [5]. Кроме того, был введен в отечественную практику ГОСТ «Информационные технологии. Большие данные. Обзор и словарь» [6].

Как показывает практика, важнейшими источниками информации больших данных выступают интернет вещей и устройств, с ним взаимосвязанных; средства массовой информации, социальные сети, блоги; количественные показатели деятельности хозяйствующих субъектов, работающих в сфере логистики, пассажиро- и грузооборота, каршеринге; профили клиентов; показания различных приборов, применяемых на производстве; данные спутниковой связи; сведения, характеризующие состояние жилищного фонда, коммунальных сетей; информация о видах движения населения; данные учреждений социальной сферы и др.

В официальной статистике применяются следующие источники формирования информационных ресурсов: данные от респондентов, получаемые в ходе проведения статистических обследований; административные данные; большие данные, которые поступают в режиме реального времени и, как ранее отмечено, являются структурированными и неструктурированными. Использование разных источников информации позволяет охватить многие аспекты исследуемых процессов, повысить качество данных, их актуальность, получить детализированные оценки.

Руководитель Федеральной службы государственной статистики (Росстат) С.С. Галкин отмечает, что работа с технологиями Big Data входит в число ключевых направлений развития современной статистики [7]. Большие данные представляют собой новый вид информационных ресурсов, следовательно, и источников информации для стран мирового сообщества. Исходя из этого, значимость и роль статистики в обществе растет, увеличиваются объемы больших данных, при этом значения их цифровых характеристик рожают различные интерпретации, являясь основой формирования управленческих решений. Следует изучать возможности их применения и способы оценивания больших данных, исходя из их надежности, своевременности и достоверности.

Широкое применение технологии Big Data получили в странах с небольшими территориями и небольшими по объему ВВП экономиками. Ряд крупных стран, в частности Россия и Китай, занимаются выработкой своих методологических подходов к использованию данных технологий, поддерживая отношения со структурами ООН с целью гарантий качества, в частности, методологии Росстата на уровне лучших мировых стандартов.

Применение технологий больших данных в рамках деятельности Росстата и его территориальных органов соответствует десяти основополагающим принципам официальной статистики, которые были утверждены на 68-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, состоявшейся 23 января 2014 г. [8]. Согласно этим принципам, для реализации целей официальной статистики большие данные могут быть сформированы на базе использования различных информационных источников. Обязательным условием провозглашается учет их качества и своевременности.

Основным центром экспертизы в области развития и применения технологий больших данных в плане создания благоприятных условий для их развития в нашей стране является Ассоциация больших данных. Она провела серьезную работу по изучению степени развития индустрии этой технологической сферы в России и, как результат, подготовила документ «Стратегия развития рынка больших данных – 2024. Ключевые направления», в котором отмечается,

что данные – это актив, дающий социальный и экономический эффект [9]. Положения стратегии направлены на достижение результата по трём важнейшим направлениям: формирование качественной среды для ведения бизнеса, содействие технологической независимости страны и повышение уровня жизни населения.

В 2023 г. утверждены методические рекомендации по большому спектру вопросов, в частности по переходу на использование российского программного обеспечения [10]. Как следствие, эксперты исследуемой сферы отмечают зрелость российских продуктов и направленность государства на реализацию процессов импортозамещения, что обеспечило поворот в сторону отечественных производителей, в числе которых Postgres, группа Arenadata, «Группа Аст-ра», «Ростелеком», «Яндекс» и др. [11].

Согласно рекомендациям Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций, переход на российские системы управления базами данных запланирован на 1 января 2026 г.

Результаты

Обзор литературных источников по рассматриваемой тематике свидетельствует о наличии представленных ниже основных методов анализа больших данных:

– наглядная аналитика (visual analytics) – относится к широко применяемым методам анализа информации в плане как исторической ретроспективы, так и данных, формирующихся в реальном времени. Используется как основа выявления закономерностей в исследуемой сфере;

– предикативная аналитика (predictive analytics) – применяет образцы, созданные путем изучения компонентов, присущих каким-либо объектам, которые считаются аналогичными компонентам исследуемого процесса, что позволяет получить прогнозные характеристики изучаемого процесса;

– предписательная аналитика (prescriptive analytics) – определяет проблемы и выступает основанием формирования условий для их решения;

– диагностическая аналитика (diagnostic analytics) – выявляет факторы воздействия на сложившуюся ситуацию, обнаруживает аномалии и случайные связи между событиями.

В 2024 г. аналитический центр TAdviser составил «Карту российского рынка программного обеспечения» [12], на которой размещено 300 разработчиков, собранных в 3 группы: инфраструктурное, прикладное программное обеспечение и информационная безопасность.

Директор по развитию продуктового бизнеса Positive Technologies Э. Бейбутов отмечает наличие значительных изменений в области отечественного программного обеспечения, серьезную поддержку его развития, инвестиционные и налоговые льготы для разработчиков и компаний. У отечественного программного обеспечения есть ряд преимуществ, которые сводятся к лучшей адаптации к реалиям страны, так как отечественные разработчики лучше знают типичные сценарии применения программных продуктов [13].

Динамика основных показателей цифровизации в России, по данным ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, отражена в таблице [14, 15].

Динамика основных показателей процессов цифровизации / Dynamics of the main indicators of digitalization processes

Год	Валовые внутренние затраты на развитие цифровой экономики, трлн р.	Внутренние затраты организаций на цифровые технологии (в текущих ценах), трлн р.	Затраты домашних хозяйств на использование цифровых технологий (в текущих ценах), трлн р.	Удельный вес валовых внутренних затрат на цифровизацию в ВВП, %
2019	4094	2453	1641	3,7
2020	4063	2262	1801	3,8
2021	4848	2947	1901	3,6
2022	5161	3199	1962	3,3
2023	5471	3294	2177	3,2

Из данных таблицы следует, что в 2020 г. зафиксировано снижение величины внутренних затрат организаций на 7,8 %, однако произошел рост затрат домашних хозяйств на цифровизацию – на 9,7 %, что в целом повлияло на снижение валовых внутренних затрат на 0,8 %. Таким образом, в 2023 г. соотношение затрат на процессы цифровизации сложилось следующим образом: 60,0 % – затраты организаций, 40,0 % – затраты, производимые домашними хозяйствами. Особо следует подчеркнуть, что в период 2021–2023 гг. сложилась негативная динамика удельного веса валовых внутренних затрат, направляемых на развитие цифровой экономики. При этом валовые внутренние затраты на технологии цифровизации в России увеличились в 2023 г. на 6,0 % [15].

Обращают на себя внимание сдвиги в структуре внутренних затрат организаций, относящихся к цифровизации. В 2023 г. относительно предшествующего периода внутренние затраты организаций претерпели изменения: снижена доля затрат на приобретение оборудования, обслуживающего технологические процессы цифровизации, на 1,6 % и на оплату услуг электро связи – на 1,3 % при увеличении затрат на программное обеспечение на 0,6 % и прочих затрат – на 2,4 % [15].

Исследовательский интерес представляет структура затрат домашних хозяйств на цифровую среду в 2023 г. в сравнительной оценке с данными 2022 г. В общей сумме затрат снижена доля затрат на оплату услуг связи на 1,8 % при увеличении расходов на мобильные телефоны и смартфоны на 26,0 %, на компьютеры, ноутбуки и планшеты – на 15,0 % [14].

В 2023 г. сложилось увеличение объема инвестиций в цифровые технологии по ряду важнейших сфер: транспортировка и хранение – на 56,1 %, система государственного управления – на 36,8, сфера информационно-коммуникационных технологий – на 27,7, финансовая сфера – на 25,1 % [14].

В целом за период 2019–2023 гг. эксперты ИСИЭЗ НИУ ВШЭ отмечают положительную динамику развития IT-отрасли страны по ключевым показателям. Доля затрат на цифровизацию в ВВП в 2023 г. составила 1,96 %, т. е. рост за этот период – в 1,5 раза. Более 50,0 % в общем объеме закупок государственных компаний составляет доля отечественного программного обеспечения. В целом при наличии дефицита кадров в экономике России рост численности персонала в IT-сфере в среднем за 2019–2023 гг. составил 11,0 %, увеличение стоимости реализации – в среднем 26,0 % в год [14].

Заключение

Учитывая высокое значение технологий больших данных в аналитической и прогнозной деятельности, позволяющей осуществлять корректировку направлений развития бизнеса и оптимизацию управления в социально-экономической сфере, технологии Big Data находят широкое применение в системе государственного управления, в частности в здравоохранении, образовании, обеспечении безопасности, экономическом регулировании и др.; в промышленности; сельском хозяйстве; финансово-кредитной сфере; ретейле; сфере недвижимости; оптовой и розничной торговле; логистике; спорте и туризме.

Формирующиеся в России тенденции в сфере цифровизации свидетельствуют о движении в направлении устойчивой и технологически ориентированной экономики, обеспечения экономической и национальной независимости. Значимость технологий больших данных состоит в том, что на их основе огромные объёмы информации переходят в ценный, активный аналитический и управленческий ресурс, который используется в целях бизнес-анализа, бизнес-прогнозирования, моделирования и отслеживания процессов социально-экономических взаимодействий, повышения уровня технической конкурентоспособности страны.

Список источников

1. Laney D. 3D Data Management: Controlling Data Volume, Velocity, and Variety. URL: [https:// studylib.net/doc/8647594/3d-data-management--controlling-data-volume--velocity--an...?ysclid=m6pd3wtuvk767121855](https://studylib.net/doc/8647594/3d-data-management--controlling-data-volume--velocity--an...?ysclid=m6pd3wtuvk767121855) (дата обращения: 08.01.2025).
2. Lynch C. How do your data grow? // Nature. 2008. Vol. 455. P. 28–29. <https://doi.org/10.1038/455028a>

3. История больших данных (Big Data) – часть 1. URL: <https://www.computerra.ru/234239/istoriya-bolshih-dannyh-big-data-chast-1/> (дата обращения: 08.01.2025).
4. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : Указ Президента РФ В.В. Путина от 07.05.2018 № 204. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 08.01.2025).
5. Об информации, информационных технологиях и защите информации : Фед. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (последняя редакция). URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=485876> (дата обращения: 08.01.2025).
6. ГОСТ Р ИСО/МЭК 20546-2021. Информационные технологии. Большие данные. Обзор и словарь. URL: <https://gostassistant.ru/doc/d3304dc8-65f2-4f5e-b592-a67a84cf8cd1> (дата обращения: 08.01.2025).
7. Глава Росстата: Работа с Big Data становится одним из ключевых направлений развития статистики. URL: <https://rg.ru/2023/06/13/popravka-na-cifru.html?ysclid=m6s4pq5gci209103488> (дата обращения: 08.01.2025).
8. Основополагающие принципы официальной статистики. Резолюция ООН 68/261: 29 января 2014 г. // Резолюции и решения, принятые Генеральной Ассамблеей на 68-й сессии. Нью-Йорк: Организация Объединённых Наций, 2015. Т. 3. С. 2–3.
9. Ключевые направления развития рынка больших данных. URL: <https://storage.yandexcloud.net/eventico-dataforum23/dc/9698d6601862b7391ffb81ee99eda0.pdf> (дата обращения: 08.01.2025).
10. Об утверждении Методических рекомендаций по переходу на использование российского программного обеспечения, в том числе на значимых объектах критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, и о реализации мер, направленных на ускоренный переход органов государственной власти и организаций на использование российского программного обеспечения в Российской Федерации : Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ от 18.01.2023 № 21. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406310773/> (дата обращения: 08.01.2025).
11. Иванова А. Все будет Big Data. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6692968> (дата обращения: 08.01.2025).
12. ОТР 2000 на Карте российского рынка программного обеспечения 2024. URL: <https://otr.ru/news/otr-na-karte-rossiyskogo-rynka-programmnogo-obespecheniya-2024/?ysclid=m6s53brquf136873434> (дата обращения: 08.01.2025).
13. Переход на отечественное ПО к 2025 году: что нужно знать. URL: <https://dzen.ru/a/ZVdDkwPCkBNFGqmK> (дата обращения: 08.01.2025).
14. Цифровая экономика: 2025 : краткий стат. сб. / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишнеvский, Л.М. Гохберг [и др.]. М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. 120 с.
15. Цифровая экономика : экспресс-информация НИУ ВШЭ от 11.11.2024. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/984374133.pdf> (дата обращения: 08.01.2025).

References

1. Laney D. *3D Data Management: Controlling Data Volume, Velocity, and Variety*. Available from: <https://studylib.net/doc/8647594/3d-data-management--controlling-data-volume--velocity--an...?ysclid=m6pd3wtuvk767121855> [Accessed 8th January 2025].
2. Lynch C. How do your data grow? *Nature*. 2008;455:28-29. <https://doi.org/10.1038/455028a>
3. *History of Big Data - part 1*. Available from: <https://www.computerra.ru/234239/istoriya-bolshih-dannyh-big-data-chast-1/> [Accessed 8th January 2025]. (In Russ.).
4. *On national goals and strategic objectives for the development of the Russian Federation through 2024*: Decree of the President of the Russian Federation V.V. Putin of 7th May 2018 No. 204. Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> [Accessed 8th January 2025]. (In Russ.).
5. *On information, information technology and information protection*: Federal Law of 27th July 2006 No. 149-FZ (latest revision). Available from: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=485876> [Accessed 8th January 2025]. (In Russ.).
6. *State Standard R ISO/IEC 20546-2021. Information technology. Big Data. Review and dictionary*. Available from: <https://gostassistant.ru/doc/d3304dc8-65f2-4f5e-b592-a67a84cf8cd1> [Accessed 8th January 2025]. (In Russ.).

7. *Head of FSSS: Working with Big Data is becoming one of the key areas of statistics development.* Available from: <https://rg.ru/2023/06/13/poppravka-na-cifru.html?ysclid=m6s4pq5gci209103488> [Accessed 8th January 2025]. (In Russ.).

8. Fundamental principles of official statistics. UN Resolution 68/261: 29th January 2014. *Resolutions and decisions adopted by the General Assembly at the 68th session.* New York, United Nations, 2015;3:2-3. (In Russ.).

9. *Key directions of development of the Big Data market.* Available from: <https://storage.yandexcloud.net/eventico-dataforum23/dc/9698d6601862b7391ffb81ee99eda0.pdf> [Accessed 8th January 2025]. (In Russ.).

10. *On approval of the Methodological Recommendations for the transition to the use of Russian software, including at significant facilities of the critical information infrastructure of the Russian Federation, and on the implementation of measures aimed at accelerating the transition of government bodies and organizations to the use of Russian software in the Russian Federation:* Order of the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation dated 18th January 2023 No. 21. Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406310773/> [Accessed 8th January 2025]. (In Russ.).

11. Ivanova A. *Everything will be Big Data.* Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/6692968> [Accessed 8th January 2025]. (In Russ.).

12. *OTR 2000 on the Map of the Russian Software Market 2024.* Available from: <https://otr.ru/news/otr-na-karte-rossiyskogo-rynka-programmnogo-obespecheniya-2024/?ysclid=m6s53brquf136873434> [Accessed 8th January 2025]. (In Russ.).

13. *Transition to domestic software by 2025: what you need to know.* Available from: <https://dzen.ru/a/ZVdDkwPckBNFGqmk> [Accessed 8th January 2025]. (In Russ.).

14. Abashkin V.L., Abdрахmanova G.I., Vishnevsky K.O., Gokhberg L.M. et al. *Digital economy: 2025:* brief stat. collection. Moscow: Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge of the Higher School of Economics; 2025. 120 p. (In Russ.).

15. *Digital economy: express information from the National Research University Higher School of Economics from 11th November 2024.* Available from: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/984374133.pdf> [Accessed 8th January 2025]. (In Russ.).

Информация об авторах

И.А. Полякова – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры статистики, эконометрики и оценки рисков.

Г.В. Павленко – кандидат экономических наук, доцент кафедры статистики, эконометрики и оценки рисков.

Information about the authors

I.A. Polyakova – Doctor of Science (Economics), Associate Professor, Professor of the Department of Statistics, Econometrics and Risk Assessment.

G.V. Pavlenko – Candidate of Science (Economics), Associate Professor of the Department of Statistics, Econometrics and Risk Assessment.

Статья поступила в редакцию 10.01.2025; одобрена после рецензирования 12.02.2025; принята к публикации 04.03.2025.
The article was submitted 10.01.2025; approved after reviewing 12.02.2025; accepted for publication 04.03.2025.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ CURRENT PROBLEMS OF OUR TIME

Научная статья

УДК 32.019.15

<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-86-97>

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ ЭЛИТЫ В СТАНОВЛЕНИИ СОВЕТСКОЙ СУБЦИВИЛИЗАЦИИ КАК ЗАКОНОМЕРНОГО ЭТАПА РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Сергей Алексеевич Кислицын

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия
kislizins@yandex.ru

Аннотация. Уникальная российская евразийская цивилизация развивалась по особым закономерностям, начиная от Древней Руси, Московской Руси, московско-петербургской империи, советской цивилизации и до постсоветской России. Исследуется определенное представление о трансформации исторических элит в условиях раннефеодальной, сословно-представительной, абсолютистской монархии, коммунистической системы и постсоветского развития. Политическая элита рассматривается марксистами как верхушечная часть господствующего класса в каждой социально-экономической системе, в том числе в СССР. В работах В.И. Ленина имеются характеристики большинства элитных групп, включая созданное им профессиональное ядро партии нового типа. После революции большевистская политическая элита дала мощный импульс формированию цивилизации советского типа – этапа развития российской евразийской цивилизации. Возглавляемый следующим поколением коммунистической элиты советский строй возник в результате деятельности миллионов граждан России. Интеллектуальная прослойка в составе элиты правящей партии находилась в постоянном поиске новых вариантов развития страны, что проявилось в создании платформ различных оппозиций. Репрессии сталинизма направили элиту и в целом систему в сторону левокоммунистического тоталитаризма, который оказался достаточно продуктивным в условиях Второй мировой войны. После победы в партии усилилась бюрократизация, перепроизводство и частичное разложение номенклатурной элиты. Пока шло поступательное развитие экономики, даже замедленными темпами, социально-политического кризиса не наблюдалось, и руководство страны отказалось от смены элит. Коммунистическая элита растеряла лидерский потенциал и авторитет в народе. В ходе перестройки началось запоздалое одномоментное обновление номенклатурных верхов, которое закончилось развалом партии и всего Советского государства. Вновь созданная элитократия имеет мало общего с демократией и народовластием, более того, концепция демократического элитизма оказалась химерой. Выявлено, что анализ процесса элитогенеза во всех проявлениях, особенно в советский период развития, необходим для обеспечения своевременной ротации политических элит и проведения социальных реформ.

Ключевые слова: элита, духовная элита, элита культуры, политическая элита, большевистская политическая элита, номенклатура, советская цивилизация, левокоммунистический тоталитаризм, российская евразийская цивилизация

Для цитирования: Кислицын С.А. Роль политической, интеллектуальной и духовной элиты в становлении советской субцивилизации как закономерного этапа развития российской евразийской цивилизации // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 1. С. 86–97. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-86-97>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE ROLE OF THE POLITICAL, INTELLECTUAL AND SPIRITUAL ELITE IN THE FORMATION OF THE SOVIET SUBCIVILIZATION AS A NATURAL STAGE IN THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN EURASIAN CIVILIZATION

Sergey A. Kislitsyn

South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

kislizins@yandex.ru

Abstract. The unique Russian Eurasian civilization developed according to special patterns, starting from Ancient Rus, Muscovite Rus, the Moscow-Petersburg Empire, the Soviet civilization and up to post-Soviet Russia. A certain idea of the transformation of historical elites in the conditions of the early feudal monarchy, the estate-representative, absolutist monarchy, the communist system and post-Soviet development was formed. The political elite is considered by Marxists as the top part of the ruling class in each socio-economic system, including the USSR. In the works of V.I. Lenin there are characteristics of most elite groups, including the professional core of the new type of party that he created. After the revolution, the Bolshevik political elite gave a powerful impetus to the formation of a Soviet-type civilization - a stage in the development of the Russian Eurasian civilization. Led by the next generation of the communist elite, the Soviet system became the cumulative result of the activities of millions of Russian citizens. The intellectual stratum within the ruling party elite was constantly searching for new options for the country's development, which was manifested in the creation of platforms for various oppositions. The repressions of Stalinism directed the development of the elite and the system towards left-communist totalitarianism, which proved to be quite productive in the conditions of World War II. After the victorious Great Patriotic War, bureaucratization, overproduction and partial disintegration of the nomenclature elite intensified in the party. While the economy was developing steadily, even at a slow pace, there was no socio-political crisis, and the country's leadership refused to change the elites. The communist elite lost its leadership potential and authority among the people. During perestroika, a belated one-time renewal of the nomenclature elite began, which ended in the collapse of the party and the entire Soviet state. The newly created elitocracy has little in common with democracy and people's power; moreover, the concept of democratic elitism turned out to be a chimera. It has been revealed that the analysis of the process of elitogenesis in all its manifestations, especially in the Soviet period of development, is necessary to ensure the timely rotation of political elites and the implementation of social reforms.

Keywords: elite, spiritual elite, cultural elite, political elite, Bolshevik political elite, nomenclature, Soviet civilization, left-communist totalitarianism, Russian Eurasian civilization

For citation: Kislitsyn S.A. The Role of the Political, Intellectual and Spiritual Elite in the Formation of the Soviet Subcivilization as a Natural Stage in the Development of the Russian Eurasian Civilization. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2025;(1):86-97. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-86-97>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Признание российской цивилизации самобытной, развивающейся по особым закономерностям вызывает необходимость осмысления развития элитологической мысли Древней Руси, Московской Руси, Российской империи, советской и постсоветской России. Многие авторы проводили анализ влияния элиты на социальные и духовные процессы, формирование национальной идентичности, ее ведущую роль в развитии политического могущества Российского государства [1–4]. Их исходной позицией явилось понимание феномена элитарности и избранности как объективной, неизбежной и необходимой закономерности развития, противостоящей проявлениям известных всем тенденций эгалитаризма, социального равенства и коммунизма. В частности, А. Тойнби доказывал, что всё общество не может осознать актуальный исторический вызов, на который дает адекватный ответ именно творческое меньшинство – элита, ведущая за собой общество. При этом одна и та же элита никогда не способна дать успешный ответ на два исторических вызова подряд. Ответив успешно на первый вызов, творческая элита закономерно начинает «почивать на лаврах», паразитировать и загнивать [5, 6]. Некоторые авторы

предлагают использовать для характеристики элит дискусионные понятия «пассионарность» и «этногенез», предложенные Л. Гумилевым.

Г.К. Ашин отмечал, что термин «элита» в своем исходном значении означает авангард, передовую часть человечества. Отвлекаясь от односторонней трактовки элиты как группы политических лидеров, ее можно определять как авангард любой социальной общности человечества, страны, нации, ее наиболее активной части. Это творцы культурных норм, зачинатели социальных преобразований, те, кто выполняет роль разведчиков социума. Сказанное относится к элите не только человечества, но и биологических популяций. Это, безусловно, применимо и к элите культуры, интеллектуальной (научной) и духовной элитам, но не всегда к политической. Г.К. Ашин дал развернутую критику буржуазных теорий, оправдывающих концентрацию политической власти в руках кучки представителей финансовой олигархии и ее ставленников [1].

История советской политической элиты рассматривается в разных работах [2–4, 7, 8], однако в ряде позиций прослеживается односторонность оценок. Реальную роль политической элиты в развитии советского этапа российской евразийской цивилизации можно понять в контексте остальных периодов ее истории, начиная с древнерусской цивилизации. Современные авторы считают, что историческая элитология может и должна активно использовать принципы герменевтики и персонализма. В истории отечественной элитологической мысли выделяется значительный элемент культурного и религиозного контекста с присутствием на поздних этапах политического элитизма [3].

В последнее время появились статьи, посвященные анализу древнерусской религиозной «святости», политической доминации, культурно-философского детерминизма и социально-экономической иерархии. Есть мнение, что это необходимо, так как данное обстоятельство отличает российскую древнерусскую литературу [3].

Известны такие крупные мыслители, как Киевский митрополит Никифор, Епифаний Премудрый, Илларион Киевский, Кирилл Туровский, Даниил Заточник, Владимир Мономах, Нил Сорский, Серапион Владимирский, Сергей Радонежский. Именно духовная элита попыталась тогда впервые выразить свою национальную идею, определить свое место в мире. Она привержена таким православным традиционным ценностям, как соборность, духовность и государственнический патриотизм. Эти ценности и заложили идейную основу древнерусской цивилизации и так называемый цивилизационный код российской евразийской цивилизации [9].

На исходе феодальной раздробленности в междоусобной борьбе выкристаллизовывался правящий класс, а также интеллектуальная самобытность и духовная культура. Новый этап развития отечественной элитологической мысли был связан с формированием субцивилизации – Московской Руси. Исследователи находят в литературе этого времени темы социальной избранности, политического лидерства, национального самосознания и, разумеется, духовного и нравственного совершенства, духовной «святости». Происходит развитие и укрепление в рамках Русской православной церкви феномена духовной элиты Московской Руси. Она сформировала в условиях сословно-представительной монархии уникальную идеологию «Москва – Третий Рим», позволившую сакрализировать процесс объединения русских земель вокруг Москвы при Иване III.

К политической элите в Московской Руси относят боярство – самое привилегированное сословие «холопов государевых». В это время появились служилые князья, хотя и не имевшие прав на великокняжеский престол, и татарские царевичи, которые получали города в кормление. В конце XV в. привилегии бояр были урезаны, а свободы ограничены царской властью в целях недопущения междоусобной войны. Сильный удар по боярской аристократии нанес Иван Грозный в XVI в., в результате чего многие знатные боярские роды вымерли. Большой ущерб понесла и духовная элита во главе с митрополитом Филиппом II.

В эпоху становления русского централизованного государства, начиная с XVII в., шел поиск идей усиления политического могущества России, самодержавного господства и соборного единства народа. В творчестве мыслителей этого времени отражаются характеристики представителей элиты, высшего аристократического сообщества: Ивана Грозного, А.М. Курбского; служилых дворян Ф.И. Карпова, И.С. Пересветова, Г.К. Котошихина, Ю. Крижанича, А.Л. Ордина-Нащокина, И.С. Тимофеева; членов духовной элиты: Максима Грека, Авраамия Палицы-

на, Симеона Полоцкого. Очень важно правильно оценивать деятельность Иосифа Волоцкого и особенно патриарха Никона, попытавшегося конкурировать с самодержцем Алексеем Михайловичем в рамках «симфонии властей». Духовная элита в так называемый синодальный период играла огромную роль, хотя Петр I ликвидировал традиционный для сословно-представительной монархии институт патриаршества.

Абсолютный монарх Петр Великий и его новая дворянская служилая элита превратили Московию в Российскую империю. С точки зрения цивилизационного подхода исследователи выделяют московско-петербургский имперский этап развития евразийской русской цивилизации XVIII – XIX вв. В это время были утрачены некоторые традиционно-патриархальные культурные ценности и политические традиции, но обретены новые, европоцентристские. Инновационные политические взгляды Петра Великого, выраженные в Духовном регламенте, Табели о рангах, идеи Екатерины II, указанные в Наказе, произведения Ф. Прокоповича, И. Посошкова, В.Н. Татищева, позднее – Б.Н. Чичерина, Ф.И. Тютчева заложили основу для формирования элиты «регулярного государства». Конкретные характеристики элит сформулировали такие деятели, как М.А. Бакунин, В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Т.Н. Грановский, Н.Я. Данилевский, Н.А. Добролюбов, Н.М. Карамзин, П.А. Кропоткин, П.Л. Лавров, К.Н. Леонтьев, М.В. Ломоносов, Н.К. Михайловский, Н.И. Новиков, М.П. Погодин, В.С. Соловьев, С.М. Соловьев, П.Н. Ткачев, С. Н. Трубецкой, Н.Г. Чернышевский, М.М. Щербатов и др. Определенную роль сыграл и К.А. Скальковский, автор одной из первых российских книг об элите [10].

Высшее образование по-прежнему выступало основой рекрутирования элиты. Я. Кусбер подчеркивает особую роль не только образования, но и воспитания элит [11]. Помимо того, была важна длительная служба и карьера в соответствии с официальной Табелью о рангах, являвшейся частью механизма формирования элиты. Продвижение по иерархической лестнице званий способствовало возникновению социального слоя, базирующегося на профессиональных успехах, – служилого дворянства. В соответствии с этим возникла *меритократия* – элита заслуг. Для достижения высоких рангов требовались знания, навыки и профессиональная подготовка, что повлияло на развитие новой интеллектуальной и научной элиты. Золотой и серебряный века русской культуры позволяют говорить об особом этапе русской евразийской цивилизации. В произведениях деятелей культуры и религии того времени обнаруживаются элитологические идеи, не уступающие по уровню осмысления трудам политических или научных деятелей.

Однако именно в этот период происходит более глубокая дифференциация элиты, в рамках которой появляются субэлиты: придворная, дворянская, военная, думская, казачья, духовная, экономическая и другие общности. Функционируя в известном отрыве друг от друга, они в начале XX в. в большей или меньшей мере переживали глубокий кризис. Третьеиюньский переворот, убийство Столыпина, распутинщина и другие явления стали предпосылками грядущей революции. В конце XIX в. зародились и новые партийные контр- и антиэлиты, за которыми, как оказалось, стояло будущее страны.

К XX в. относится творчество таких деятелей политики и науки, как Н.А. Бердяев, Г.П. Федотов, М.М. Бахтин, А.Е. Вандам, С.Ю. Витте, Б.П. Вышеславцев, С.И. Гессен, Л.Н. Гумилев, П.Н. Дурново, И.А. Ильин, Н.И. Кареев, В.О. Ключевский, М.М. Ковалевский, П.А. Кропоткин, Д.С. Лихачев, Ю.О. Мартов, П.Н. Миллюков, П.И. Новгородцев, М.Я. Острогорский, Г.В. Плеханов, С.О. Португейс. Многие из них были членами различных субэлит, поэтому возникло «стихийное элитологическое творчество», связанное с рефлексией выдающейся личности относительно природы своего творчества и его места в истории [3].

Особое значение имеет вопрос отношения марксизма к элитологической парадигме. Известно, что классики элитологии Парето, Моска отрицали классовую борьбу и считали, что движущей силой истории является борьба элит и контрэлит. Однако марксизм принципиально не отрицает понятия «элита», хотя и не приветствует. Политическая элита логично рассматривается марксистами как верхушечная часть господствующего класса, функционирующая в каждой социально-экономической системе. Классики марксизма не ставили задачей специальное изучение элитных групп фракций и страт буржуазии, потому что они должны были в будущем уйти в небытие в ходе социальной революции вместе со всем свергнутым эксплуататорским классом. Но тем не менее в работах марксистов можно найти характеристики элитных групп.

Так, К. Маркс характеризовал элиты, используя термины-синонимы «французская буржуазия», «фракция французской буржуазии», и перечислял, кто к ней относится [12, с. 8–11]. В.И. Ленин писал о финансовой олигархии в контексте анализа господствующего класса. Придворные разлагающиеся верхи России он оценивал так: «цинизм и разврат царской шайки с чудовищным Распутиным во главе ее, все зверство семьи Романовых – этих погромщиков, заливших Россию кровью евреев, рабочих, революционеров, этих “первых среди равных” помещиков, обладающих миллионами десятин земли и идущих на все зверства, на все преступления, на разорение и удушение любого числа граждан ради сохранения этой своей и своего класса “священной собственности”» [13, с. 12]. Такой подход поддержан и сегодня: все современные элиты закономерно принадлежат к господствующему классу и связаны с ним происхождением, социальной средой, идеологическими и личными отношениями.

В.И. Ленин зафиксировал появление и большевистской политической элиты на основе организованного им сообщества профессиональных пролетарских революционеров. На наш взгляд, в дореволюционный период во многом благодаря Ленину было сформировано ядро большевистской партии из революционеров-интеллигентов, рабочих-передовиков и маргинальных люмпен-интеллигентов. Первоначально оно относилось к антиэлите, так как выступало против элитизма как части системы социального неравенства. В феврале – сентябре 1917 г. ядро превратилось в контрэлиту, которая шла к власти. После переворота большевистская контрэлита стала правящей. Но в ее среде появились оппозиционные группировки и, как результат, возникла внутренняя большевистская контрэлита. В ее состав входили разные уклонисты и фракционеры, но прежде всего объединенная троцкистско-зиновьевская оппозиция 1927 г. [4, с. 120–125]. Это было опасное явление для судьбы новой правящей партии. В. И. Ленин пророчески писал в 1922 г., что политика большевистской партии определяется не её составом, а «громдным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией» [14, с. 20].

Обычно к этому слою относят соратников Ленина, большевиков с дореволюционным стажем, активно участвовавших в революциях и Гражданской войне: около 1000 членов и кандидатов в члены Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) – специфического большевистского парламента 1920-х гг. Большевики в своей самоидентификации исходили из марксистского понимания классовой сущности политических элит. Ближайший соратник Ленина Н.И. Бухарин знал теорию элит В. Парето и использовал ее в своих трудах по историческому материализму. А. Луначарский оправдывал возникновение новой большевистской элиты как «духовной аристократии рабочего класса». Сталин говорил о высших большевистских руководителях как об «Антеях» рабочего класса, а о секретарях первичных организаций – как «унтер-офицерах» партии и т.д. В ходе форсированной модернизации СССР Сталин стал считать старых большевиков тормозом, двурушниками и подвергать их диффамации.

Л.Д. Троцкий характеризовал советскую бюрократию в качестве специфической касты, возникшей на основе привилегированных групп, наиболее нужных стране в сложных условиях конца 1910 – начала 1920-х гг. Партийная бюрократия во главе со Сталиным подчинила себе эту группу деятелей, затем ее собственному аппарату и слила последний с аппаратом государства. Л.Д. Троцкий пытался во главе «ленинской коммунистической оппозиции», т. е. контрэлиты, развернуть борьбу с «термидорианским» перерождением советского строя, но потерпел поражение. Вокруг Н.И. Бухарина в конце 1920-х гг. сложилась контрэлитная группа нэповски ориентированных большевиков и «школа молодых профессоров», которые были изгнаны из партии. В эмиграции Троцкий убеждал членов экспертной комиссии Дьюи в ходе так называемого контрпроцесса, что в СССР сложилась привилегированная правящая каста сталинских бюрократов [15, с. 44].

Трансформация победившего сталинского большинства с последующим превращением его в «иерархию партийных секретарей», «замкнутую касту» была проанализирована Л.Д. Троцким, Х.Г. Раковским, Н.И. Бухариным, М.Н. Рютиным, деятелями антибольшевистской эмиграции и др. Диктатура пролетариата не просто стала диктатурой большевистской элиты, в ее рамках утвердилась диктатура одного вождя. В [16] на основе документов и высказываний Сталина показано, что он сознательно уничтожил Г.К. Орджоникидзе, Н.И. Бухарина,

С.И. Сырцова, В.В. Ломинадзе, Б.П. Шеболдаева и другие старые кадры как «двурешников», высказывавших сомнения в его курсе на раскулачивание и личную диктатуру [16]. Во второй половине 1930-х гг. генсек партии повел насильственную ротацию элит, уничтожив почти полностью большевистскую элиту. Репрессии сталинизма повлекли за собой развитие элиты и системы в духе левокоммунистического тоталитаризма, который, однако, оказался продуктивным в условиях Второй мировой войны. После нее усилилась бюрократизация, переобразование и частичное разложение номенклатурной элиты.

В конце 1940 – начале 1950-х гг. Сталин планировал новую репрессивную ротацию высших руководителей, начиная с «Ленинградского дела». Но его смерть спасла обреченных на гибель В.М. Молотова, А.И. Микояна и всю элитную верхушку.

Большевистская политическая элита дала мощный импульс формированию советской цивилизации как этапа развития российской евразийской цивилизации. Интеллектуальная прослойка в составе номенклатурной элиты правящей коммунистической партии на стадии утверждения большевистского режима в политической системе СССР находилась в постоянном поиске новых вариантов развития страны, что проявилось в создании платформ различных оппозиций. Они становились центрами притяжения для образованной части большевистской молодежи, создавая свои школы и группы. Яркие примеры большевистской научной/политической контрэлиты – выдающиеся деятели партии и крупные интеллектуалы А.А. Богданов, В. Бонч-Бруевич, Л.Б. Каменев, В.И. Невский, Д.Б. Рязанов, К.Б. Радек, А.В. Луначарский, М.Н. Покровский, Г.М. Кржижановский, Е.А. Преображенский, Х. Раковский, И. Скворцов-Степанов и др. «Обновленная» с помощью репрессий и рекрутирования сталинских выдвинутцев научная элита была институционализирована в государственной Академии наук. В 1930–1950-х гг. научную элиту, особенно ту ее часть, которая работала над оборонными проектами, включили в привилегированный номенклатурный слой, который в итоге приобрел технократические черты [17].

Несомненно, возглавляемый элитой советский строй явился совокупным результатом деятельности миллионов граждан России. Возникшее общество, несмотря на свою специфику, стало продуктом естественно-исторического развития евразийской российской цивилизации. Народы геополитического преемника Российской империи – СССР существовали в рамках такой цивилизационной волны, которая еще в большей степени отходила от западных схем, чем российская традиционная цивилизация. В первой половине XX в. на новую советскую общность огромное влияние оказала негативная внешнеполитическая среда, которая поставила ее в условия вооруженной борьбы за существование и выживание. Мобилизационно-революционный характер развития Советской России на основе эксплуатации временного революционного энтузиазма одной части масс и принудительного подчинения другой стал характерным качеством этого общества. Советское общество, безусловно, несло на себе выраженную печать левокоммунистического тоталитаризма, но вместе с тем невозможно отрицать, что оно гарантировало трудящимся определенный социальный минимум, в том числе реализацию права на труд, бесплатное образование и здравоохранение, отдых и жилье.

Великая Отечественная война и развязанная холодная война вновь создали крайне неблагоприятные условия для воплощения социалистической идеи в ее первоначальном виде – и это снова стимулировало мобилизационный характер развития общества. С началом хрущевской десталинизации политическая система обновилась, но возрождения прав личности, ее собственности и свобод не произошло. В СССР была утверждена свойственная аграрным цивилизациям коллективистская и уравнилельная психология, имеющая глубокие исторические корни [18].

Советская цивилизация в основном соответствует традиционной для России общинной цивилизации. Главный политический орган советской цивилизации – советы, подчеркивает С. Кара-Мурза, происходит от крестьянской общины [19]. Эта цивилизация, по мнению Н. Бердяева, сформировалась в ходе сознательного эксперимента большевистских политиков. В 1937 г. по указанию Сталина была переведена и издана в СССР монография С. и Б. Вебб [20]. Плодотворную идею подхватили и в проекте программы партии 1947 г.: СССР как спаситель мировой цивилизации от фашизма «является оплотом культуры и цивилизации современного человечества» [21, с. 55].

В 1961 г. XXII съезд КПСС принял Моральный кодекс строителя коммунизма – официальный свод принципов коммунистической морали. Все они имеют четкое сходство с христианскими цивилизационными предписаниями, кроме первого: «возлюби Господа Бога твоего». Использование косвенным образом постулатов христианства не означает, что советская цивилизация носит православный характер, особенно если учесть периодические гонения партии на церковь [22]. Возможно, по этой причине П. Сорокин, А. Тойнби, С. Хантингтон, Ю. Яковец употребляют понятие православно-христианской, русской православной, византийско-православной цивилизации. Однако все-таки очевидна контекстная близость этих формулировок применительно к советскому времени. Сложившийся советский архетип культуры базировался на сохранившихся в государственной идеологии функциях православия при формальном его отрицании. Элементы русской патриотической идеи («Навеки сплотила великая Русь») придавали социалистической идеологии «священный» смысл. Советский марксизм был, по мнению ряда историков, своеобразной религией, не подлежащей критике, обновлению, совершенствованию с позиций новых условий и требований научно-технического прогресса.

Советская повседневность брежневской эпохи, по мнению А.Б. Безбородова, по ряду аспектов была приближена к требованиям российской цивилизации [23]. В 1960–1980-х гг. возник уже новый, изменившийся тип общества, с трансформировавшимися признаками общецивилизационного комплекса. Государство рассматривалось не как инструмент диктатуры одного класса, а как система управления обществом с позиций декларированных общенародных интересов. В социальной структуре СССР наблюдалось стирание классовых перегородок и реальный отход от классовой модели общества. Отношения общенародной собственности постепенно превращались в надклассовый институт, формально регулирующий социальное взаимодействие. В стране усиленно развивался социалистический культурный архетип, содержащий в превращенном виде общечеловеческие идеалы. Несмотря на цензуру и давление властей, создавались выдающиеся произведения литературы, кино, театра, живописи и т. д. Население СССР рассматривалось как уникальный социально-психологический феномен – «советский народ», что позитивно воспринималось большинством. В СССР отсутствовали межнациональные войны и крупные вооруженные конфликты, сепаратизм успешно подавлялся без выраженных последствий. Главным источником развития страны стали не мобилизации и террор, а усиленная эксплуатация недр и ресурсов. Однако полный отказ от частной собственности, цивилизованных рыночных отношений, окостенение политической системы и идеологии, сохранение традиций сталинизма, загнивание политической элиты не позволили создать механизм саморегуляции советского общества и ввергли его в системный кризис.

М.П. Мчедлов сделал попытку полного концептуального оформления советской цивилизации [24]. Но его идея – социалистическая цивилизация как первая ступень коммунистической цивилизации – не получила должной оценки КПСС. В рамках однопартийной политической системы на основе высшей партаппаратной бюрократии сформировалась своя замкнутая политическая элита. Геронтократическая часть высшей элиты не поняла и не приняла этот концепт.

Между тем в общественно-политической литературе, как в советской, так и в эмигрантской, широко обсуждался уникальный феномен советского человека – носителя советской цивилизации [25–34].

В конечном счете в КПСС, в полном соответствии с элитологической теорией Р. Михельса, сложился и деградировал высший слой номенклатуры – партийная олигархия. Югославский соратник Тито и Сталина М. Джилас осветил в 1957 г. развитие в коммунистических странах «нового класса» – номенклатурной бюрократии. Н.С. Хрущев после разоблачения сталинизма не только реабилитировал большевистскую элиту, но и попытался выдвинуть сталинских олигархов из власти, осуществить коллективное руководство, используя для этого разные меры, например ограничение сроков нахождения у власти. Он не выдержал до конца этот курс, но благодаря его реформам новое руководство коллективно сняло его с должности первого секретаря ЦК КПСС, оставив на свободе. Политическая элита позднесоветского времени формировалась на основе следующих принципов: верность идеям партии, преданность политическому руководству, опыт успешной предшествующей руководящей работы и, конечно, качественное высшее партийное образование.

В советское время тоже существовала номенклатурная «табель о рангах», которая не освещалась в открытой печати. При каждом комитете партии – районном, областном, республиканском и ЦК – существовала своя фиксированная номенклатура или перечень должностей, замещавшихся проверенными и отобранными по названным критериям кадрами. Переход из одного списка в другой осуществлялся по мере оценки деятельности, фиксированных достижений и повышения уровня образования в партийной системе. В этой системе существовали советские и партийные школы, областные партсовшколы. В них учебный процесс строился исходя из уровня подготовки слушателей: на базе высшего гражданского технического образования давалось высшее партийно-политическое образование (с 2-годовалым сроком обучения в Высшей партийной школе (ВППШ)); на базе среднего – высшее общее и партийно-политическое образование с 4-годовалым сроком обучения в ВППШ. Академия общественных наук при ЦК КПСС предназначалась для членов высшего партаппарата. Однако подготовка в системе номенклатурного партийного образования политических управленцев не привела к созданию креативного слоя кадров, способных вывести СССР из надвигающегося кризиса. Стало ясно, что высшие руководители должны продвигаться на высшие ступени элиты в рамках политической системы в первую очередь в соответствии с интеллектуальными способностями и качествами.

Оценки кадров партии Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, К.У. Черненко отражали консервативно-догматический подход к проблеме номенклатуры. Этому способствовало то обстоятельство, что в условиях плебисцитарной системы советской демократии в высшие органы власти проходили кандидаты на основе прямого, всеобщего и тайного голосования, что обеспечивало легитимность элиты. До тех пор пока шло поступательное развитие экономики, пусть даже замедленными темпами, кризиса не наблюдалось, и руководство страны тянуло до предела смену элит. С приходом к власти М.С. Горбачева началось запоздалое обновление номенклатурных верхов, которое закончилось развалом правящей партии и всего Советского государства.

Бывший член высшего руководства КПСС Б.Н. Ельцин сломал партийно-советскую систему, разогнал Верховный Совет, запретил КПСС и создал новобуржуазную, коррупционную элиту. На основе остатков старой элиты сформировалась новая верхушка общества, в ряды которой попали представители либеральной оппозиции, маргинальных слоев общества и криминалитета. В принципе опосредованно (через поколение элиты) оправдался через 60 лет известный прогноз Л.Д. Троцкого – «термидорианское» перерождение бюрократической верхушки партии привело в конечном счете к гибели КПСС и СССР, реставрации капитализма и даже к новым гражданским войнам. Вырождение советской цивилизации обусловили, наряду с другими причинами, леность и консерватизм, ограниченность и эгоизм правящей элиты, потерявшей первоначальный импульс (по Тойнби) и пассионарность (по Гумилеву). Коммунистическая элита потерпела экзистенциальное поражение, вместе с ней погибла созданная при ее непосредственном участии советская субцивилизация. Пришедшее к власти новое поколение элиты и вовсе отказалось от идей социализма и коммунизма. Но глобальная российская евразийская цивилизация не исчезла, а вступила в новый этап своего развития. В этом контексте знаковыми событиями стали образование Евразийского экономического союза, Союза России и Белоруссии и Организации Договора о коллективной безопасности.

Современная отечественная элитологическая наука рассматривает с новых позиций формулу элитарности, оказывающую доминирующее влияние на развитие национальной идеи, общества и государства. Изучаются такие понятия, как кадровый резерв российской элиты, клиентелизм, научная элита, номенклатура, проблемы трансформации новой элиты России, опорный класс, политический класс, контрэлита и антиэлита.

В условиях индустриального и современного постиндустриального развития западной цивилизации наблюдается деградирующее функционирование политических, экономических, военных и других элит. В США функционирует глубинное государство – суперэлита, верхушка «золотого миллиарда», которая осуществила пресловутую «гендерную» революцию, развязала локальные войны и неонацистский переворот на Украине и поэтому никак не может считаться моральным авангардом человечества. Существуют сомнения в отношении моральности и прогрессивности элиты новорусской буржуазии, крупного финансового и промышленного капитала, обреченного немалую часть населения на бесправие и нищету.

Интересный взгляд на контрэлиты представил американский политолог, русский эмигрант П. Турчин [35]. Свое исследование назревающего кризиса в США и других странах он начал с освещения перепроизводства элит, которое возникает, когда спрос на влиятельные позиции существенно превышает предложение. Когда верхушка социальной пирамиды становится непропорционально тяжелой, это негативно отражается на стабильности всего общества. Автор подчеркивает, что перепроизводство элит – это лишь половина проблемы, и вводит вторую переменную нашей модели – обнищание населения. Вступление Америки в эпоху снижения доходов повлияло не только на экономические, но и на биологические и социальные показатели. Количество «смертей отчаяния» (от самоубийств, алкоголизма и передозировки наркотиками) подскочило среди американцев без высшего образования с 2000 по 2016 г., тогда как среди образованных осталось на прежнем уровне. Массовое обнищание порождает недовольство, которое со временем перерастает в злобу. Эти оценки актуальны не только для США.

Оценку современной элите дал и президент РФ В.В. Путин: «Вы знаете, что слово “элита” во многом себя дискредитировало. Теми, кто, не имея никаких заслуг перед обществом, считает себя какой-то кастой с особыми правами и привилегиями, особенно имею в виду тех, кто в предыдущие годы набил карманы за счет всяких процессов в экономике 90-х годов, они точно не элита ... подлинная, настоящая элита – это все, кто служит России, труженики и воины, надежные, проверенные, делом доказавшие свою преданность России, достойные люди ... Они и должны выходить на ведущие позиции и в системе образования и воспитания молодежи, и в общественных объединениях, в госкомпаниях, в бизнесе, в государственном и муниципальном управлении, возглавлять регионы, предприятия в конечном итоге, самые крупные отечественные проекты» [36]. Элита страны должна формироваться из участников специальной военной операции, в том числе с помощью специальной кадровой программы «Время героев».

В последнее время стала набирать силу возрождающаяся духовная элита во главе с патриархом Кириллом. Она поддержала специальную военную операцию России на Украине, активизировала собственную социальную политику. Роль духовенства в развитии российской евразийской цивилизации на всех его этапах заключалась в коррекции основных ценностных ориентаций общества, определении духовно-нравственной парадигмы сообщества. В отдельные периоды церковь обеспечивала сакрализацию власти и легитимность политической элиты. Она сдерживает деструктивные устремления, осуществляет передачу духовного опыта от поколения к поколению, сохраняет культурно-историческое наследие.

В.В. Путин отметил, что плутократические элиты привыкли стремиться заморозить несправедливое положение дел в международных делах, но они должны понять, что «бал вампиров» заканчивается. Некоторые элитологи считают, что историческая миссия науки об элите и элитности заключается в том, чтобы объяснить обществу, почему им управляют именно эти, а не другие элиты, а самим элитам дать представление, какими они должны быть на самом деле, если реально желают быть лучшими. Последнее утверждение верно, но только частично. Как говорили классики, «философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» [37, с. 4]. И элиты не исключение.

Важно расширять научное представление о старой и новой политической элите России, проблемах трансформации всех исторических элит в контексте развития российской евразийской цивилизации. Необходим конкретный анализ контрэлит и антиэлит, которые реально сопровождали функционирование и кризисы политических элит, о чем говорил классик элитологии В. Парето. Реальная элитократия имеет мало общего с подлинной демократией и народовластием, более того, концепция демократического элитизма оказалась химерой. Поэтому изучение процесса элитогенеза во всех проявлениях крайне необходимо для анализа и совершенствования политических режимов, обеспечения своевременной ротации политических элит и проведения социальных реформ.

Список источников

1. Ашин Г.К. Современные теории элиты: критический очерк. М.: Междунар. отношения, 1985. 256 с.
2. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. 446 с.

3. История отечественной элитологической мысли : энцикл. словарь / Н. А. Баранов, А. В. Баранов, В. В. Бобылев [и др.]; под ред. П.Л. Карабущенко, А.В. Понеделкова. М.: ИНФРА-М, 2022. 675 с.
4. *Кислицын С.А., Лубский А.В.* Элиты и контрэлиты России. Вопросы теории и политической практики. Ростов н/Д.: Дониздат, 2014. 326 с.
5. *Тойнби А.* Исследование истории: возникновение, рост и распад цивилизаций / пер. с англ. К.Я. Кожурина. М.: АСТ, 2009. Т. 1. 670 с.
6. *Тойнби А.* Исследование истории: цивилизации во времени и пространстве / пер. с англ. К.Я. Кожурина. М.: АСТ, 2011. Т. 2. 863 с.
7. *Восленский М.* Номенклатура: господствующий класс Советского Союза. М.: Октябрь, Сов. Россия, 1991. 622 с.
8. Российская историческая политология : курс лекций / И.В. Ватин, Ю.Г. Волков, В.В. Гаташов [и др.]; отв. ред. и сост. С.А. Кислицын. Ростов н/Д.: Феникс, 1998. 605 с.
9. *Аблеев С.Р.* Евразийская Россия: философские смыслы метаистории и геополитики. М.: Московский ун-т Министерства внутренних дел РФ им. В.Я. Кикотя, 2023. 296 с.
10. *Скальковский К.А.* Наши государственные и общественные деятели. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1891. 586 с.
11. *Кусбер Я.* Воспитание элит и народное образование в Российской империи XVIII – первой половины XIX века: дискурс, законодательство, реальность / пер. с нем. А. И. Савина. М.: РОССПЭН, 2018. 613 с.
12. *Маркс К. Энгельс Ф.* Соч. : в 30 т. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 7. 669 с.
13. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. М.: Госполитиздат, 1962. Т. 31.
14. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. М.: Госполитиздат, 1964. Т. 45. 729 с.
15. Контрпроцесс Троцкого: стенограмма слушаний по обвинениям, выдвинутым на московских процессах 1930-х / пер. с англ. А. Д. Зверева и О. О. Комолова. М.: URSS, 2017. 604 с.
16. *Кислицын С.А.* Партийная фронда под секирой НКВД. Киров, Орджоникидзе, Бухарин, деятели Азово-Черноморского края в политических репрессиях второй половины 1930-х гг. М.: Полит. энциклопедия, 2023. 422 с.
17. *Кислицын С. А., Черкасова Т. П., Кондратенко Е. Н.* Взаимодействие научной элиты, контрэлиты и интеллектуальной фронды в процессах трансформации советского общества в 1921–1991 гг. // Власть. 2021. Т. 29, № 5. С. 138–150. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i5.8549>
18. *Кислицын С.А.* Существовала ли советская цивилизация? // История России в вопросах и ответах / сост. С.А. Кислицын. Ростов н/Д.: Феникс, 1999. С. 493–494.
19. *Кара-Мурза С.* Советская цивилизация. М.: ЭКСМО-Пресс: Алгоритм, 2002. Кн. 1. 537 с.
20. *Вебб С., Вебб Б.* Советский коммунизм – новая цивилизация? : пер. с англ. : в 2 т. М.: Соцэкгиз, 1937. Т. 1. 447 с. Т. 2. 589 с.
21. Сталинское экономическое наследие: планы и дискуссии. 1947–1953 гг.: документы и материалы / сост. В.В. Журавлев, Л.Н. Лазарева. М.: РОССПЭН, 2017. 646 с.
22. *Вахитов Р.* Советский мир. URL: <https://www.sonar2050.org/publications/sovetskiy-mir/?ysclid=m05kc4h24m788894460> (дата обращения: 12.01.2025).
23. *Безбородов А.Б.* Советская эпоха в истории России: исторический опыт и современность, исследование и документы. М.: РОССПЭН, 2017. 438 с.
24. *Мчедлов М.П.* Социализм – становление нового типа цивилизации. М.: Политиздат, 1980. 264 с.
25. *Геллер М.* Машина и винтики: история формирования советского человека. М.: МИК, 1994. 335 с.
26. *Зиновьев А.А.* Гомо советикус. Lausanne: L'Âge d'homme, 1982. 199 с.
27. *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. М.: АСТ, 2018. 429 с.
28. *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм: социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2001. 332 с.
29. *Пыжиков А.В.* Хрущевская «оттепель», 1953–1964. М.: ОЛМА-Пресс, 2002. 509 с.
30. *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945–1953. М.: РОССПЭН, 2000. 229 с.
31. Человек советский: за и против = Homo soveticus: pro et contra / В. М. Амиров, А. В. Антошин, Ж. Димеши [и др.]; под общ. ред. Ю. В. Матвеевой, Ю. А. Русиной. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2021. 410 с.
32. Исторический опыт развития советской цивилизации / ред. М. Ю. Карпухин, К. П. Стожко. Екатеринбург: Изд-во Уральского ГАУ, 2021. 449 с.
33. *Багдасарян В. Э., Реснянский С. И.* Советский Союз как цивилизация: от расцвета до заката. М.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2022. 325 с.
34. Советская цивилизация и евразийская идея: две истории длиной в век (к 100-летию образования СССР и становления евразийства) / К.Б. Ермишина, И.Ф. Кефели [и др.]; ред.-сост. И. Ф. Кефели. СПб.: Петрополис, 2022. 532 с.

35. Турчин П. Конец времен. Элиты, контрэлиты и путь политического распада. М.: URSS, 2024. 432 с.
36. Послание Президента Федеральному Собранию. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585> (дата обращения: 12.01.2025).
37. Маркс К., Энгельс Э. Соч. : в 30 т. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 3. 630 с.

References

1. Ashin G.K. *Modern theories of the elite: a critical essay*. Moscow: International Relations; 1985. 256 p. (In Russ.).
2. Gaman-Golutvina O.V. *Political elites of Russia: milestones in historical evolution*. Moscow: Russian Political Encyclopedia; 2006. 446 p. (In Russ.).
3. Baranov N.A., Baranov A.V., Bobylev V.V. et al. *History of domestic elitological thought: encyclical dictionary*. P.L. Karabushchenko, A.V. Ponedelkov (Eds.). Moscow: INFRA-M; 2022. 675 p. (In Russ.).
4. Kislitsyn S.A., Lubsy A.V. *Elites and counter-elites of Russia. Issues of theory and political practice*. Rostov-on-Don: Don Publishing House; 2014. 326 p. (In Russ.).
5. Toynbee A. *A study of history: the rise, growth, and collapse of civilizations*. Transl. from English by K.Ya. Kozhurin. Moscow: AST; 2009, vol. 1. 670 p. (In Russ.).
6. Toynbee A. *A study of history: civilizations in time and space*. Transl. from English by K.Ya. Kozhurin. Moscow: AST; 2011, vol. 2. 863 p. (In Russ.).
7. Voslensky M. *Nomenclature: The Ruling Class of the Soviet Union*. Moscow: October, Soviet Russia; 1991. 622 p. (In Russ.).
8. Vatin I.V., Volkov Yu.G., Gatashov V.V. et al. *Russian historical political science: a course of lectures*. S.A. Kislitsyn (Ed., comp.). Rostov-on-Don: Phoenix; 1998. 605 p. (In Russ.).
9. Ableev S.R. *Eurasian Russia: philosophical meanings of metahistory and geopolitics*. Moscow: Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 2023. 296 p. (In Russ.).
10. Skalkovsky K.A. *Our statesmen and public figures*. St. Petersburg: Printing House of A.S. Suvorin; 1891. 586 p. (In Russ.).
11. Kusber Ya. *Education of elites and public education in the Russian Empire of the 18th - first half of the 19th century: discourse, legislation, reality*. Transl. from German by A.I. Savin. Moscow: Russian Political Encyclopedia; 2018. 613 p. (In Russ.).
12. Marx K., Engels F. Works: in 30 vols. Moscow: State Political Publishing House; 1956, vol. 7. 669 p. (In Russ.).
13. Lenin V.I. *Complete collected works*. Moscow: State Political Publishing House; 1962, vol. 31. (In Russ.).
14. Lenin V.I. *Complete collected works*. Moscow: State Political Publishing House; 1964, vol. 45. 729 p. (In Russ.).
15. *Trotsky's counter-trial: transcript of the hearings on the charges brought up at the Moscow trials of the 1930s*. Transl. from English by A.D. Zverev and O.O. Komolov. Moscow: URSS; 2017. 604 p. (In Russ.).
16. Kislitsyn S.A. *Party opposition under the axe of the NKVD. Kirov, Ordzhonikidze, Bukharin, figures of the Azov-Black Sea region in the political repressions of the second half of the 1930s*. Moscow: Political Encyclopedia; 2023. 422 p. (In Russ.).
17. Kislitsyn S.A., Cherkasova T.P., Kondratenko E.N. Interaction of the scientific elite, counter-elite and intellectual opposition in the processes of transformation of Soviet society in 1921-1991. *Power*. 2021;29(5):138-150. (In Russ.). <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i5.8549>
18. Kislitsyn S.A. Did the Soviet civilization exist? *History of Russia in questions and answers*. Comp. by S.A. Kislitsyn. Rostov-on-Don: Phoenix; 1999:493-494. (In Russ.).
19. Kara-Murza S. *Soviet civilization*. Moscow: EKSMO-Press: Algorithm; 2002, book 1. 537 p. (In Russ.).
20. Webb S., Webb B. *Soviet communism – a new civilization?* Transl. from English: in 2 vols. Moscow: Publishing House of Social and Economic Literature; 1937, vol. 1. 447 p.; vol. 2. 589 p. (In Russ.).
21. Zhuravlev V.V., Lazareva L.N., comp. *Stalin's economic legacy: plans and discussions. 1947-1953: documents and materials*. Moscow: Russian Political Encyclopedia, 2017. 646 p. (In Russ.).
22. Vakhitov R. *Soviet world*. Available from: <https://www.sonar2050.org/publications/sovetskiy-mir/?ysclid=m05kc4h24m788894460> [Accessed 12th January 2025]. (In Russ.).
23. Bezborodov A.B. *Soviet era in the history of Russia: historical experience and modernity, research and documents*. Moscow: Russian Political Encyclopedia; 2017. 438 p. (In Russ.).
24. Mchedlov M.P. *Socialism - the formation of a new type of civilization*. Moscow: Political Publishing House; 1980. 264 p. (In Russ.).
25. Geller M. *Machine and screws: the history of the formation of the Soviet man*. Moscow: International Intellectual Book; 1994. 335 p. (In Russ.).
26. Zinoviev A.A. *Homo sovieticus*. Lausanne: L'Âge d'homme; 1982. 199 p.

27. Weil P., Genis A. *60s. The world of the Soviet man*. Moscow: AST; 2018. 429 p. (In Russ.).
28. Fitzpatrick Sh. *Everyday Stalinism: a social history of Soviet Russia in the 1930s: the City*. Moscow: Russian Political Encyclopedia; 2001. 332 p. (In Russ.).
29. Pyzhikov A.V. *The Khrushchev "Thaw", 1953-1964*. Moscow: OLMA-Press; 2002. 509 p. (In Russ.).
30. Zubkova E.Yu. *Post-war soviet society: politics and everyday life, 1945-1953*. Moscow: Russian Political Encyclopedia; 2000. 229 p. (In Russ.).
31. Amirov V.M., Antoshin A.V., Dimeshi J. et al. *Homo Sovieticus: pro et contra*. Yu.V. Matveeva, Yu.A. Rusina (Eds.). Yekaterinburg: Ural University Publishing House; 2021. 410 p. (In Russ.).
32. Karpukhin M.Yu., Stozhko K.P., eds. *Historical experience of the development of Soviet civilization*. Yekaterinburg: Ural State Agrarian University Publishing House; 2021. 449 p. (In Russ.).
33. Baghdasaryan V.E., Resnyansky S.I. *The Soviet Union as a civilization: from rise to fall*. Moscow: Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Academy; 2022. 325 p. (In Russ.).
34. Ermishina K.B., Kefeli I.F. et al. *Soviet civilization and the Eurasian idea: two stories spanning a century (on the 100th anniversary of the formation of the USSR and the emergence of Eurasianism)*. I.F. Kefeli (Ed., comp.). St. Petersburg: Petropolis; 2022. 532 p. (In Russ.).
35. Turchin P. *The end of times. Elites, counter-elites, and the path of political disintegration*. Moscow: URSS; 2024. 432 p. (In Russ.).
36. *Presidential Address to the Federal Assembly*. Available from: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585> [Accessed 12th January 2025]. (In Russ.).
37. Marx K., Engels E. *Works: in 30 vols*. Moscow: State Political Publishing House; 1955, vol. 3. 630 p. (In Russ.).

Информация об авторе

С.А. Кислицын – доктор исторических наук, профессор.

Information about the author

S.A. Kislitsyn – Doctor of Science (History), Professor.

Статья поступила в редакцию 04.02.2025; одобрена после рецензирования 21.02.2025; принята к публикации 04.03.2025.
The article was submitted 04.02.2025; approved after reviewing 21.02.2025; accepted for publication 04.03.2025.

Научная статья
УДК 623.454.86
<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-98-104>

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Светлана Ивановна Кузина^{1✉}, Евгений Александрович Паламарчук²,
Ирина Анатольевна Семенцова³

¹ Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

^{2,3} Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Ростов-на-Дону, Россия

^{1,2,3} Филиал Московского университета им. С. Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону, Ростов-на-Дону, Россия

² Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹ svivk@yandex.ru ✉

² epalamar@mail.ru

³ irina_semen@inbox.ru

Аннотация. Объектом исследования является исторически меняющаяся политика России в сфере обращения с ядерным оружием. Цель статьи – исследовать и уточнить действие российских и международных норм в области нераспространения ядерного оружия. В ходе исследования использован диалектический метод научного познания, а также ряд частнонаучных методов: исторический, логический, нормативно-правовой и др. Рассмотрены вопросы развития российской ядерной доктрины, а также международные договоры, направленные на сдерживание гонки ядерных вооружений. Исследована проблема необходимости новых подходов в российской политике применения ядерного оружия в целях обеспечения национальной безопасности. Отмечается, что современная международная военно-политическая обстановка напоминает Карибский кризис 1962 г. Проводится анализ причин сложившейся ситуации и обосновываются шаги, предпринятые российским руководством по дальнейшему развитию политики ядерного сдерживания.

Ключевые слова: ядерная доктрина, ядерное сдерживание, ядерные державы, международные договоры, военная доктрина, национальная безопасность

Для цитирования: Кузина С.И., Паламарчук Е.А., Семенцова И.А. Российская политика ядерного сдерживания: история и перспективы // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 1. С. 98–104. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-98-104>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

RUSSIAN NUCLEAR DETERRENCE POLICY: HISTORY AND PROSPECTS

Svetlana I. Kuzina^{1✉}, Evgeny A. Palamarchuk², Irina A. Sementsova³

¹ South Russian Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia

^{2,3} Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Rostov-on-Don, Russia

^{1,2,3} Branch of Witte Moscow University in Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Russia

² Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

¹ svivk@yandex.ru ✉

² epalamar@mail.ru

³ irina_semen@inbox.ru

Abstract. The object of the study is the historically changing policy of Russia in the sphere of handling nuclear weapons. The purpose of the article is to study and clarify the effect of Russian and international norms in the field of non-proliferation of nuclear weapons. The study used the dialectical method of scientific cognition, as well as a number of specific scientific methods: historical, logical, normative and legal, etc. The issues of development of the Russian nuclear doctrine, as well as international treaties aimed at curbing the nuclear arms race are considered. In practical terms, the problem of the need for new approaches in the Russian policy of using nuclear weapons in order to ensure national security is studied. It is noted that the current international military-political situation resembles the Cuban Missile Crisis of 1962. An analysis of the causes of the current situation is carried out and the steps taken by the Russian leadership to further develop the policy of nuclear deterrence are substantiated.

Keywords: nuclear doctrine, nuclear deterrence, nuclear powers, international treaties, military doctrine, national security

For citation: Kuzina S.I., Palamarchuk E.A., Sementsova I.A. Russian Nuclear Deterrence Policy: History and Prospects. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2025;(1):98-104. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-98-104>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Введение

Заметные изменения соотношения глобальных сил в мире делают развитие мировой системы государств все более нестабильным. Отчетливо проявляется стремление многих государств к многополярному миру. Процессы суверенизации встречают сопротивление ранее доминирующих держав, которые утрачивают ведущую роль в мировых процессах. Растет число военных конфликтов, снижается уровень глобальной и региональной безопасности, отмечается агрессивный национализм, наблюдаются турбулентные политические процессы на постсоветском пространстве, обостряется угроза ядерного противостояния и прочие риски трансформации мировой системы государств.

Распространение ядерного оружия усилило центробежные силы в международной системе. На протяжении последнего тридцатилетия распались одни и возникали другие государства, менялись и продолжают меняться блоковые структуры, такие, к примеру, как Североатлантический альянс (НАТО), БРИКС и др. Возобновились межгосударственные территориальные притязания, вооруженные конфликты в разных регионах мира, в том числе на границе России. В разрешении межгосударственных проблем все чаще используется военная сила вместо дипломатических и переговорных средств, происходит делегитимация принципов международного права.

Наряду с прежними центрами силы в окружении России возникают новые региональные центры (Китай, Иран, Турция и др.), которые, обладая крупными армиями, имеют также ядерные доктрины.

Риск дальнейшего распространения ядерного оружия ставит под угрозу глобальную ядерную безопасность. Опасность представляет не только появление новых ядерных государств, но и растущая вероятность ядерного терроризма, авантюризма и шантажа, аварийных или ошибочных пусков ракет с ядерными боеголовками, катастроф на атомных электростанциях. Процесс обеспечения ядерной безопасности в мире приобрел нестабильный характер и пока обусловлен мерами, направленными на сдерживание распространения ядерного оружия.

В настоящее время ядерными державами являются девять государств: США, Россия, Великобритания, Франция, Китай, Индия, Пакистан, Израиль, КНДР. Первые пять стран испытали первую атомную бомбу до 1967 г., они считаются старыми ядерными державами и входят в постоянный состав Совета Безопасности ООН, члены которого обладают правом вето, налагаемым на предлагаемые стратегические решения. Остальные четыре – молодые члены ядерного клуба. Раньше, с 1979 г., членом клуба была Южно-Африканская Республика (ЮАР), но в 1989 г. она, первая и пока единственная, добровольно отказалась от ядерного оружия.

США впервые испытали атомную бомбу в 1945 г. «Советский Союз стал обладателем атомной бомбы в августе 1949 г.» [1, с. 61]. Индия провела первое (тайное) испытание атомной бомбы в 1974 г., Пакистан – в 1998 г. Израиль не отрицает и не подтверждает наличие у него ядер-

ного оружия, но первые его испытания, по мнению специалистов, начались еще на рубеже 1960–1970-х гг. КНДР вступила в ядерный клуб в 2006 г.

Всего же, с 1945 по 1996 г., во всем мире было проведено более 2000 ядерных испытаний. В 1996 г. был разработан и открыт для подписания Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. «К настоящему времени договор подписали 185 государств и 170 – его ратифицировали» [2].

Результаты исследования

Осознавая опасность ядерной войны, лидеры ведущих держав на протяжении второй половины XX в. и начала XXI в. выстраивали систему ядерного сдерживания и нераспространения ядерного оружия. С 1968 по 2010 г. были заключены десять основных международных соглашений, направленных на нераспространение ядерного оружия и сдерживание гонки вооружений:

1. Договор о нераспространении ядерного оружия (1968 г.). Его не подписали Индия, Пакистан и Израиль, которые впоследствии разработали ядерное оружие, КНДР вышла из договора.
2. Договор об ограничении систем противоракетной обороны (1972 г.). Он был заключен между СССР и США, в 2001 г. США вышли из договора.
3. Договор об ограничении стратегических вооружений (1972 г.).
4. Договор об ограничении стратегических вооружений (1979 г.).
5. Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (1987 г.) – между СССР и США. В 2019 г. США первыми вышли из него.
6. Договор об обычных вооруженных силах в Европе (1990 г.). В 2007 г. Россия приостановила его действие.
7. Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (1991 г.). После распада СССР на постсоветском пространстве ядерное оружие осталось у России, Украины, Казахстана и Белоруссии. По дополнительному протоколу к договору в трех последних странах ядерное оружие было уничтожено или передано России.
8. Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (1993 г.) – между РФ и США, из него вышли обе страны.
9. Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов (2002 г.) – между РФ и США. Утратил силу в 2011 г.
10. Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений» (2010 г.) – между РФ и США. Срок действия закончился в 2021 г., был продлен до 2026 г. В связи с невозможностью выполнения его условий из-за пандемии и антироссийских санкций Россия приостановила действие договора.

В настоящее время существует вероятность построения каждым национальным государством собственной противоракетной обороны, что может повлиять на сохранение баланса сил в мире. Например, официальные лица США в 2020 г. заявили, что не собираются ограничивать себя в сфере противоракетной обороны, как это было раньше [3]. Таким образом, стратегической целью России становится обеспечение национальной (в том числе военной и ядерной) безопасности за счет наличия силового фактора, по своей мощи адекватного растущим внешним угрозам. Им было и остается ядерное оружие.

Подписанные много- и двухсторонние договоры сегодня пока поддерживают ядерную стабильность, но мер, которые обеспечивали бы безопасность в случаях неконтролируемого распространения ядерных вооружений, явно недостаточно.

Говоря о разработанности темы ядерного сдерживания, необходимо прежде всего отметить международно-договорную деятельность ведущих государств, а также принятие национальных ядерных доктрин и стратегий в области обеспечения национальной безопасности. Так, вопросами сдерживания применения и разработки ядерного оружия занимались такие ученые, как А.И. Антонов [4], А.Г. Арбатов [5], В.С. Белоус [6], С. Караганов [7], В.С. Кузнецов, Н.В. Степанова [8] и др.

Появление ядерного оружия у двух противостоящих идеологических систем – СССР и США – внесло в международные отношения новые коррективы. Ядерный потенциал у двух больших держав стал играть стабилизирующую роль, отрезвляя политиков и руководителей государств.

Однако в 1962 г. мир оказался на грани катастрофы – случился Карибский (Кубинский) кризис. Начало ему положило размещение США в 1961 г. ракет с ядерными боеголовками в Турции, которые могли за короткий срок достигнуть крупных городов, промышленных центров СССР, включая Москву. «Ответной мерой Советского Союза стала переброска и размещение на Кубе военных частей и подразделений Вооруженных сил СССР, включая ядерное оружие» [1, с. 61]. Дальнейшее сотрудничество по снижению ядерной угрозы было зафиксировано в нескольких договорах о нераспространении ядерного оружия и остановке гонки вооружений.

Распад СССР привел к некоторым изменениям в расстановке ядерных сил. Часть договоров между СССР и США прекратили свое действие, из других РФ или США вышли в одностороннем порядке. Угроза третьей мировой, уже ядерной войны нарастает, особенно после начала Россией специальной военной операции, противниками которой стали многие государства – члены НАТО. Очевидно, что напряженная военная обстановка в мире напоминает Карибский кризис.

В сложившихся обстоятельствах президент РФ В.В. Путин 25 сентября 2024 г. «провел заседание постоянного совещания Совета безопасности РФ по ядерному сдерживанию, объявив о внесении в ядерную доктрину страны важных изменений» [9]. Самым важным стал расширенный список государств «и военных союзов, в отношении которых проводится ядерное сдерживание, дополнен перечень военных угроз, для нейтрализации которых прибегают к ядерному сдерживанию. Помимо этого, было предложено рассматривать агрессию со стороны любого неядерного государства, но с участием или при поддержке ядерного государства как их совместное нападение на Россию» [10], о чем сообщил замминистра иностранных дел РФ С. Рябков.

Ядерная доктрина как таковая не присутствует в официальных документах Российской Федерации. У разных государств приняты ядерные доктрины и отдельным документом, и как часть военной доктрины или стратегии.

В России на данный момент меры по парированию угрозы ядерной войны предусмотрены в Военной доктрине РФ: «Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства.

Решение о применении ядерного оружия принимается Президентом Российской Федерации» [11].

В 2020 г. вышел Указ Президента РФ «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания» [12], где в п. 19 указаны условия применения Российским государством ядерного оружия. Данный указ зафиксировал, что Россия как ядерная держава провозглашает исключительно оборонительный характер применения такого вида оружия [13]. Ядерное сдерживание для РФ является высшим приоритетом государственной политики в области военной и национальной безопасности. Этот документ был принят впервые с момента разработки в СССР ядерного оружия.

19 ноября 2024 г. утвердили новый правовой акт, изменивший ядерную доктрину Российской Федерации, – «Основы государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания» [14]. В связи с осложняющейся военной обстановкой в мире, угрожающей существованию Российского государства, условия применения ядерного оружия Россией были пересмотрены в сторону ужесточения и расширения. В новом документе содержатся следующие условия: «10. Агрессия любого государства из состава военной коалиции (блока, союза) против Российской Федерации и (или) ее союзников рассматривается как агрессия этой коалиции (блока, союза) в целом.

11. Агрессия против Российской Федерации и (или) ее союзников со стороны любого неядерного государства с участием или при поддержке ядерного государства рассматривается как их совместное нападение» [14].

Предупреждение о четкой позиции Российского государства по поводу имеющих и вероятных угроз ее безопасности содержатся и в п. 15 данной политики – перечне военных опасностей, способных перейти в военные угрозы против России, для нейтрализации которых осу-

ществляется ядерное сдерживание. В их числе – и создание новых военных баз у ее границы, и проведение крупных военных учений и др. Также в разделе III заявлены условия, при которых Россия оставляет за собой право перехода к применению ядерного оружия, и не только в ответ на ядерную атаку противника, но и при массовой атаке по ее территории (и территории Белоруссии) обычным вооружением противника.

Заключение

Россия, приняв новые «Основы государственной политики РФ в области ядерного сдерживания», впервые официально продекларировала условия, при которых она оставляет за собой право на применение ядерного оружия. Главным же является реальная угроза существованию Российского государства [13]. В связи с ухудшением военной обстановки в мире Россия вынуждена вносить коррективы в свою ядерную доктрину и политику ядерного сдерживания для защиты национальной безопасности. Официальные предупреждения верховной власти России направлены на предупреждение дальнейшей эскалации агрессии против страны.

Сложившаяся военно-политическая ситуация для всей мировой системы государств ставит перед руководством России вопрос принципиально новых подходов в ядерной политике. Появление и дальнейшая корректировка официальных российских документов в области ядерной политики в соответствии с усложняющейся международной обстановкой направлены на сдерживание гонки распространения оружия массового уничтожения. Ядерное оружие продолжает играть важную роль в политике, когда безъядерный мир уже невозможен. Позиция Российской Федерации в области обеспечения национальной и международной безопасности в условиях ядерного противостояния остается достаточно открытой и принципиальной.

Список источников

1. *Чаевич А.В.* Роль ядерного оружия в мировой политике: история и современность // *Власть*. 2021. Т. 29, № 6. С. 60–65. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i6.8679>
2. Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. 28.04.2021 // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/yadernoe_nerasprostranenie/zapreshchenie_yadernykh_ispytaniy/1413344/ (дата обращения: 04.01.2025).
3. Special Presidential Envoy Marshall Billingslea on the Future of Nuclear Arms Control // Hudson Institute. 20.07.2020. URL: https://s3.amazonaws.com/media.hudson.org/Transcript_Marshall%20Billingslea%20on%20the%20Future%20of%20Nuclear%20Arms%20Control.pdf (дата обращения: 04.01.2025).
4. *Антонов А.И.* Контроль над ядерными вооружениями как фактор обеспечения национальной и международной безопасности: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2012. 409 с.
5. *Арбатов А.Г.* Десять апорий нашего времени. Теория и практика ядерного сдерживания // *Полис*. Политические исследования. 2021. Т. 30, № 4. С. 88–111.
6. *Белоус В.* Принцип сдерживания и концепция применения ядерного оружия первыми // *Пути к миру и безопасности*. 2010. № 1–2 (38–39). С. 34–35.
7. *Караганов С.* Тяжкое, но необходимое решение // *Россия в глобальной политике*. 13.06.2023. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/tyazhкое-no-neobhodimое-reshenie/> (дата обращения: 04.01.2025).
8. *Кузнецов В.С., Степанова Н.В.* Политика России и США в области ядерных вооружений на современном этапе // *Россия и Америка в XXI веке*. 2019. № 4. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760008175-9-1/> (дата обращения: 04.01.2025). <https://doi.org/10.18254/S207054760008175-9>
9. *Черненко Е.* Владимир Путин снимает барьеры. В российскую ядерную доктрину внесены существенные изменения // *Коммерсант*. 2024. 25 сент. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7182597> (дата обращения: 04.01.2025)
10. Рябков: изменение ядерной доктрины ведет к появлению у России «ядерной опции» // *REN.TV*. 2024. 9 нояб. URL: https://ren.tv/news/politika/1278883-riabkov-izmenenie-iadernoi-doktriny-vedet-k-poiavleniiu-u-rossii-iadernoi-optsii?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fstory%2F26fda93c-1672-56cf-8482-d058d717d17d (дата обращения: 04.01.2025).
11. Военная доктрина Российской Федерации : утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172989/ (дата обращения: 04.01.2025).

12. Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания : Указ Президента Российской Федерации от 02.06.2020 г. № 355. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45562> (дата обращения: 04.01.2025).

13. Кузина С.И., Сагирян И.Г., Краснова Е.А. Военная политика России на современном этапе: политико-правовые аспекты // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 5 (156). С. 121–125. EDN: RHMDJO.

14. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания : Указ Президента Российской Федерации от 19 ноября 2024 г. № 991. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410653348/> (дата обращения: 04.01.2025).

References

1. Chaevich A.V. The role of nuclear weapons in world politics: history and modernity. *Power*. 2021;29(6):60-65. (In Russ.). <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i6.8679>

2. *Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty, 28th April 2021*. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Available from: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/yadernoe_nerasprostranenie/zapreshchenie_yadernykh_ishpytaniy/1413344/ [Accessed 4th January 2025]. (In Russ.).

3. *Special Presidential Envoy Marshall Billingslea on the Future of Nuclear Arms Control*. Hudson Institute, 20th July 2020. Available from: https://s3.amazonaws.com/media.hudson.org/Transcript_Marshall%20Billingslea%20on%20the%20Future%20of%20Nuclear%20Arms%20Control.pdf [Accessed 4th January 2025].

4. Antonov A.I. *Nuclear arms control as a factor in ensuring national and international security*. Dissertation Abstract. Moscow, 2012. 409 p. (In Russ.).

5. Arbatov A.G. Ten aporias of our time. Theory and practice of nuclear deterrence. *Polis. Political Studies*. 2021;30(4):88-111. (In Russ.).

6. Belous V. The principle of deterrence and the concept of the first use of nuclear weapons. *Paths to Peace and Security*. 2010;(1-2):34-35. (In Russ.).

7. Karaganov S. A difficult but necessary decision. *Russia in global politics*. 13th June 2023. Available from: <https://globalaffairs.ru/articles/tyazhкое-но-необходимое-reshenie/> [Accessed 4th January 2025]. (In Russ.).

8. Kuznetsov V.S., Stepanova N.V. The policy of Russia and the United States in the field of nuclear weapons at the present stage. *Russia and America in the 21st century*. 2019;(4). Available from: <https://rusus.jes.su/s207054760008175-9-1/> [Accessed 4th January 2025]. (In Russ.). <https://doi.org/10.18254/S207054760008175-9>

9. Chernenko E. Vladimir Putin removes barriers. Significant changes have been made to the Russian nuclear doctrine. *Businessman*. 25th September 2024. Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/7182597> [Accessed 4th January 2025]. (In Russ.).

10. Ryabkov: changes in the nuclear doctrine lead to the emergence of a “nuclear option” for Russia. *REN.TV*. 9th November 2024. Available from: https://ren.tv/news/politika/1278883-riabkov-izmenenie-iadernoi-doktriny-vedet-k-poiavleniiu-u-rossii-iadernoi-optsi?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile&utm_referer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fstory%2F26fda93c-1672-56cf-8482-d058d717d17d [Accessed 4th January 2025]. (In Russ.).

11. *Military Doctrine of the Russian Federation*: approved by the President of the Russian Federation No. Pr-2976 at 25th December 2014. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172989/ [Accessed 4th January 2025]. (In Russ.).

12. *On the Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the Field of Nuclear Deterrence*: Decree of the President of the Russian Federation No. 355 at 2nd June 2020. Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45562> [Accessed 4th January 2025]. (In Russ.).

13. Kuzina S.I., Sagiryan I.G., Krasnova E.A. Military policy of Russia at the present stage: political and legal aspects. *Science and Education: Economy and Economics; Entrepreneurship; Law and Management*. 2023;(5):121-125. (In Russ.). EDN: RHMDJO.

14. *On approval of the Fundamentals of the state policy of the Russian Federation in the field of nuclear deterrence*: Decree of the President of the Russian Federation No. 991 at 19th November 2024. Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410653348/> [Accessed 4th January 2025]. (In Russ.).

Информация об авторах

С. И. Кузина – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и этнополитики, ЮРИУ РАНХиГС; профессор кафедры гражданского права и процесса, Филиал МУ им. С.Ю Витте в г. Ростове-на-Дону.

Е. А. Паламарчук – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права, РИ ВГУЮ; профессор кафедры гражданского права и процесса, Филиал МУ им. С.Ю Витте в г. Ростове-на-Дону; профессор кафедры процессуального права, ДГТУ.

И. А. Семенцова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии, РИ ВГУЮ; доцент кафедры уголовного права и процесса, Филиал МУ им. С.Ю Витте в г. Ростове-на-Дону.

Information about the authors

S. I. Kuzina – Doctor of Science (Political Science), Professor, Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics, SRIM RANEPА; Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Branch of the WMU in Rostov-on-Don.

E. A. Palamarchuk – Doctor of Science (History), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, RI ARSUJ; Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Branch of the WMU in Rostov-on-Don; Professor of the Department of Procedural Law, DSTU.

I. A. Sementsova – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, RI ARSUJ; Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Branch of the WMU in Rostov-on-Don.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.01.2025; одобрена после рецензирования 12.02.2025; принята к публикации 04.03.2025.
The article was submitted 10.01.2025; approved after reviewing 12.02.2025; accepted for publication 04.03.2025.

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ BOOKS REVIEW

Рецензия на книгу

<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-105-106>

Славный град Черкасск : собрание сочинений протоиерея Григория Левитского / сост. А.В. Шадрина, Л.А. Штавдакер; под общ. ред. Г.Г. Матишова; вступ. ст. и коммент. А.В. Шадринной. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2024. 240 с.

Николай Александрович Мининков

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

namininkov@sfedu.ru

Для цитирования: Мининков Н.А. – Славный град Черкасск : собрание сочинений протоиерея Григория Левитского / сост. А.В. Шадрина, Л.А. Штавдакер; под общ. ред. Г.Г. Матишова; вступ. ст. и коммент. А.В. Шадринной. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2024. 240 с. // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 1. С. 105–106. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-105-106>

Book Review

The glorious city of Cherkassk. The collected works of Archpriest Gregory Levitsky. A.V. Shadrina, L.A. Shtavdaker (comp.); G.G. Matishov (ed.); introductory article and comments by A.V. Shadrina. Rostov-on-Don: Publishing House of SSC RAS, 2024. 240 p.

Nikolai A. Mininkov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

namininkov@sfedu.ru

For citation: Mininkov N.A. – The glorious city of Cherkassk. The collected works of Archpriest Gregory Levitsky. A.V. Shadrina, L.A. Shtavdaker (comp.); G.G. Matishov (ed.); introductory article and comments by A.V. Shadrina. Rostov-on-Don: Publishing House of SSC RAS, 2024. 240 p. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2025;(1):105-106. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-105-106>

Одной из особенностей развития отечественной культуры XIX в. является значительное возрастание интереса активно формировавшейся на местах интеллигенции к локальной истории. Об этом свидетельствует ее ярко выраженное стремление к изучению региональной истории и краеведения, достопримечательностей и памятных мест в пределах своих административных земель, биографий знаменитых людей. Подобные исследования активно развивались на территориях расселения казачества, в том числе на Дону. Труды донских краеведов, однако, известны сравнительно мало. В числе таких краеведов – старочеркасский протоиерей Григорий Андреевич Левитский, священник донского казачьего происхождения, которому принадлежит ряд публикаций о прошлом станицы Старочеркасской как главного города Войска Донского с 1644 по 1805 г., а также по истории близлежащих территорий.

Современные донские историки – исследователь дореволюционного прошлого православной церкви на Дону А.В. Шадрина и донской краевед Л.А. Штавдакер – подготовили книгу «Славный град Черкасск», включающую сборник трудов протоиерея Г.А. Левитского, под общей редакцией академика РАН Г.Г. Матишова. Труды донского краеведа, публиковавшиеся в газете «Донские войсковые ведомости» с 1852 по 1871 г., уже стали библиографической редкостью. То же самое относится к его книге «Старочеркасск и его достопримечательности», третье издание которой вышло уже после кончины автора, в 1906 г. Статьи, написанные Г.А. Левитским, относятся к церковной и общей истории этой станицы, сыгравшей исключительно важную роль в истории Дона.

© Мининков Н.А., 2025

Г.А. Левитский написал краткую статью по истории Воскресенского войскового собора с подробным описанием вкладов, делавшихся донскими атаманами и некоторыми другими известными казаками Войска Донского, а также достопримечательностей, хранящихся в соборе. Работа дополнена публикацией планов собора, снятых уже после кончины протоиерея, в 1895 г., а также списка священников этого собора с 1726 по 1869 г. Среди достопримечательностей Черкаска Г.А. Левитский выделял майдан, с которым были связаны многие события истории Войска Донского, прежде всего XVII в., периода фактической его самостоятельности, когда на войсковых кругах решались важнейшие вопросы внутренней жизни казачества и организации его военных предприятий. Для казаков этот майдан стал, несомненно, памятным местом. Для современной исторической науки представляет очевидный интерес и небольшое исследование протоиерея о старинных кладбищах Черкаска. Это не случайно, поскольку кладбища, которые являются исключительно значимым местом исторической памяти для всякого сообщества, нередко недооцениваются в качестве своеобразного и сложного для комплексного анализа и интерпретации исторического источника. К вопросам, привлекающим внимание читателей, относится история кладов, их поисков и находок. Как показал Г.А. Левитский, Черкасск был одним из донских центров, где всегда рассчитывали найти какие-то исторические клады. Он привел краткую историю находок местных жителей с 1825 по 1869 г. в главном войсковом городе XVII – начала XIX в.

Г.А. Левитский характеризовал достопримечательности Черкаска и давал подробное описание станиц, из которых состояла столица Войска Донского в прошлом и память о которых сохранялась в XIX в. Он представил список важнейших событий в Черкасске, начиная с совершенно недостоверного события 1500 г., когда некий Агус (Августий) Черкас построил первый городок на месте Черкаска, вплоть до моментов, происходивших на памяти самого Г.А. Левитского до 1869 г. Упоминание о первом событии (со ссылками на генерала А.И. Ригельмана, сочинение по истории донского казачества директора Новочеркасской гимназии А. Попова и генерала В. Броневского) как реальном факте представляет интерес в качестве наглядного свидетельства недостаточного развития исторической критики среди краеведов и любителей донской истории того времени.

Предисловием к данному собранию сочинений выступает статья А.В. Шадринной, отражающая биографию краеведа-протоиерея. Основанная на анализе большого материала архивных источников и публикаций, она дает представление не только о жизненном пути протоиерея, но и о методах работы его как исследователя донской краеведческой проблематики. Как указывает А.В. Шадринна, достижения Г.А. Левитского были признаны: он был принят в 1860 г. членом-корреспондентом, а в 1865 г. – действительным членом Донского статистического комитета. Л.А. Штавадакер составила список опубликованных произведений протоиерея, а также послужные списки.

Обращает на себя внимание оформление издания. Книга содержит иллюстрации памятников Старочеркасской станицы, номеров газеты «Донские войсковые ведомости» с публикациями Г.А. Левитского, а также листов из архивного дела, содержащего написанную им «Похвальную песнь Старочеркасскому соборному храму», которая впервые издана в рецензируемой книге.

Данный сборник принесет несомненную пользу для современных исследователей проблематики истории донской культуры, исторической мысли казачества и исторического краеведения на Дону, а также для истории казачьих станиц, в том числе Старочеркасской. Он вызовет также интерес читателя, который стремится глубже и полнее узнать историю и культуру донского казачества.

Информация об авторе

Н.А. Мининков – доктор исторических наук, профессор Института истории и международных отношений.

Information about the author

N.A. Mininkov – Doctor of Science (History), Professor, Institute of History and International Relations.

Над номером работали: В.В. Дашевская, М.С. Шипитко
Подписано в печать 27.03.2025. Выход в свет 31.03.2025.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Шрифт Times.
Усл. печ. л. 12,32. Уч.-изд. л. 12,71. Тираж 250 экз. Заказ № 9924

Адрес редакции и издателя (для переписки):
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, Южный федеральный университет.
E-mail: izvestiya@sfedu.ru. Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru

Адрес редколлегии: 344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 2, к. 110,
тел.: (863) 218-40-00, доб. 11-093, доб. 11-094

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ,
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 1, к. 104, тел. (863) 247-80-51

Magazine released V.V. Dashevskaya, M.S. Shipitko
Signed print March 27, 2025. Publication March 31, 2025.
Format 60×84 1/8. Offset paper.
Conv. print. sheets 12.32. Publ. sign 12.71. Edition 250 copies. Order number 9924
Address of Editorial Board and the publisher (for correspondence):
344006, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya St., 105/42, Southern Federal University.
E-mail: izvestiya@sfedu.ru. Web Address: www.izvestiya.sfedu.ru

Address of Editorial Board: 344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bildg. 2, of. 110,
phone: (863) 218-40-00, ext. 11-093, ext. 11-094

Printed in the printing department, and corporate souvenirs,
Publishing and printing complex KIBI MEDIA CENTER, SFU,
344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bildg. 1, of. 104, phone (863) 247-80-51

Научный журнал
**«ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ.
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»**

Рецензируемый журнал «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки», имеющий статус центрального издания, включенного в перечень ВАК, продолжает прием работ по следующим отраслям:

1. Философские науки.
2. Исторические науки.
3. Экономические науки.

Кроме того, публикуются материалы в разделах:
– «Заметки о книгах»;
– «Научная жизнь»;
– «Штрихи к портрету».

Журнал издается с периодичностью 4 номера в год. С электронной версией журнала можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=7571. Опубликованные статьи индексируются в российских и международных электронных библиотеках и наукометрических базах данных: РИНЦ, РУКОНТ, «Киберленинка», ЭБС «Университетская библиотека онлайн», ИВИС, Ulrich, EBSCO.

Авторы, сохраняя за собой авторские права на работу и передавая журналу «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» право первой публикации, автоматически принимают на себя обязательство не печатать ее ни полностью, ни частично в каком-либо другом издании без указания ссылки на оригинальную публикацию в этом журнале.

Издательские услуги оплачиваются организацией или автором после утверждения статьи на редколлегии.

Оформление работ осуществляется согласно правилам:

1. Представляется статья в электронном виде. Перед заголовком указать индекс УДК.
2. Статья оформляется в формате .doc или .docx (MS Word) через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman размером 14 пт, страницы пронумерованы.
3. Сведения об авторах с указанием автора, ответственного за переписку, **на русском и английском языках.**
4. Полное название организации **на русском и английском языках.**
5. Название статьи и фамилии авторов **на русском и английском языках.**
6. Аннотация **на русском и английском языках** (1000–1500 знаков / 150–200 слов).
7. Ключевые слова **на русском и английском языках (8–10 слов).**
8. Список источников также продублировать на английском языке.

Журнал распространяется по подписке через объединённый каталог «Пресса России», интернет-каталог «Пресса по подписке». Подписной индекс – 70414 (подписка на полугодие).

В неподписной период отдельные номера журнала за нынешний и прошлые годы можно приобрести в редакции.

Адрес для переписки: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, ЮФУ.

Редакция журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки».

Тел.: (863) 218-40-00, доб. 11-093, доб. 11-094.

E-mail: izvestiya@svedu.ru.

Адрес в Интернете: www.izvestiya.svedu.ru.

ISSN 2687-0770. Doi: 10.18522/2687-0770-2025-1.

Известия высших учебных заведений.

Северо-Кавказский регион. Общественные науки.

2025. № 1